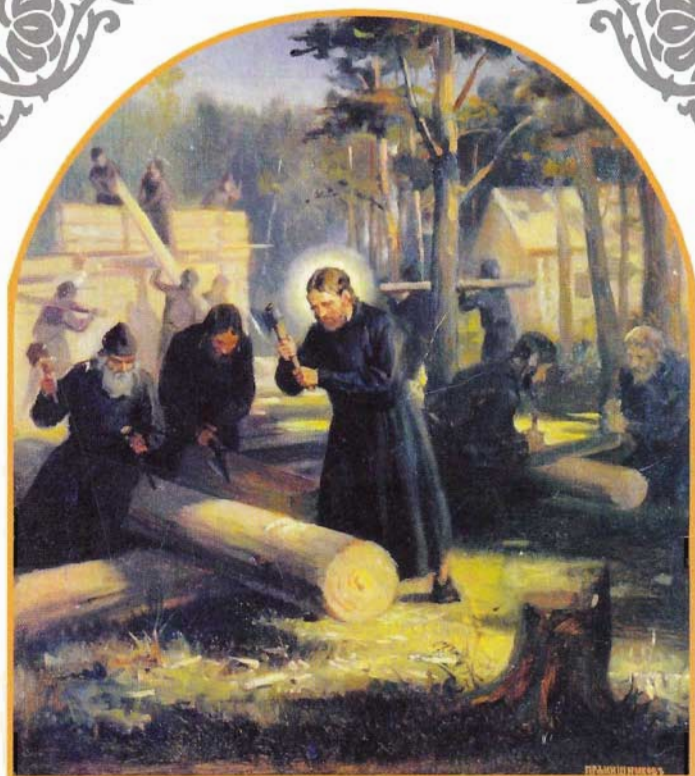

ИСТОРИЯ ПРАВОСЛАВНОГО МОНАШЕСТВА

ИСТОРИЯ ПРАВОСЛАВНОГО МОНАШЕСТВА

в Северо-Восточной России
со времен преп. Сергия Радонежского

В двух частях

Составил диакон
Матфей КУДРЯВЦЕВ

Крутицкое Патриаршее Подворье
Общество любителей церковной истории
Москва
1999

**По благословению
Архиепископа Костромского и Галичского
АЛЕКСАНДРА
Председателя Всеперковного Православного
Молодежного Движения**

Текст печатается по московскому изданию 1881 года.
От Московского Комитета для цензуры духовных книг печатать дозволяется.
Цензор прот. Михаил Боголюбский
Московская Духовная Академия 4 мая 1881 года

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Общий взгляд на историю русского монашества

Православное монашество, существующее в России около тысячи лет, принесено было к нам с Востока. Начальником русского монашества почитается Антоний Печерский, который, возвратившись с Афона, устроил себе жилище в одной из киевских пещер. Но и до прибытия Антония в Киев монашество уже существовало в России. Мудрая Ольга, княгиня Русская, устроила в Киеве церковь Св. Софии и монастырь. А великий князь Владимир, отвоевавший у князей всю Россию, по принятии святого крещения, в доказательство торжества Православия над язычеством, на месте им же самим построенных капищ строил величественные храмы христианские; для утверждения же юных христиан в нравственности христианской — устраивал монастыри, обитатели которых должны были быть примером бесстрастной жизни, более всякого устного назидательного слова, являть собою силу Евангелия. Сыновья Владимира, получив в удел разные города и насаждая в них веру Христову, по примеру своего отца, устраивали в них монастыри.

В X и XI веках монастырей в России было столько, сколько было просвещенных христианством городов. Но монастыри эти, устраиваемые так усердно князьями и боярами — по большей части среди городов, среди мирской суеты и шумных княжеских пиров и широкого раз-

гула, не выполняли и не могли выполнить свои высокие задачи. «Много было монастырей, — говорит летописец, — поставлено от князей, от бояр, но не таковы они, какие основаны слезами, пощением и молитвою». И это потому, что жизнь иноческая, требующая не минутных порывов души, не кратковременного пробуждения религиозного чувства, но постоянного, неуклонного шествия по пути самоотвержения, всегда нуждалась и нуждается в великих руководителях, которые бы утверждали колеблющуюся волю на тесном пути спасения. Иноки, жившие среди городского шума, не видевшие у себя в монастырях примеров бесстрастной жизни, легко увлекались миром с его соблазнами, и тогда-то монашество представляло жалкое только подобие Антониева — восточного монашества — и имело печальные плоды своего существования.

Истинным же руководителем для ищущих спасения, начальником русского монашества был Антоний Печерский, с юных лет воспитавшийся в строгой аскетической жизни на далеком Афоне. Получив благословение Св. горы, по прибытии в Киев Антоний поселился в одной глубокой пещере — в горе, среди необитаемого леса. Долголетняя жизнь его в тесной пещере, изнурение тела суровыми пещерными трудами и продолжительным постом, сокрушение духа безмолвием, непрестанная молитва и слезы умиления из глубины земли и сердца прославили его чудотворениями. К нему начали приходить и желавшие подражать его жизни. Вот начало Киево-Печерской обители.

Влияние преп. Антония на современное общество было огромное. Всякий, увидевший Антония, неохотно разлучался с ним, всякий, беседовавший с ним, восхищался его духовной мудростью, больные получали исцеление, получив от него обыкновенную пищу. Князя часто при-

бегали к его советам в делах правления народом и нередко должны были подчиняться его решениям. Монастырь св. Антония и его сотрудника его Феодосия, основанный поистине слезами и постом, сделался рассадником христианского благочестия на Руси, от него произошли многие монастыри в Юго-Западной России, сиявшие, как звезды, великими подвижниками. В течение двух веков монашество св. Антония было в самом цветущем состоянии. В России¹ в те времена, по свидетельству историков², постригались в монашество и схиму не только великие князья и княгини, но и народ. И то было, конечно, не просто безотчетное влечение. Князья и народ на самом деле видели в монашестве Ангельский образ, — жизнь иноческая заключалась в терпении трудов и оскорблений, умерщвлении страстей и дарах духовных. Облечение в иноческие ризы понимали как видимую печать облечения во всеоружие Божие, сильное против помышлений и всех козней диавольских. Но к концу XIII в. жизнь иноческая начала ослабевать и числом подвижников, и духом иночества, впрочем, не сама по себе, но от влияния внешних причин. Князья русские от властолюбивых распрей за великокняжеский престол в Киеве нередко переходили к кровавой расправе, открывая широкий путь вторжения в Россию врагам, направляющим свои опустошительные набеги на Киев же. И Киев — слава Церкви Русской, оплот монашества и опора народа, нередко представлял одни только дымящиеся развалины, оглашаемые воплем невинных жертв. Когда великокняжеский стол переходил из рук в руки, жизнь каждого гражданина, не исключая и

¹ Платон, митрополит. Краткая российская церковная история: В 2 т. Т. 1. 1805. С. 57.

² Иннокентий (Смирнов), преосв. Начертание церковной истории от библейских времен до XVIII в. СПб., 1817. С. 127, 274 и 315.

подвижников, была в опасности одинаковой. Митрополиты Киевские, всегда покровительствовавшие монашеству, не могли, вследствие политических смут, жить в Киеве и перенесли свою кафедру сначала во Владимир, а потом и в Москву, оставив и клир и монашество без покровительства и надзора. Все это немало способствовало упадку монашества. Буря же нашествия монгольского ниспровергла множество обитателей, рассеяла иноков, и многие обители исчезли с лица земли, не оставив никаких следов своего существования. Хотя иго монгольское наложило свою железную руку на всю православную Россию, в начале XIV в. Москва была несколько счастливее других городов русских. Благоразумные князья московские, будучи состоятельнее других князей, снискали расположение Орды к Москве и получили великокняжеский ярлык. Заботясь о расширении своих прав, они с особенной ревностью старались под влиянием, конечно, митрополитов, ходатайствовать перед ханами и о расширении прав и преимуществ Церкви Московской. Между тем и сами митрополиты, отправляясь нередко к сарайским властелинам по нуждам государства и Церкви, приобрели за святость свою любовь и уважение от ханов. Св. Алексей, исцеливший Тайдулу, супругу Джанибека, от слепоты, получил от хана драгоценный перстень, который и до нашего времени хранится в Патриаршей ризнице. Преемник Джанибека неукротимый Бердибек, убивший 12 братьев, настолько был расположен к св. Алексею за его красноречие и смирение, что вручил ему ярлык следующего содержания: «Силою ³ Вышнего Бога слово Бердибека, по примеру дедов и прадедов, татарским, улусным и ратным князьям. Чингис царь, и прежние цари, предки наши жа-

³ Григорьев. О ярлыках. С. 126.

ловали церковных людей молитвенников, которые молят Бога, и весь чин священнический. Вспомнив это, мы пишем, какова ни будет дань, наши молитвенники пусть не видят и не слышат о ней, чтобы в покое молили Бога и совершали моления. В таком виде давались ярлыки первыми и последующими царями. И мы, не изменяя прежним ярлыкам, тем же пожаловали митрополита Алексия. Когда он будет сидеть на столе своем и станет молиться за нас и за наше племя, то какая бы ни была дань или пошлина, пусть не ведает и не слышит он о ней. Пусть не смеют требовать у наших молитвенников ни подвод, ни корма, ни питья, ни даров, ни почести, какие есть у них церковные земли, воды, дома, огороды, сады, мельницы, пусть не берут и не отнимают у них ничего; если же кто взял бы, пусть отдаст без суда. В церковных домах не быть постою, ни тревоге; если же кто остановится в них или начнет бесчинствовать, тому будет худо, умрет злою смертью. Ты же Алексий митрополит и весь ваш чин священнический, объявите о сем. Молись за нас Богу. Так сказав, мы дали ярлык с алою тамгою на охранение ваше в год курицы, 10 день десятого месяца в 758 г.» (1357 г.).

При таких сравнительно счастливых обстоятельствах в Московском княжестве и при очевидном возвышении Москвы в XIV в. над прочими городами, и в гражданском и в церковном отношении, монашество в России, которое, казалось, повержено было, как разбитый труп под всеокрушающим мечом татарским, снова восстало в лице преп. Сергия Радонежского. Вдали от городов и селений, в глуши лесов основал Сергей свою обитель. Под его руководством воспитались многие подвижники, которые по всем концам Северной России основали многие обители и в них внесли новый дух иночества, пробужденный их ве-

ликим учителем. Подражая своему наставнику, они основывали свои монастыри вдали от селений в глубине лесов и там обрекали себя добровольно на подвиги самоотвержения. Словом, преп. Сергей был для монашества Северо-Восточной России тем же, чем преп. Антоний был в Киеве для монашества Юго-Западной России.

И как полезно и назидательно углубляться в созерцание жизни подвижников, изучать их советы и наставления для духовной жизни!.. Монашество, основанное Сергием Радонежским, образовало сонмы подвижников христианства, которые представили в себе живые примеры самых высоких, самых разнообразных добродетелей для поучения и вразумления мира. Святая жизнь отшельников, их высокая духовная мудрость, приобретенная долговременным опытом, сколь многих обратили от пути заблуждений, руководили на пути добродетели, подкрепляли, утешали в минуты искушений и скорбей. Они уходили от мира, оставляя все принадлежащее им в мире, в непроходимые леса, уединялись в горах и пещерах, и там, вдали от мятежа человеческого, обрекали себя на всегдашнее уединение и всякого рода лишения. Силою благодати Божией они возносились к высоте христианского совершенства и, преодолевая слабость человеческого естества, были ангелами в плоти. Нельзя не подивиться необыкновенному самоотвержению пустыннолюбцев. Непрестанная молитва, строгий пост, изнурительные пещерные труды, добровольная продолжительная разлука с духовными сподвижниками, иногда совершенное безмолвие, постоянная борьба со страстями и духами злобы — вот в чем протекла их жизнь! Часто, имея возможность жить благополучно в мире, добровольно они подвергали себя всем лишениям нищеты и алчбы, носили жесткие худые власяницы и тяжелые цепи; охотно и немздоимно

помогали страждущим своими духовными врачеваниями; лишая себя скудной пищи, питали нищих и зверей. Нередко иноки являлись и в мире, — и для чего? Для того, чтобы примирить враждовавших князей, водворить согласие и добрую нравственность в отечестве, искоренить ереси и расколы, терзавшие Церковь, возбудить мужество воинства к защите отечества и Церкви против врагов. Какие возвышенные побуждения!

За что же иногда слышим нарекания не только на современное, но и на древнее православное монашество? Не за то ли уже, что пустыннолюбцы, по слову апостола, «проидоша в милотех, и в козях кожах, лишени, скорбяще, озлоблени: ихже не бе достоин весь мир, в пустынях скитающесе и в горах и в вертепах и в пропастях земных» (Евр. 11:37—38)? Таковы были все древние подвижники: Павел Фивейский, Антоний Великий, Макарий Египетский, Ефрем Сирийский, таковы были: Антоний Печерский, Феодосий, преподобный Сергей Радонежский и множество учеников его, которые из мира пустынь, как звезды, просияли светом духовным и озарили вселенную. Все те светила вселенной, при высоком внутреннем достоинстве, напротив, не должны ли быть драгоценны для мира по многим благотворным для него действиям? Говорят, что некоторые древние благочестивые подвижники приведены были к такому образу жизни по необходимости — страхом гонений. Но против чего восставали гонители? Против благочестия, потому гонимые убегали в пустыни для сохранения благочестия. После этого неужели гонимые заслуживают укоризну? Мир считает этих людей отверженными им, ненужными членами. Но справедлив ли мир, когда он отвергает людей, которые, оставляя его на всю жизнь, в то же время на всю жизнь обрелись желать ему истинного добра; которые и самым де-

лом могут доставить нам то, чего желают; которые подвигами благочестия и непрестанными молитвами отводили от мира громы раздраженного неба и низводили на него могущественные и действенные благословения? Смотрите, дикая пустыня Сергиева превращается в цветущую вековую обитель; безлюдная пустыня дает бытие многолюдному обществу; пустынная обитель стоит непоколебимо против устремления врагов, уже низложивших столицу, становится щитом уже уязвленного царства и сокровищницей его спасения. И все это от одного пустынножителя! Мир, обольщая себя, говорит, что разные печали и напасти заставляют пустынников убегать от мира. Напротив, истинно отрекающийся от мира, если испытывает его неблаговоление, пользуется им, как благоприятным случаем, чтобы тем беспрепятственнее удалиться от него. Часто, не испытав от мира никакой видимой неприязни, пустыннолюбцы оставляют его потому, что пустыня их призывает, и тихий глас ее для них вожденнее, нежели шумные радости мира. Кто гнал из мира чудного отрока Варфоломея, окруженного любовью и неусыпными попечениями благочестивых родителей? Но мир и не знал даже сего Варфоломея до тех пор, пока не соделала его известным пустыня; мир скорее привлекал его к себе — самыми священными узами.

Какая же тайная сила влекла этих людей от мира и заставляла их, оставив все в нем приятное, скитаться в пустынях в лишении, в скорбях, в озлоблении? Эта тайная сила — есть вера. Верую, говорит апостол, победиша царствия, содеяша правду... вси сии послушествовани бывша верою (Евр. 11:33—39). Вера представила им, что они странники и пришельцы суть на земле. Вера вдохнула верным своим последователям глубокое чувство тленности мира и краткости жизни, а вследствие этого и пла-

менное желание отечества небесного; научила их предстоять Невидимому Богу, как бы видя Его, взирать на Начальника веры и Совершителя Иисуса; она указала им и на мздовоздаяние, уготованное им. При этих несродных миру чувствованиях красоты мира для них померкли, земные сокровища превратились в ничтожество, сладости чувственные преогорчились, мир превратился для них в страшную пустыню, а пустыня явилась раем, — и они побежали. Побежали от мира, где сообщество с людьми, испорченными суетой и злоупотреблениями, непрестанно возмущало их душу и совесть... Побежали в пустыню, и чем далее углублялись в леса и дебри, тем ближе могли ощущать Бога; отреклись от земного брака, чтобы тем свободнее уготовлять себя к единому небесному браку Агнца; облеклись мрачной власяницей, чтобы желание украшения не имело иного предмета, как виссон оправдания святых; осудили себя на голод и жажду, дабы чувственное насыщение не притупляло голода и вкуса к духовной вечери Царства Божия; удалились, так сказать, на самый конечный предел видимого и невидимого мира и, в сообразность с назначением к невидимому, добровольно и благовременно перенесли туда мысль и сердце, и беспрепятственно воспринимали благодатные посещения Святого Духа. И исполнилось над ними пророчество Исаии: застроятся... пустыни вековые: ты восстановишь основания многих поколений, и будут называть тебя восстановителем развалин... (Ис. 58:12).

Впрочем, история православного монашества представляет не внешние события, изменяющие судьбы человеческого рода, совершающиеся пред взорами всего мира, но внутреннюю жизнь души, подвиги самоотвержения, совершаемые в уединенной пустыне, в тишине келии. Это иной мир бесстрастных земнородных, неведомый на-

стоящему времени. Это мир избранных друзей Божиих, которые так дороги для Бога, что Господь удивлял вся хотения своя в них, и очи Господни обращены на них преимущественно, и уши Его в молитву их. Они составляют то святое семя, ради которого, по тайнозрению пророка, стоит еще земля, и небе достоин их мир. Предоставим же, благосклонный читатель, миру судить и осуждать православное древнее монашество в бесплезности его существования: вместо этого взойдем мысленно в древнюю пустыню Сергия; в ней так много поучительного, полезного, святого! В ту священную пустыню приходили не только немощные и сильные земли просить от преп. Сергия благословения, советов, чудесных исцелений и побед на преобладавших врагов, но и Ангелы сходили к нему и служили ему во время совершения им Божественной литургии, и даже сама Царица Небес, сопровождаемая ближними Царя царствующих, нисходила в его святое уединение, чтобы утвердить над его пустыней благословение Божие, которое в последующем времени враждебные силы мира, при всем видимом их могуществе, тщетно покушались разрушить. Как уместно здесь повторить слова инок-архипастыря, сказанные им в своей любезной Лавре. «Прости мне, великая лавра Сергиева, — говорил он, — если мысль моя с особенным желанием устремляется в древнюю пустыню Сергия. Чту и в красующихся ныне храмах твоих дела святых, обиталища святыни, свидетелей праотеческого благочестия; люблю чин твоих Богослужений, и ныне с непосредственным благословением преподобного Сергия совершаемых; с уважением взираю на твои столпостены, не поколебавшиеся и тогда, когда поколебалась было Россия; знаю, что и Лавра Сергиева, и пустыня Сергиева есть одна и та же и тем же богата сокровищем, то есть Божиею благодатию, которая

обитала в преподобном Сергии, в его пустыне, и еще обитает в нем, в его мощах, в его Лавре. Но, при всем том, желал бы я узреть пустыню, которая обрела и стяжала сокровище, наследованное потом Лаврой. Кто покажет мне малый деревянный храм, на котором в первый раз наречено здесь Имя Пресвятыя Троицы? Вошел бы я в него на всенощное бдение, когда в нем с треском и дымом горящая лучина светит чтению и пению, но сердца молящихся горят тише и яснее свечи, и пламень их достигает до неба, и Ангелы их восходят и нисходят в пламени их жертвы духовной. Отворите мне дверь тесной келии, чтобы я мог воздохнуть ее воздухом, который трепетал от гласа молитв и воздыханий преподобного Сергия, который орошен дождем слез его, в котором отпечатлено столько глаголов духовных, пророчесственных, чудодейственных. Дайте мне облобызать порог ее сеней, который истерт ногами святых, и чрез который однажды переступили стопы Царицы Небесной. Укажите мне еще другие сени другой келии, которые в один день своими руками построил преподобный Сергий, и в награду за труд дня и глад нескольких дней получил остаток согнивающего хлеба. Посмотрел бы я, как, позже других насажденный в сей пустыне, преподобный Никон спешно растет и созревает до готовности быть преемником преподобного Сергия. Послушал бы молчания Исакиева, которое, без сомнения, поучительнее моего слова. Взглянул бы на благоразумного архимандрита Симона, который довольно рано понял, что полезнее быть послушником у преподобного Сергия, нежели начальником в другом месте. Ведь это все здесь: только сокрыто временем, и заключено в сих величественных зданиях, как высокой цены сокровище в великолепном ковчеге. Откройте мне ковчег, покажите сокровище; оно непохитимо и неисто-

щимо; из него без ущерба его можно заимствовать благо-
потребное, например безмолвие молитвы, простоту жизни,
смирение мудрования». И если обитатели этой пусты-
ни наши соотечественники, не должно ли то еще более
увлекать нас к ним, стремиться сблизиться с ними? В са-
мом деле, кто ревнующий о спасении своей души не по-
желал бы перенестись к временам Сергия, чтобы отдать
себя в послушание его, и в его жизни и словах почерпать
наставления. Конечно, протекшего возвратить нельзя, но
история может воскресить пред нами образы подвижни-
ков иночества. История переносит нас в эти земные раи,
обиталища святости, знакомит с жизнью подвижников и
их возвышенными характерами, научает жить, мыслить,
чувствовать и действовать согласно с ними. Святые под-
вижники глубоко вникали в свою душу, и многие движе-
ния и состояния души, которые нам кажутся непонятны-
ми и которые нередко остаются незамеченными нами,
они внимательно проследили и верно оценили и опреде-
лили, и потому у них мы можем научиться познавать са-
мих себя. Так много полезного и назидательного пред-
ставляет история монашества.

Настоящий труд посвящается по возможности под-
робному изложению истории монашества, основанного
преп. Сергием в Северо-Восточной России.

**Житие преподобного Сергия Радонежского
до основания им Троицкой обители ⁴
(1314—1337)**

Основатель Троицкой обители, впоследствии славной Лавры, начальник монашества в Северо-Восточной России, преподобный отец наш Сергий, родился в 1314 году в древнем городе Ростове от благочестивых и благородных родителей-христиан — бояр Кирилла и Марии. Господь, благоволивший воссиять такому светильнику в земле Русской, замечает Епифаний, описатель жития его, не попустил, чтобы благочестивая отрасль сия возникла от не доброго корня; но преподобному младенцу приготовил достойных его родителей, украсив их всеми добродетелями, дабы взаимно умножалась похвала и родившегося и родивших. Нельзя не заметить того, с какой поразительной очевидностью сама десница Божия вела его к предназначенной в планах Домостроительства Божия цели. Еще с самых первых проявлений жизни сего благословенного плода дивный Промысл Божий дал о нем знамение, что он будет святая отрасль благословенного корня. В один день благочестивая Мария пришла в церковь к

⁴ Для краткого очерка жизни преп. Сергия, мы руководствовались следующими источниками: а) Житие преп. Сергия церковно-славянской печати, печатанное в 1646 г., по повелению Царя Алексея Михайловича, с рукописного жития Епифания, первого описателя жития Сергиева.

б) *Филарет (Дроздов), митр. Московский*. Житие Сергия Чудотворца. 1822.

в) *Филарет, архиеп. Черниговский*. Русские святые, чтимые всею Церковью или местно. Сентябрь, 1862.

г) *Муравьев А. Н.* Избранные Жития святых, кратко изложенные по руководству Четьих-Миней. 1860—1868.

литургии и остановилась, по обычаю, с прочими женами в притворе. Пред чтением Евангелия вдруг младенец вскричал у нее во чреве, так что многие удивились, что не видя в церкви ни одного младенца, слышали голос младенца. При начале Херувимской песни вторично он вскричал так громко, что мать пришла в страх. Когда священник возгласил: «Святая Святым», в третий раз вскричал младенец, и мать, едва не упав от объявшего ее страха, начала плакать. Видя смятение плачущей матери, прочие жены стали просить у нее показать им младенца. Тогда Мария принуждена была открыть им, что младенец кричал в чреве ее. В настоящее время свидетели подобного происшествия имели бы немало заботы об изыскании причины, произведшей это не совсем обыкновенное явление внутренней природы человека, и попытались бы приписать его к естественным явлениям, именно, что молитвенный восторг благочестивой матери в три важнейшие момента священнослужения сообщил необычайное возбуждение и жизни плода и т. д. Но в то время не искушали дивных путей Провидения, но, благоговая пред ними, все, выходя из церкви, повторяли с умилением слова Писания, сказанные об Иоанне: «Что убо отроча сие будет»? Ближайшим следствием необыкновенного приключения с благочестивой Марией в церкви было то, что она сделалась весьма внимательна к своему состоянию. Во все остальное время беременности она не употребляла ни мяса, ни молока, ни вина и сикера, но питалась хлебом и семенами и пила одну воду; часто втайне со слезами молилась хранящему младенцев Господу. Таким образом плод чрева ее, до появления на свет, очищался и освящался молитвою и постом. «Родители, — говорил в одной из проповедей митрополит Филарет, — если бы вы знали, сколько добра или, напротив, сколько зла можете сооб-

щать вашим детям еще до их рождения! Вы удивились бы точности суда Божия, Который благословляет детей в родителях и родителей в детях, и отдает грехи отцов на чад: помышляя о сем, с благоговением проходили бы служение, вверенное вам от Того, из Него же всякое отечество на небеси и на земли именуется»⁵.

Исполнилось время чревоношения, и родившейся младенец наречен Варфоломеем, от еврейского «сын радости». Вскоре мать заметила в младенце нечто необыкновенное: когда мать насыщалась тучною пищею, младенец не брал сосцов ее; то же случалось в среды и пятки. Приписывали было то болезни, но дитя не страдало, а то же явление повторялось и повторялось. Когда Варфоломей достиг семилетнего возраста, родители отдали его учиться, вместе с двумя его братьями — Стефаном и Петром. Братья учились прилежно и с успехом, а Варфоломей далеко отставал от них. Учитель наказывал его, товарищи укоряли, родители увещевали; он сам со слезами молился Богу, но дело пока шло так же неуспешно, хотя отрок и напрягал все свои силы к уразумению учения. Видно, Господу угодно было, чтобы отрок, о котором были столь добрые предзнаменования, ранним опытом научился, никакого успеха, никакого знания, никакой способности не приписывать себе, но единственно Отцу светов, от Которого свыше сходит всякий дар совершенный, и смиряться под крепкую Его руку. Прошло таким образом некоторое время неудач для Варфоломея, — и вот Господь внимлет молитве и слезам отрока, и для всех очевидным образом влагает в уста его разум и премудрость в познании учения. Однажды отец послал Варфоломея поискать коней в поле — и с ним случилось

⁵ *Филарет (Дроздов), митрополит. Слова и речи. М., 1835. С. 482.*

то же, что некогда с Саулом, который, будучи также послан отцом своим для отыскания утраченных ослов, обрел пророка Самуила, возвестившего ему грядущее царство. Отрок во время своих поисков увидел в поле под деревом старца, стоящего на молитве. Почувствовав к молящемуся глубокое уважение, сын боярина поклонился ему и стал вблизи, ожидая окончания молитвы. Окончив молитву, старец обратился ласково к отроку, и спросил: «Что тебе надобно, чадо, от меня?» У отрока, кроме неуспеха в учении, не было другой нужды и печали, и он, едва сдерживая слезы, произнес: «Я учусь грамоте, но не умею: помолись за меня Богу, отче святой, чтобы мне дан был смысл к пониманию учения». Благоговейный старец поспешил утешить скорбевшего отрока; воздев руки к небу, он произнес молитву, по окончании которой дал ему часть просфоры и сказал: «Се дается тебе в знамение благодати Божией и разумения Святого Писания: не скорби более, чадо мое, о грамоте, ибо отныне даст тебе Господь разум в учении, паче братий и сверстников твоих». Сказав это, старец простился с изумленным отроком и хотел удалиться, но благодарный Варфоломей, поклонившись старцу до земли, умолял его посетить дом родителей и вкусить от трапезы, прибавив: «Родители мои весьма любят таких, каков ты, отче! Удивился старец вере отрока и охотно последовал за ним в отчий дом. С честью приняли странника благочестивые Кирилл и Мария и усердно предложили ему брашна, но старец, прежде нежели вкусить от трапезы, вошел в молитвенную комнату, взяв с собою и отрока, начал молитвословие часов и велел ему читать псалмы. Тщетно смущенный отрок отрицался неумением; старец настоял, чтобы он говорил слово Божие без сомнения. Тогда Варфоломей, взяв благословение у своего нового наставника, начал вдруг читать псалмы ча-

сов стройно и внятно, к немалому удивлению родителей и братьев его. Между тем за трапезой старец узнал от родителей о приключении с Марией в церкви, и они просили разрешить их недоумение о том необычайном случае, который самой необычайностью тяготил их, исполняя невольным страхом. «Для чего устрашаетесь страхом там, где нет страха? — отвечал им старец. — Вам надлежит вместо того исполняться радостью о данном вам благословении. Отроку надлежит сделаться обителем Пресвятой Троицы, дабы многих привести вслед себя к разуму божественных заповедей». Сказав эти пророчесственные слова, таинственный незнакомец скрылся от них.

Получив столь чудным образом совершенный успех в учении, Варфоломей прилепился всей душою к церковному богослужению, чтению и изучению священных книг, проявляя не по летам и плоды учения. Оставив своих товарищей и детские развлечения, он быстро преуспевал в своем единственном занятии — чтении книг, возрастал и преуспевал и в страхе Божиим. Через некоторое время воспринял он строгий пост: по средам и пятницам не вкушал ничего, а в прочие дни питался хлебом и водою, ночи же часто проводил без сна в молитве. Нежная мать хотя и старалась умерить строгость его жизни, представляя ему, что тело его еще растет и нуждается в постоянном подкреплении здоровой пищей; но дитя-подвижник отвечал ей: «Не ты ли, мать моя, говорила мне, что я еще в колыбели в среду и пятницу постился? Зная это, могу ли теперь не понудить себя воспрянуть к Богу, дабы Он избавил меня от грехов моих?» «Двенадцать лет тебе только от роду, — говорила мать, — и ты ли говоришь о грехах своих: мы же, напротив, видели над тобою ясные знамения благодати Божией». «Не говори так более, мать моя, тебя увлекает естественная любовь твоя ко мне: не

слышала ли ты, что никто не чист пред Богом, если хотя и один день жития его будет. Сего ради да не похвалится человек!» Подобные разговоры между матерью и сыном происходили нередко, но всегда оканчивались тем, что мать, оставляя сына, удалялась в уединенную свою комнату и предавалась усердной молитве к Богу об укреплении сына в его усиленных, вовсе не детских подвигах. Отрок же продолжал укрощать плоть свою воздержанием и трудами, для сохранения чистоты душевной и телесной. Часто, удаляясь из дома в уединенное место, там, не видимый никем, простирался на земли, проливал слезы и молил Господа только о том, да не прельстят его красная мира сего, но да возрастет он возрастом духовным, и Дух Благий и Правый да наставит его на землю праву.

Все это происходило в Ростове: там первые искры божественного желания, по выражению церковной песни, начали возжигать чистую душу Варфоломея, воспламенившуюся вскоре в великий светильник. Но светильнику этому предназначено было сначала возгореться в мрачной пустыне, и оттуда уже светить престольному граду и всем пределам России. Кирилл, отец Варфоломея, в свое время был одним из славных и именитых, по своему богатству, граждан ростовских и был любимым боярином князей ростовских. Но к концу жизни обнищал и потерял все свое состояние, по многим причинам: от частых путешествий с князем в Орду, от неоднократных нападений татар, от тяжкого голода, неоднократно опустошавшего ростовскую область, но более всего от страшной рати татарской, истребившей весь почти Ростов огнем и мечом, и прозванной по имени вождя своего Туралыковою. Об этом набеге упоминает Епифаний. Между тем после присоединения Ростовского княжества к Московскому воеводы московские во время своих поездок в полуразорен-

ный Ростов за сбором пошлин отличались крайним нечеловеколюбием и дерзостью. Так, например, они самого старшего боярина Ростовского, всеми уважаемого Аверкия, повесили на дерево вниз головой, ради своей грубой прихоти. Будучи разорён до крайности и находясь в опасности подвергнуться оскорблениям воевод великокняжеских, Кирилл решился наконец покинуть свой родной город. В то время разнеслась весть, что сын великого князя Иоанна Даниловича, Андрей, которому досталось село Радонежское с деревнями, заботясь о размножении народонаселения в своих владениях, обещал всевозможные льготы всем добровольно переселявшимся в них. Обедневший Кирилл воспользовался этими обстоятельствами и переселился со своей семьей в Радонеж⁶. Это было около 1329 года. С переменой местожительства не переменял Варфоломей своей прежней жизни, но и в Радонеже продолжал начатый им подвиг. Два брата его вступили в супружество, но Варфоломей готовил себя к вечному девству. Не увлекаясь примером братьев, он, напротив, возымел непреодолимое влечение к пустынножительству, о чем и объявил однажды своим родителям. «Помедли, — говорили они, — мы стары, немощны и скудны, ты это видишь. Твои братья заботятся о своих женах. Хорошо, что ты печешься, как угодить Богу; только послужи нам немного и проводи нас во гроб, тогда исполнишь и ты свое желание». И благодатный сын повиновался родителям. Он знал достоинство того, чего желал, однако согласился до времени томиться неисполненным желанием, чтобы сохранить повиновение к родителям, и так наследовать их и небесное благословение. Впрочем, не долго

⁶ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IV. С. 277.

пришлось Варфоломею оставаться связанным земными узами. Благочестивые Кирилл и Мария сами пожелали облечься в ангельский чин, поселились в Хотьковом монастыре и, пожив в нем немного времени, отошли ко Господу. Варфоломей принял это как поданный Провидением Божиим знак к исполнению своего намерения.

**Начало основания Троицкой обители.
Уединенные подвиги Сергия. Первые ученики
преподобного Сергия. Порядки в пустыни Сергневой
до учреждения игуменства
(1337—1354)**

Со смертью Кирилла и Марии прервались для Сергия все узы, связывающие его с видимым миром. Исполнив волю своих родителей — проводить их в могилу, почтив память их молитвами и благотворениями в течение сорока дней, Сергей ни в чем не видел уже помехи исполнить свое единственное желание — обречь себя на пустынножительство. «Коль возлюбленна селения Твоя, Господи сил! Желает и скончается душа моя во двory Господни... блажени живущии в дому Твоем: во веки веков восхвалят Тя... изволих приметатися в дому Бога моего паче, неже жити ми в селениях грешничих. Се удалихся бегая, и водворихся в пустыни. Чаях Бога, спасающего мя от малодушия и от бури!» С этими словами псалмопевца двадцатитрехлетний Варфоломей, видевший на своих родителях примеры превратностей земных, оставил мир и отправился искать небесного наследия, отдав принадлежащую ему по закону часть родительского имущества брату своему Петру. В это время старший

брат его Стефан, проживший немного времени в супружестве, овдовел, принял монашество и поселился в Хотьковом монастыре⁷, где недавно в иночестве умерли и его родители. К Стефану пришел Варфоломей и убедил его идти с ним искать уединенного места для пустынножительства. После долгого хождения по лесам полюбились им одно место в густом радонежском лесу, имеющее воду, удаленное не только от жилищ, но и от путей человеческих. Место, избранное братьями для обители — на небольшом возвышении, с трех сторон округленном, может объяснять древнее прозвание монастыря — «иже в Маковце». Сотворив коленопреклоненную молитву, братья начали рубить лес и переносить на своих раменах тяжелые бревна на место, после прославившееся чудной Лаврой. Построив предварительно себе палатку из листьев, а потом и убогую келию, они соорудили подле келии деревянную малую церковь.

Потом братья задались вопросом о том, кому посвятить новоустроенный храм. Желания их были общие, но ни один из них по смирению не хотел первый произнести святого имени, в чье должно посвятить храм. Наконец Стефан, побуждаемый братолюбием, произнес: «Зачем

⁷ Первоначальное происхождение Хотькова монастыря неизвестно. В исторических документах о монастыре на Хотькове упоминается не позднее 1308 г. (См. *Амвросий (Орнатский), епископ*. История Русской иерархии. М., 1807—1815. Т. 4. С. 1103). Из-за недостатка монастырей в Московском княжестве в Хотьковом монастыре в то время были отделения и для монахов, и для монахинь. Это — не единственный пример. Подобным монастырем был Введенский Подольский. Обычай этот существовал до 1504 г. В том году Соборным определением было запрещено жить в одном монастыре мужчинам и женщинам, а Хотьков монастырь был приписан к Троице-Сергиевой Лавре. Откуда происходит название «Хотьков» — точно неизвестно. Некоторые полагают, что оно произошло от названия «ходоков» — пеших богомольцев, но это сомнительно.

испытываешь меня о том, что знаешь лучше меня? Или забыл, как неоднократно перед нами возвещали тебе наши родители, говоря: «Блюда себя, чадо, ибо ты уже не наше, но Божие, так как Господь избрал тебя и назначивал еще во чреве матери, когда трижды возгласил ты в нем во время литургии. Не объяснили ли тебе пресвитер, тебя крестивший, и тот чудный старец — нас посетивший, что сей тройственный вопль твой был предзнаменованием того, что ты будешь некогда ученик Св. Троицы и многих научишь веровать во Св. Троицу? Итак, подобает тебе паче всех желать освятить церковь сию во имя Пресвятой Троицы. Не наше, конечно, есть это измышление, но Божие изволение и предзнаменование. Да будет же здесь имя Господне благословенно во веки». «Аминь, — произнес Варфоломей, — да совершится церковь сия во имя Св. Троицы, как сказал старейший брат мой Стефан и как повелел сам Господь». Приготовив все нужное для новоустроенного храма, братья прибыли к митрополиту Московскому Феогносту за благословением, и храм был освящен во имя Пресвятой и Живоначальной Троицы — Отца и Сына и Святого Духа ⁸.

Самое древнее и верное свидетельство о времени основания обители Троицкой есть, конечно, свидетельство Епифания. Епифаний говорит, что преп. Сергий родился в 1314 году и потом, что он на 23 году удалился в радонежские леса и устроил в том же году церковь. Следовательно, Троицкая обитель основана не ранее 1337 года ⁹.

Так скромно началась и так славно существует более пяти веков Троицкая Лавра! Пронесутся над ней и еще

⁸ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 4. С. 276—277.

⁹ К этому же времени относят основание обители и архиепископ Черниговский Филарет (Гумилевский), и Муравьев.

целые века, а имя Пресвятой Троицы, нареченное здесь по воле Божией, останется для Лавры и для всех сынов России, поклоняющихся Триипостасному Богу, незабвенным, священным достоянием, и будет вместе напоминать здесь о величии Сергия.

Стефан, по освящении церкви, недолго оставался в пустыне, которая представляла одни труды и лишения, отошел в Москву и там поселился в Богоявленском монастыре. Великий князь, узнав о строгой подвижнической жизни Стефана, повелел митрополиту Феогносту рукоположить его во пресвитера, а потом поставил игуменом и избрал своим духовником. Вместе со Стефаном подвизался в Богоявленском монастыре инок Алексей, впоследствии архипастырь Церкви Русской. Они очень любили церковное пение и нередко певали на клиросе. Оставленный братом, юный пустынник Варфоломей не колебался в своем намерении, но, напротив, радовался, что наконец-то он достиг уединения и безмолвия. По довольном испытании себя в трудной пустынноческой жизни Варфоломей окончательно решился дать Богу обет в бесстрастной жизни. Призвав к себе некоего пресвитера, игумена Митрофана, принял от него пострижение с именем Сергия. С истинным наслаждением духовным провел потом Сергей семь дней вместе со старцем Митрофаном. Ежедневно старец совершал Божественную литургию, по окончании которой оба вкушали служебной просфоры, благодаря Бога, и затем оставались неотлучно в церкви в духовном бодрствовании до следующей литургии. Но вот настал день разлуки для них. Отпуская игумена Митрофана, Сергей сказал ему: «Ты уже отходишь и оставляешь меня единого в сей безлюдной пустыне, где издавна желал я уединиться от лица человеческого, чая Бога, спасающего меня от малодушия и бури. Благословен Бог, не

оставившей все моей молитвы и дарующей мне ныне единствовать и безмолвствовать в пустыне. Ты же, о человек Божий, отходя, благослови меня, смиренного; помолись о моем уединении и научи, как подобает мне жить и молиться в пустыне и как противиться искушениям врага, ибо я еще новоначальный инок и должен обо всем совещаться с тобою». Игумен же, как бы пришедший в некоторое смущение от виденных уже им высоких подвигов Сергия, отвечал ему: «Меня ли вопрошаешь о том, чему научился от младенческих пелен, о честная глава? Могу отвечать тебе только словами молитвенными: Господь Бог, и прежде тебя избравший, ныне да ущедрит тебя и вразумит и возведет в меру возраста духовного!» Сергий же, припав к ногам уже отходящего, молил еще его испросить ему у Бога силы духовной, против плотской брани и бесовской, и нахождения диких зверей посреди пустынных его трудов. И наставник укрепил его словами апостольскими: «Благословен Бог, иже не даст нам сверх сил искушенным быти, ибо все возможно о укрепляющем нас Боге; отходя из пустыни, оставляю тебя Богу, Который сохранит вхождение твое и исхождение, отныне и до века».

Так опять погрузился Сергий в совершенное безмолвие пустыни. Кто возвестит все уединенные подвиги этой твердой души? Кто сочтет слезы и воздыхания его к Богу, бдения, — всенощные молитвы, стояния, колелопреклонения, алкание и жажду при дневных суровых трудах, страх пустыни и вместе непрестанную брань с невидимыми врагами? Глад, жажда, холод, страх зверей, опасение погибнуть от скудости, тягость плоти, уныние духа, смущение и рассеяние мыслей, даже невинное, по видимому, отдохновение и естественный сон, уверяют подвижники, суть враги для пустынника, с которыми он

непрестанно должен бороться, пока не достигнет безмятежной страны бесстрастия и вкусит сладости пустыни. Но страшнее всех врагов есть исконный враг человеческий — диавол. Когда он примечает, что человек оставил мир и презрел плоть, усиливается проникнуть в область духовную, в общение с небесными силами и Самим Богом, устремляется тогда на него с неимоверною дерзостью и пускает в него не только издаляча разоженные стрелы противных помыслов, но, вторгаясь даже в пределы его воображения и чувств, представляет ему странные образы и нелепые мечтания. Наконец, даже видимым образом предпринимает диавол на пустынников угрожающие нападения. Не избежал этих нападений врага и подвижник Сергей, но принимал их бестрепетно и отражал неутомимо. Крепкой и слезной молитвой он разрушал пустынные страхи и мечтания и, зная наставления опытных духовных воинов «Иисусовым именем бей ратники», мужественно отражал неоднократные нападения диавола и довел его вконец до посрамления.

Рассказывал преподобный впоследствии своим ученикам, как вошел он однажды в церковь свою на всеобщее бдение; и вот внезапно произошел страшный треск, стена церковная расступилась, и чрез расселину взошел в церковь диавол со множеством клеветов в остроконечных шапках и одеждах литовских и с угрозами устремился на подвижника. Враг говорил ему: «Беги отсюда, и к тому не живи на месте сем, небо мы наидохом на тя, но паче ты нашел еси на нас. Аще не избежиши отсюда, то растерзаем тя и умреши в руках наших и к тому не жив будеши». Таков обычай диавола, прибавляет Епифаний, гордо похвально, грозить поколебать землю и иссушить море. Но преподобный не смутился духом и не допустил страху овладеть им, а вооружился молитвой и упованием

на помощь Божию и продолжал спокойно начатое им бдение, как бы и не замечая неистовствовавшего врага. Тогда диавол, видя неустрашившегося Сергия, исчез столь же внезапно, как и явился. В другое время, когда Сергий читал всенощные свои молитвы в хижине, внезапно окружил ее шум и мятеж полчища бесовского и слышен был крик: «Отыди, отыди скоро от места сего: зачем ты пришел в пустыню сию и что желаешь обрести в этом непроходимом лесу; или не боишься умереть здесь от голода? Тогда нашедшие труп твой скажут: вот человек, безгодно живший на земле. Вот и звери плотоядные витают окрест тебя, алчущие растерзать тебя. Беги же немедленно, место это не твое, и не думай более утвердиться здесь». Но Сергий и на этот раз не устранился прещений вражеских: продолжая без перерыва свои усердные молитвы воссылать к Богу, он увидел вдруг необычайный свет, который рассеял полчища демонов. После этого посрамленный диавол не решался более нападать открыто на подвижника. Последний из страхов для преподобного был страх зверей — естественных обитателей пустыни. Целыми стаями голодные волки рыскали около его хижины и нарушали ночную тишину своим диким воем. Приближались иногда к его жилищу и более страшные обитатели лесов — медведи, которых Епифаний называет «аркудами»; но пустынный и этих опасных соседей мог сделать миролюбивыми. Так, увидев однажды аркуда, близко подошедшего к хижине с сомнительными намерениями, Сергий вынес кусок хлеба и предложил хищнику. За такое гостеприимство пустынного аркуд сделался весьма ласков к нему. Часто затем зверь стал навещать пустытника, который иногда отдавал зверю и последний кусок хлеба, вовсе не помышляя о том, что он будет есть завтра. Так упражнял себя Сергий в отречении даже от

самых необходимых потребностей — и в таком дружелюбном обращении с ним зверя утешался созерцанием следов первоначального повиновения всех тварей невинному человеку в раю.

Но не более двух лет продолжалось любезное одиночество Сергия. По свидетельству Епифания, «пребывшу ему в пустыни единому единствовавшу или две лете, или боле, или меньши, неведе, Бог весть». Как благоуханный цвет, хотя и кроется в дикой траве, но не может быть не замеченным, потому что его благоухание далеко слышится в воздухе, так и Сергей, хотя и скрывался от мира во глубине лесов, однако не мог быть не узнанным в мире, потому что благоухание святой его жизни скоро обнаружило его уединенное пребывание. Благочестивые христиане, узнав о близком соседстве с ними великого подвижника-праведника, охотно посещали его для нравственного назидания и обращались к нему за благоразумными советами во всех делах своих, и пустынный не отпускал никого без утешения и вразумления. Нашлись скоро и подражатели его строгой жизни и просили принять их в число учеников. Вначале Сергей возбранял и представлял им все трудности пустынной жизни, рисовал пред ними все пустынные страхи, но, провидя их искреннее намерение последовать его примеру, решился принять их под свое водительство. Он говорил им: «Братия! Хотел я один скончать в пустыне уединенное мое житие, но поелику Господь глаголет, что там, где двое или трое будут собраны во имя Его, и Сам Он будет посреди их, и поелику Давид псаломски воспевает: “Се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе”, то и я не желаю воспротивиться воле Господа, хотящего устроить здесь обитель. Приемлю вас, но да будет известно каждому из вас, что, если пришли сюда работать Богу и хотите здесь

со мною безмолвствовать, то уготовайте себя претерпевать всякие беды и печали, нужды и недостаток, ибо многими скорбями подобает нам внити в Царствие Небесное. Но не бойся же, малое стадо, которому Господь обетовал Царство Отца Своего! Верую, веруйте и вы, что Господь не предаст нас до конца искушенным быть против наших сил. Ныне печалью исполнены будем, а завтра печаль наша в радость будет, и преизбудет, и никто не может взять радости нашей. Дерзайте, дерзайте, людие Божии, ибо Тот, кто призвал вас на место сие скорбей и лишений, победил врага нашего, яко всесилен». Много и других утешительных слов, растворенных отеческой любовью преподобного, слышали пришедшие, и можно ли было колебаться в сомнениях и устрашаться пустынных страхов? По слову преподобного, приходившие к нему начали созидать себе хижины около его уединенной келии. Не руководствуясь еще никакими уставами и правилами, они видели перед собою живой образец истинного подвижничества своего начальника, его постническое житие, бдение и молчание, худость ризную, любовь совершенную, кротость с тихостью, память смертную, страх Божий непрестанный и непрестанное умерщвление плоти телесными трудами.

Первый, по сказанию Епифания, нарушил уединенные подвиги Сергия некто старец Василий, по прозванию Сухой, пришедший к нему от пределов северной Двины. Так далеко распространился слух о Сергии! Не сохранилось никаких сведений о первом ученике Сергия Василии Сухом. Так случилось, вероятно, потому, что Василий был очень стар и болезнен, что видно отчасти по прозванию его, и пожив недолго с преподобным, скончался. Вскоре за Василием пришел в пустыню Сергия простолодин земледелец Иаков, который между братией назы-

вался уменьшенным именем Якута, и служил для пустынников в виде посыльного. Пришел затем к Сергию Онисим диакон, тот самый, который вместе с родителями Сергия и другими бедняками около года выехал из разграбленного Ростова и поселился в местечке Радонежском. Смирение и кроткий характер Онисима побудили его оставить дела своего звания и подчиниться водительству своего соотечественника Сергия. Онисим слышал уже в Ростове о необыкновенном младенчестве Сергия, его чудном детстве и подвижнической жизни в юности и потому почел за лучшее оставить изменчивый мир и сделаться учеником преподобного. Из первых учеников преп. Сергия известны Сильвестр (Обнорский) Дионисий, Мефодий (Пешношский), Симеон Екклесиарх, Исаакий Молчальник, Макарий, Андроник, Феодор, Михей и др. С этими учениками мы еще встретимся в дальнейшем описании монашества. Когда собрались к преподобному Сергию двенадцать учеников, а, следовательно, когда построены были двенадцать отдельных келий, то преподобный вокруг всего пространства, застроенного келиями, сделал деревянный высокий тын с воротами, для безопасности от зверей, и привратником поставил диакона Онисима, келия которого оказалась около самых врат. Тихо и безмятежно потекла жизнь отшельников в новоустроенной обители. Хотя до прибытия в эту обитель старца Митрофана, облекшего Сергия в иночество, в ней не было ни одного пресвитера, однако, во исполнение заповеди псалмопевца, седмижды в день восхвалять Господа, преподобный с братией ежедневно собирались в церковь, к полунощнице, утрени, третьему, шестому, девятому часу, вечерне и повечерию, совершая между тем частые молебны. Для совершения же литургии в дни праздничные приглашали из ближайшего села священника. День для пус-

тыннолюбцев начинался с глубокой ночи, ибо после полунощного часа братия уже бодрствовала в церкви на молитве, поя полунощницу; поздно вечером оканчивалось повечерие. Итак, большую часть дня подвижники пребывали в церкви, вознося теплые, растворенные слезами молитвы к Триипостасному Богу за себя и грешный мир. Приходя в церковь к полунощнице и уходя в келии после повечерия, братия кланялись до земли друг другу и лобызали друг друга лобзанием святым, заповеданным нам апостолами. По уходе братии в келии в обители воцарялась невозмутимая тишина, нарушаемая только дикими криками зверей, приближавшихся нередко к самой ограде обители ночью, и тихим пением псалмов бодрствовавшего до полуночи брата. В келиях своих иноки большую часть времени проводили в вычитывании правил и пении псалмов и в умерщвлении страстей непрерывными трудами, прерывая всякое сношение с братией, к чему отчасти побуждал их пример учредителя обители. Предавались ли они сну и отдохновению — неизвестно, но они знали по опыту, что отдохновение и естественный сон — враги для пустыннолюбца. Они не должны были знать усталости и тягости плоти, близких к лености и рассеянности. Не давая покоя постоянно воюющей плоти, они предпринимали продолжительный пост, предавались молчанию и возлагали на себя тяжелые труды. Образцом же всевозможных трудов и подвигов был начальник места — Сергей. Четыре келии, для вновь прибывавших в обитель, он построил сам; сам рубил дрова и носил поленья к келиям братским; ходил с двумя водоносами к ручью за водой и ставил у келии каждого, думая этим хотя бы несколько облегчить трудную пустыннолическую жизнь братии, хотя и приводил братию в немалое смущение таким высоким смирением и трудолюбием. Пришедшему в первый раз

посетителю трудно было различить, кто был старший из них и кто младший, кто начальник места сего и кто меньший; ибо принимая за образец смирение и кротость Сергия, всякий из них должен был показывать смирение пред смиреннейшими. Все они почитались братьями, и никто из них не хотел быть старшим. Сам основатель обители имел в памяти своей заповедь Господа «аще кто в вас мнит быти старший, да будет всем слуга» и всячески старался применить оную в своей подвижнической жизни. Таковы были порядки в новоучрежденной обители, исключаяющие всякое нарушение законов нравственной жизни человека.

**Учреждение игуменства. Смирение и терпение
Сергия. Слава и чудеса Сергия. Святой Алексий и
преп. Сергей на служении Отечеству. Распространение
монашества и устройство монастырей. Деятельность
Сергия до учреждения общежития
(1354—1373)**

Хотя в Сергиевой обители всегда царствовали полное единодушие и совершеннейшая любовь, растворенная готовностью пожертвовать всевозможными лишениями и трудами для ближнего, и заменяющие, по-видимому, порядок подчиненности и зависимости, но таков уже порядок в мире, начертанный Творцом, что ни одно общество человеческое не может наслаждаться совершенным спокойствием, если не будет в нем существовать власти в лице одного человека или правильной общественной организации. Видел нужду в назначении игумена преп. Сергей; сознавали это и братия. Как был обрадован Сергей прибытию в обитель старца Митрофана, которого знал он

как человека благочестивого, и надеялся поэтому убедить его принять начальство над братией. Но Митрофан, пожив немного под кровом своего постриженника, сильно занемог и вскоре отошел ко Господу. Похоронив своего наставника, преп. Сергей похоронил вместе с ним и свою надежду иметь его игуменом. Хотя не было недостатка в примерах строгой подвижнической жизни, но смирение их было так велико, что никто из них не мог и помыслить о том, чтобы быть достойным игуменом сего стада Христова. Преподобный Сергей не хотел быть даже равным между братиею, а был всем слугою, как мы уже и видели. Такое безначалие, которое, бесспорно, было крепче всякого союза и порядка, существующих в мире, продолжалось до 1354 г., с основания обители около 17 лет. Молился преподобный Господу, чтобы Он указал им начальника и наставника; о том же молились и братия. И Господь услышал их молитву. Он вложил в сердца братии мысль поставить игуменом в обители самого учредителя ее. И вот иноки, после долгого совещания между собою, и укоренив себя упованием на Бога, пришли к преп. Сергию и сказали ему: «Отче! Мы не можем долее жить без игумена и потому мы все пришли к тебе изъяснить наш помысл и желание: весьма желаем, чтобы ты был наш игумен, наставник душам и телам нашим, дабы мы приходили к тебе с покаянием и, открывая пред тобою грехи свои и помыслы, всякий день принимали от тебя прощение, благословение и молитву, и дабы видели тебя ежедневно совершающим святую литургию, и от чистых твоих рук приобщались Божественных Таин. Ей, Святый Отче! Сего желаем от тебя, и не отрицайся». Тогда Сергей, вздохнув из глубины души, сказал: «И помышления я не имел о игуменстве, ибо доселе желает душа моя скончаться в чернецах, на месте сем. Вы же не принуждайте меня, но

оставьте меня Богу; Он как восхощет, так и сотворит со мною». «Зачем ты, — сказали братия, — отрицаешься исполнить общее желание? Если ты не хочешь пещись о душах наших и быть нашим пастырем, то мы все принуждены будем оставить сие место и нарушить обет наш. Тогда мы будем блуждать, аки овцы без пастыря, и погибнем во грехах наших, а ты дашь ответ Нелицеприятному Судии — Богу. Мы, ради тебя услышав о добродетельной твоей жизни и возложив на тебя упование, оставили все в мире и водворились по твоему согласию на месте сем, дабы ты, упокоив нашу старость, предал нас и гробу, воссылая свои всеильные молитвы о нас Трипостасному Богу». «Желаю, — сказал Сергей, — лучше учиться, нежели учить, лучше повиноваться, нежели начальствовать; но боюсь суда Божия, ибо я не знаю, угодно ли то Богу». Наконец Сергия победило братолюбие. Взяв с собою двоих старцев, Сергей отправился в Переяславль к епископу Афанасию, который, ввиду отъезда митрополита Московского Алексия в Константинополь, управлял Московской Церковью, чтобы испросить у него игумена в учрежденную им обитель. Это было в 1354 году ¹⁰. Но и в Переяславле уже слышали о подвигах радонежского пустынника. Святитель Афанасий весьма обрадовался, увидав Сергия, и долго с ним беседовал. Когда же преподобной объявил епископу о цели своего путешествия, тот сказал ему: «Возлюбленный, Господь Бог устами пророка Давида глаголет: изведу избранного из людей Моих, и рука Моя поможет ему. Тебя же, брат мой, воззвал Господь от чрева матери твоей. Итак, ты да будешь отселе отцом и игу-

¹⁰ Историк Н. М. Карамзин свидетельствует, что св. Алексей именно в 1354 г. отправился в Константинополь принять от Патриарха Каллиста жезл митрополита всея России. См. *Карамзин Н. М. История государства Российского*. Т. 4. Прим. 383.

меном братии твоей, собранной в новой обители Святой Троицы». Хотел отрицаться преп. Сергей, но святитель сказал: «Ты все стяжал, а послушания не имеешь», — и сими словами обезоружил смиренного. Тогда святитель ввел в церковь преподобного, велел ему произнести гласно Символ веры и, осенив крестом, поставил его иподиаконом и диаконом в ту же литургию. На другой день облек его и во священство. С глубоким умилением впервые принес преподобный бескровную жертву собственными руками, исполненный и страха Божия, и радости духовной. Отпуская Сергия, епископ Афанасий сказал ему: «Должно тебе, возлюбленный, немощи немощных носить, а не себе угождать, как свидетельствует апостол: друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов: сие исполняя, и сам себя спасешь, и сущих с тобою». Понятно, с каким благоговением и нелицемерной радостью братия встретили нового игумена, или лучше, давнего своего наставника, и поклонились ему до земли. Преподобный игумен, взойдя в церковь, пал на землю, помышляя о важности своего служения и со слезами призывал вышнюю помощь. Потом обратился к братии со словом: «Подвизайтесь, чада моя и братия, внити в Царство Небесное узкими вратами; нужно бо есть царство небесное и нуждницы восхищают е. Помните слова апостола, что плод духовный есть любовь, радость, мир, долготерпение, вера, кротость, воздержание. Поручаю себя молитвам вашим, ибо я чувствую свою немощь в прохождении своего служения. Да сподобит и меня Господь когда либо предстать Ему, и дерзновенно изглаголати: се аз и дети, яже ми дал есть Бог, и услышу ли я тогда сей божественный глас Великого Пастыря: благий раб и верный, вниди в радость Господа твоего». Потом в первый раз благословил братию. Неоднократно затем преподобный предлагал

братии поучения, главная отличительная черта которых — краткость, обнаруживающая в проповеднике свойство не многоглаголания, но зато глубокое знание и понимание Священного Писания. Оттого все поучения Сергия весьма сильны и назидательны.

Приняв игуменство, совсем не переменялся Сергей в обращении с братией: не многими словами учил братию, но более всего были для братии назидательны его смирение и молчание с кротостью духа. Каждый день, в великому утешению братии, служил он Божественную литургию, — и никакие труды и заботы не мешали ему являться в церковь к каждому богослужению первым и выходить из церкви последним. Во время богослужения отнюдь не восклонялся на стену, что знаменовало водруженную мысль в богомыслии и добрый дух, непобеждаемый леностию тела; сидения в церкви не допускал никогда. По-прежнему продолжал он служить братии в домашних делах: делал свечи, варил кутью, особенно же просфоры приготавливал сам, не допуская никого из братии участвовать в том, и сам всегда приносил эти труды благоговейных рук своих для бескровной жертвы Богу. Одежду носил всегда ветхую и покрытую заплатами, так что многие, увидев в первый раз Сергия, не хотели верить, чтобы то был славный игумен, в чем мы будем иметь случай убедиться. Согрешающих и непослушных прилежно исправлял и доводил до совершенного раскаяния поучительным словом. Приводим здесь свидетельство другого подвижника, близкого к Сергию по времени, об игуменстве его. Иосиф Волоколамский пишет: «Слышахом о блаженном Сергии и о прочих Святых от неложных свидетелей, иже бяху в лета их, яко толику бодрость и тщание имеаху о пастве, яко нимало небрежение или преслушание презрети. Бяху бо милостиви, егда подобаше, и

напрасни, егда потреба бываше, и обличающе и понуждающе ко благому согрешающия; непослушающия же не оставляху своим волям последовати, но всячески възбраниху, и от церкви отлучаху». О преподобном же Сергии в другом месте свидетельствует: «Толику же нищету и не стяжание имеаху, яко во обители блаженного Сергия и самые книги не на хартиях писаху, но на берестех». Итак, подвижники Троицкой обители уделяли свободный час времени и частным келейным занятиям. Все богослужебные книги и многие творения отеческие переписаны были ими в часы досуга на хартиях, на досках и на бересте. Образцы этих трудных занятий существуют в Лаврской библиотеке и доныне, некоторые же книги существуют только по названию, в старых описях. Укажем здесь на некоторые из этих трудов. «Два служебника на харатье, свертки на деревце, Чудотворца Сергия». «Евангелие в десть, на бумаге, Исаковское Молчальниково». «Псалтырь в полдесть; письмо Исаака Молчальника». «Октоих, 4, 5 и 6 гласов, писан на пергамене, в лист». На 1-й странице надписано: «Октоих Никоновский». «Такой же Октоих, на 7 и 8 гласы». «Стихирарь с надписью: «Начаток книгам глаголемый Стихирарь — от года до года, еже есть от сентября месяца до августа. Писан на пергамене, в лист. На конце 1-й стр. подписано: «Многогрешный раб Божий Стефан». «Поучения Аввы Дорофея писаны на бумаге в четверть; на конце приписано: „В обители Святой и Живоначальной Троицы. Списаже ся сия книга при преп. игумене Никоне”»¹¹ и многие другие.

Приняв начальство над обителью, преп. Сергей установил в ней следующие порядки: 1) чтобы после повече-

¹¹ Историческое описание Троице-Сергиевой Лавры. Гл. IX. Библиотека. С. 152—160.

рия, кроме крайней нужды, братия не ходили из келии и не беседовали друг с другом, но каждый из них в своей келии упражнялся бы в молитве и уединенном богомыслии. Для наблюдения за точным исполнением этого правила он, по совершении своей келейной молитвы, в глубокий вечер обходил тайно около всех братских келий и если находил кого на молитве, или читающего книгу, или за рукоделем, о таковом радовался, благодарил Бога и молился об утверждении его, а если слышал празднословиящих, ударял в окно, чтобы прекратили непозволенную беседу, и удалялся. Наутро призывал беседовавших к себе, входил с ними в назидательный разговор, не обличая их, приводил к смиренному признанию в преступлении.

2) Другое достойное примечания правило преподобного было, чтобы в случае недостатка потребного для пропитания братия не ходили из монастыря по деревням и селам просить подаяния, но с терпением ожидали милости от Бога, находясь неотлучно в монастыре. Трудное и едва ли, по-видимому, исполнимое правило для такой обители, которая была удалена не только от селений, но и от путей человеческих, к которой вела лишь узкая безызвестная тропинка. Но верующему все возможно. Веровал и Сергий, что Господь не оставит места сего; и вера не посрамила его.

Так как монастырь Сергиев основан был на вышеозначенных правилах пустынножительства, исключаящего какие бы то ни было заботы и хлопоты о монастырских потребностях и продовольствии, то и неудивительно, что в этом монастыре, богатом благочестием, ощущалась сильная скудость и недостатки. Нередко случалось, что в монастыре не было ни вина для совершения литургии, ни фимиама, ни воска; тогда, чтобы не прекращалось богослужение, зажигали в церкви в вечерние службы березо-

вую лучину, которая с треском и дымом светила чтению и пению; но зато сердца терпеливых и скудных пустынных горели тише и яснее свечи, и пламень душ их, трепетавший молитвою и воздыханиями, достигал до престола Божия. Недостаток же пропитания был для них всего ощутительнее. Но постившийся еще в колыбели Сергей привык побеждать глад; и ученики его, смотря на невообразимое терпение своего руководителя, так же научались доходить до крайних пределов алкания и жажды, побеждая даже и самую природу. Три дня однажды преподобный оставался без пищи, а на рассвете четвертого пришел к ученику своему Даниилу и сказал ему: «Слышал я, что ты хочешь пристроить сени к твоей келии; построю я тебе их, чтобы руки мои не были праздны». «Весьма желаю сего, — отвечал ему Даниил, — но ожидаю древодела из села; тебе же боюсь поручить, чтобы ты не взял от меня великой мзды». «Работа эта недорого тебе стоит, — возразил ему Сергей, — я хочу гнилого хлеба, а у тебя он есть, — больше же сего от тебя не требую». Тогда Даниил вынес ему несколько кусков, которые отложил за гниlostью, и предложил игумену. «Довольно мне сего и с избытком, — сказал Сергей, — но побереги их у себя до девятого часа, — я не беру платы прежде работы». Тогда препоясал преподобный чресла свои и к условленному девятому часу построил сени своему ученику. Когда же, по окончании тяжкого целодневного труда, стал Сергей есть заработанные им гнилые куски хлеба с одною водою, то некоторые из братии, видевшие исходящую из уст его пыль от гниlosti пищи, изумились долготерпению своего наставника, что и такую пищу не хотел принять без труда, — и вооружились терпением и упованием на Бога. Другие же, более слабые и неокрепшие еще в подвиге самоотвержения, одолеваемые голо-

дом, возроптали и говорили игумену: «Слушаясь тебя, мы умираем с голоду, ибо ты запрещаешь нам ходить в мир, просить хлеба. Завтра же пойдем отсюда, каждый в свою сторону, и более сюда не возвратимся, ибо невозможно терпеть здешней скудости». Преподобный же игумен, желая подкрепить их малодушие, собрал всю братию и с обычною кротостью увещевал их не изнемогать в искушении. Он говорил им: «Ищите прежде Царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам. Воззрите на птицы небесные, яко не сеют, не жнут, не собирают в житницы, и Отец ваш небесный питает их, кольми паче вас, маловери?» Затем обнадеживал их, что претерпение искушений вознаграждается сугубою пользою, по слову псалмопевца: «Вечер водворится плачь, а завтра радость». «Верую, — воскликнул он, — что Господь не оставит места сего и живущих в нем!» Пока преподобный беседовал с унывающей братией, услышали, что кто-то стучит во врата. Вратарь Онисим, приникнув к скважине, увидел, что привезено множество брашен и хлебов, и положил преподобному, говоря: «Отче, благослови принесших хлебы, ибо твоими молитвами много их пред вратами». Сергей приказал идти всем в церковь, и отслужил благодарственный ко Господу молебен; затем пригласил всех вкусить брашна, велел пригласить и принесших хлебы. Но присланные уже скрылись, сказав только, что христороубец некий послал их из дальних мест в Сергиеву обитель; а на приглашение Онисима отдохнуть в обители отвечали, что — имеют другие поручения, и скрылись немедленно. Хлебы и брашны, присланные Сергию, так были вкусны и приятны, что, казалось, были приготовлены с благовониями. «Братие! — сказал Сергей, — не видите ли теперь, что Господь не оставляет места сего, и рабов своих, работающих день и ночь с верою и терпением,

ем? Станем же всегда уповать на Бога, Который ниспослет полезное душам и телесам нашим». С тех пор братия научились терпению при случавшихся недостатках; а между тем и на другой, и на третий день, к общему изумлению, опять неведомые христороубцы прислали обильную пищу для всей братии, и игумен разделил всем по равной части присланное.

Был и еще один поразительный случай, возбуждавший сначала ропот в братии, а потом обратившейся к славе великого Сергия, ибо вера его проявлялась с такою силою, которую ей присвоит Спаситель: «Вся, елика аще воспросите в молитве, верующе, примете» (Мф. 21:22). Поселясь на этом месте, преп. Сергий мало, кажется, заботился об удобствах жизни, — и что река слишком была далеко от обители: был недалеко от обители малый ручеек, но и тот по времени иссяк. В братии слышался ропот на игумена, что слишком далеко ходить за водою. На это преподобный отвечал: «Я хотел безмолвствовать один на месте сем; Богу же угодно было воздвигнуть здесь обитель. Но дерзайте, молитесь! Если Он в безводной пустыне дал воду непокорному народу еврейскому, то презрит ли вас, работающих Ему день и ночь!» Потом взял с собою некоторых из учеников своих, вышел из монастыря и, найдя в дебри несколько дождевой воды, воздел к небу руки, так молился Богу: «Боже, Отче Господа нашего Иисуса Христа, сотворивший небо и землю, и все видимое и невидимое, молим тебя мы, грешные и недостойные рабы Твои: услыши нас в час сей и яви славу Твою; подобно как в пустыне чудодействовала Моисеем крепкая Твоя десница, от камня Твоим повелением воду источившая. Так и здесь яви силу Твою, даруй нам воду на месте сем, и да разумеют все, что Ты послушаешь боящихся Тебя и Имени Твоему славу воздающих, Отцу и

Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков, аминь». Но что это? Едва произнес преподобный молитву и назнаменовал крест на земле, как внезапно пробился из земли обильный источник чистой, холодной воды, который и доныне существует около Пятницкой церкви и служит на потребу монастырскую и местных жителей. Епифаний, а потом и Авраамий Палицын свидетельствуют, что многие почерпавшие с верою воду в этом источнике получали исцеление¹².

Так Господь ввергал иногда обитель Свою в пещь испытаний и терпения. Но иноки Троицкой обители, руководимые игуменом Сергием, этим вторым Моисеем, питавшим вверенное ему стадо Христово чудными хлебами и источавшим воду из земли, росли и крепили духом и усовершенствовались в добродетелях. Смотря на величайшее смирение преподобного, и ученики постепенно достигали равноангельской кротости; видя необыкновенное терпение Сергея, достигшее до бесстрастия, и ученики его научились переносить всевозможные лишения и

¹² Авраамий Палицын место этого источника определяет близ бывшего Подольского монастыря. Следовательно, это есть колодезь близ Пятницкой церкви, украшенный ныне каменной часовней, и называется «кладязь Сергиев». В одном древнейшем списке жития Сергиева сказано о сем кладезе так: «Бяше чаша и дубрава, идеже ныне честный монастырь стоит. Тогда убо река течаше, яже есть и доныне, иже от Клементьева невелими близ монастыря течет. Друга же река, яже ныне под монастырем течет, на том же месте от искони река небыше. Тем же и труд примаху братия, отдалека воду приносяще на потребу. Обрет же св. Сергей в едином рову воду от наводнения, над ним же став молитву творяще, и воду освящъ, и преклонъ колена начать молитву... И сия рекшу святому, внезапу вода явися велия, яже и доныне нами зрима есть, отнележе и почерпаем воду на всяку потребу, благодаряще Бога, даровавшего нам таковую благодать. Призвавшись река Таа Сергиева река даже до десяти или двадцати лет» (Историческая летопись Троице-Сергиевой Лавры. Глава II. Здания Лавры. С. 4—5).

недостатки, с поучительной покорностью Промыслу Божию. И Бог прославил обитель Свою. Слава о подвигах Сергия и его учеников разнеслась скоро по всем концам обширной России. Имя Троицкой обители и ее основателя стали дороги и священны каждому россиянину, по многим благотворным действиям великого Сергия, направленным ко благу Отечества. Какая-то неведомая сила влекла каждого христианина в эту священную обитель для поучения и вразумления. Да и самое местоположение к тому стало благоприятствовать.

Урочище, на котором основана Троицкая обитель вместе с городком Радонежским, великий князь Иоанн Данилович Калита в 1328 году подарил младшему сыну своему Андрею¹³. Около 1329 года преп. Сергий переселился со своими родителями во владения радонежского князя Андрея Иоанновича, а в 1337 году основал в радонежском лесу обитель и оставался в ней в течение 10 лет почти незнаемый никем. Между тем ближайшим последствием от дарования вел. князем льгот переселившемуся в Радонежский округ было то, что необитаемая дотоле страна и непроходимые леса радонежские стали мало-помалу редеть и оживляться переселенцами, которые начали строить уже целые слободы и села и незаметно, так сказать, придвинулись близко к самой обители. Ближайшие к обители села к 1340 году были: Княжево, Афанасьевое и Клементьево. Достигнув возраста, радонежский князь Андрей, узнав рано о великом подвижнике — Сергии, живущем в его владениях, такое возымел к нему усердие и преданность, что дал ему дарственную грамоту такого содержания: «Дал Князь Андрей (Радонежский) село — Княжево под монастырем, да село Афанасьевое, да

¹³ Собрание государственных грамот. Т. I. С. 30, 31.

село Клементьево. А на их же земле монастырь стоит»¹⁴. «И исказиша пустыню, — с сожалением выражается Епифаний, — и непощадеша, и составиша села и дворы многие». Затем уже и путь к обители стал известнее и пространный; тем более что по повелению вел. князя Иоанна Иоанновича (1353—1359) близ самого монастыря проведена была большая дорога от Москвы на северные города. И вот обитель Сергия, в течение 20 лет сокрытая от людей в девственных лесах, стала, по неисповедимым судьбам Божиим, видима для всех. Чудный юноша Варфоломей, оставивший мир, столько времени скрывавшийся в пустыне, явился миру уже великим Сергием, для того, чтобы помогать миру своими всесильными молитвами; чудодействовать, чрез чудодейственную руку Божию; утешать страждущих и печальных; водворять мир в частных семействах и в великой семье Отечества: словом, быть всем для всех, всем желать единого добра и по возможности творить добро.

Когда местность, окружавшая обитель Сергия, изменила свой вид, тогда и в самом монастыре произошли значительные перемены, — даже и монастырь изменил свой прежний вид. При первоначальном построении монастыря в нем устроены были только 12 келий для 12 человек братии: число в 12 братий долго соблюдалось в монастыре, и пришедший вновь принимался тогда, когда оказывалась свободною келия, со смертью брата. Но в 1350 году смоленский архимандрит Симон, много слышавший о великих подвигах Сергия, рассудил лучше быть послушником у него, нежели иметь подчиненных: прибыв в обитель, он смиренно просил Сергия принять в

¹⁴ Историческое описание Троице-Сергиевой Лавры. Кормовая книга XVI столетия. Гл. XI. О владениях. С. 180.

число учеников его, и отдал в его распоряжение все свое значительное имущество. — Тогда вместо малой церкви построена была обширная новая церковь во Имя Пресвятой Троицы: затем построено было много братских келий, которые расположены были правильным четырехугольником вокруг Церкви и обнесены были кругом высокой, прочной оградой. Так, имущества архим. Симона достаточно было для построения обширного нового монастыря, без всякой на то посторонней помощи. С прибытием в Сергиеву обитель архим. Симона и устройством многих келий число учеников Сергия стало быстро увеличиваться. Многие приходили искать себе спасения под мирным его кровом, и никого не отвергал Сергей, ни богатого, ни убогого, по заповеди Господа: «Грядущего ко мне не изжену вон». По мере умножения братии Сергей постепенно умножал труды свои, чтобы быть достойным пастырем собранного стада. Не яко обладая братиею, по слову апостола, но бывая образ стаду. Сего великого Сергия укрепил Господь, как древних отцов: Пахомия, Антония и др. Сергей водворился в жилище диких зверей, и утвердил обитель свою там, где скитались некогда не одни звери, но и полчища бесовские, но Бог оградил его обитель сонмами ангелов, и она доселе стоит непоколебимо.

Видя над своею обителью благословляющую десницу Божию, при умножавшемся числе учеников своих, — преуспевавших в благочестии, Сергей тем с большим усердием молился о преуспевании братии. Однажды глубоким вечером на обычном правиле бодрствовал преподобный, вознося молитву о своих чадах и услышал голос, громко раздавшийся в ночной тишине, который звал его: «Сергий!» Прервав молитву, открыл он окно и увидел необычайный свет с неба. «Сергий! — говорил ему прежний таинственный голос, — Господь принял молитву твою о

чадах твоих. При этих словах увидел он бесчисленное множество прекрасных птиц, летавших вокруг обители. Голос продолжал: «Так умножится стадо учеников твоих, как эти птицы, и после тебя не оскудеют последующие стопам твоим». Сергей, исполненный радости духовной, поспешил позвать жившего с ним рядом смиренного архим. Симона, который успел еще видеть остаток чудного света с неба и птиц, разлетавшихся по сторонам обители.

Епифаний и преп. Иосиф Волоколамский свидетельствуют о Сергии: «Сам же блаженный Сергей таковы ризы худы носаше и скропаны; яко множицею не познаваем бываше от приходящих, но мняху его единого от проситель быти. Беже всеми добродетельми украшен, душевными глаголю и телесными; сих ради сподобися от Бога великих дарований»¹⁵.

Случилось одному земледельцу, много слышавшему о подвижничестве Сергия, быть в монастыре. При входе в ограду увидел он самого человека Божия, копавшего землю для посадки огородных овощей — и, не зная его, спрашивал братию: «Как бы ему видеть славного их игумена?» Иноки сказали ему, чтобы подождал, пока выйдет игумен из огорода. Но движимый любопытством, простодушный поселянин заглянул в огород сквозь скважину забора и не хотел верить, что трудившийся в поте лица и в раздранном рубище был сам настоятель. Но вышел и Сергей, и братия указали его пришельцу, а тот отвернулся от него со смехом и сказал: «Издалеча пришел я видеть пророка, вы же показали мне какого-то нищего; и напрасен труд мой, ибо в обители сей, где думал обрести себе пользу, нашел я только посмеяние. Не до того я еще нера-

¹⁵ Историческое описание Троице-Сергиевой Лавры. Гл. 5. О настоятелях. С. 61.

зумен, чтобы мне принять сего убогого за того именитого Сергия, о величии и славе коего так много слышал». Оскорбилась братия тупым неверием поселянина, который не хотел воздать подобающей чести их игумену, и просили у преподобного позволения изгнать из обители невежественного человека. Но Сергей остановил их, говоря, что не к ним он пришел, а к нему, и присовокупил, что, по заповеди апостола, духовным подобает духом кротости исправлять погрешности братий своих. Не дожидаясь себе поклона от пришедшего, он с глубоким смирением поклонился ему до земли и благословил его, благодаря, что имеет об убожестве его надлежащее мнение. Недовольствуясь тем, преподобный взял его за руку, привел в свою келию и предложил ему яствы и питье. Пришлец, видя такое радушное гостеприимство инока, сказал ему откровенно о своей неудаче, что не мог доселе видеть Сергия. «Не печалься, — сказал ему Сергей, — так велика к нам милость Божия, что отсюда никто не исходит печальным; и тебе Бог пошлет в сей же час того, кого ищешь». Еще беседовал с ним блаженный, как доложили Сергию о приезде радонежского князя. Преподобный вышел из келии. Удивился поселянин, видя, как еще издали князь, окруженный блестящей свитой, слез с коня и благоговейно преподобному иноку поклонился до земли, а Сергей в свою очередь облобызал князя, благословил и ввел в келию. «Кто же тот, кто сидит рядом с князем?» — спросил одного из иноков поселянин. «Или ты один пришлец в нашей обители, — сказал ему с упреком инок, — и доселе не слыхал об отце нашем Сергии?» Тогда только постиг поселянин свое неразумие и по отъезде из обители князя припал к ногам преподобного и молил простить ему его глумление и неверие. Незлобивый же Сергей, утешив раскаявшегося назидательным словом, отпустил его с

благословением. Но простодушный человек до того был побежден смирением аввы, что вскоре опять прибыл в обитель, чтобы уже не возвращаться из нее в мир, и принял монашество. Так было поучительно смирение Сергия, которое, без сомнения, сильнее всякого назидательного слова смиряло гордость житейскую.

Но и Бог, дивный во святых Своих, прославил Своего смиренного раба даром чудес. Рука его простерта была на помощь требующим во всякое время. Он является как истинный чадолюбивый отец, соболезнующий о своих чадах. В окрестностях Троицкого монастыря жил благочестивый человек, питавший к Сергию глубокое уважение и веру. Одного только имел он сына, и тот впал в лютую болезнь. С верой понес его отец в обитель, говоря сам себе: «Если только донесу его до человека Божия, то конечно исцелит». Успел только принести отрока в келию преподобного скорбевший отец и просил над ним помолиться; но когда Сергей готовился совершить молитву, отрок от жестокого припадка испустил дух. Утратив последнюю свою надежду, пораженный отец с плачем стал упрекать Сергия, что вместо желанного утешения только умножил его скорбь, ибо лучше для него было бы, если бы отрок скончался дома. Оставив мертвеца в келии преподобного, пошел он готовить гроб. Сжалился преподобный над несчастным отцом, стал молиться об умершем — и отрок внезапно ожил. Возвратился отец, неся все нужное к погребению. Сергей же, встретив его на пороге келии, сказал: «Не рассмотрев, ты возмутился духом, отрок же твой не умер». Но изумленный отец, увидев сына живым, пал к ногам Сергия со слезами искренней благодарности. «Прельщаешься, — говорил чудотворец, — и не знаешь сам, за что благодаришь: когда ты нес больного, он изнемог от сильной стужи, тебе же

казалось, что он умер; ныне же согрелся у меня в келии, и припадок прошел. Но иди с миром домой, и не разглашай никому о случившемся, чтобы тебе вовсе не лишиться сына», давая этим понять, чтобы он воздавал славу чудодействующему Богу.

На берегах Волги жил знатный человек, который впал в исступление ума и неукротимое беснование, так что разрывал железные узы, которыми был связан, и скрывался от людей в местах пустынных, живя среди зверей, доколе опять не находили его домашние. Слух о святой жизни Сергия достиг и тех стран: домашние бесноватого решились привести его к преподобному. Многих трудов им стоило исполнить свое намерение: больной сильно сопротивлялся и вопил диким угрожающим голосом: «Куда мене влечете, не только видеть не хочу Сергия, но и слышать о нем». Когда же довели его до обители, внезапным порывом разбил он свои узы и на всех устремляясь, кричал: «Не хочу далее идти, не хочу, и возвращусь назад». Голос его был ужасен, и казалось, что человек сей расторгнется на части, и вопли его были слышны внутри ограды. Когда возвестили о том преподобному, он приказал всем собраться в церковь и стал петь молебен о болящем: тогда бесноватый заметно стал успокаиваться, и его могли ввести в монастырь. По окончании молебна Сергий вышел из церкви с крестом в руке, которым осенил больного; мучимый же диаволом, тот с воплем отскочил от него и бросился в воду, накопившуюся от дождя, вопя, что горит в пламени; но внезапно утих и стал совершенно здоров. Опять возвратился к нему рассудок, и он стал громко прославлять Господа, даровавшего ему исцеление, чрез своего угодника Сергия. Потом он рассказывал: когда привели его к преподобному и когда он хотел осенить его крестом, нестерпимый пламень

изошел из креста и охватил его всего; потому он и бросился в воду, чтобы не сгореть. Несколько дней тихо провел в обители исцелившийся, воздавая хвалу Богу, и потом возвратился в свою страну с глубокою благодарностью к преподобному.

Некто, живший в окрестностях монастыря, был поражен тяжкою болезнью, и в течение двадцати дней не мог вкушать ни пищи, ни питья и вовсе лишился сна. Ближние его, потеряв всякую надежду на его выздоровление, решились идти за помощью к преп. Сергию, говоря: человек Божий, так много помогающий страждущим, поможет и нам, если пойдем с верою на милость Божию. Итак, утвердившись верою, понесли больного в обитель к Сергию и положили его к ногам его, прося помочь им. Преподобный, помолившись над больным, покропил его святою водою, и тот погрузился в глубокий и продолжительный сон. Проснувшись, он почувствовал себя совершенно здоровым и после продолжительной болезни в первый раз вкусил пищи, которую предложил ему преподобный.

Будучи сострадателен к ближним, преп. Сергей был строгий судия и обличитель неправды. Один человек нрава лихоимного обидел сироту, соседа своего, взяв у него упитанного борова, но не заплатил ему договорной платы. Сирота прибегнул к покровительству троицкого игумена — Сергия. Призвав к себе обидевшего, преподобный спросил его, «верует ли он, что Бог есть Судия праведным и грешным, Отец сиротам и вдовицам, готовый на отмщение, и что страшно власть в Его руки? Как же мы бестрепетно грабим, и насильствуем, и творим зло, не довольствуемся своею собственностью, желаем чужого, и вовсе пренебрегаем долготерпением Божиим? Не пред очами ли нашими обнищают поступающее несправедно,

дома их пустеют, и память их погибает с шумом; в будущем же веке ожидает таковых вечное мучение». В первую минуту страха виновный обещал заплатить сироте деньги; но возвратясь домой, он забыл исполнить свое обещание. Когда же взошел в клеть, где находился зарезанный им боров, с чрезвычайным изумлением увидел, что все мясо изедено уже червями, несмотря на зимнее время; в ту же минуту заплатил деньги сироте и выбросил испорченное мясо на съедение псам, но и те не хотели прикоснуться к лихоимной его добыче.

Когда таким образом преп. Сергей восходил от силы в силу на пути совершенства иноческого, то слава о добродетельной жизни и чудесах его распространилась и за пределы отечества и достигла даже Константинополя. Некоторый епископ Константинопольской Церкви, много слышавший о чудесах игумена Сергия, не придавал этим повествованиям надлежащей веры. Случилось ему быть в Москве по делам Церкви и он решился проверить ходившие о преподобном слухи и посмотреть его в его обители. Подстрекаемый чувством превозношения, он говорил: «Может ли быть, чтобы в сих дальних и недавно просвещенных светом евангельского учения странах воссиял такой светильник, которому подивились бы и древние Отцы?» В таком настроении ума епископ шел в Троицкую обитель. Но, приближаясь к обители, он почувствовал непреодолимый страх; а когда взошел в монастырь и впервые увидел игумена Сергия, внезапно поражен был слепотою, — так что идти далее не мог без посторонней помощи. Заметив необыкновенное смятение пришедшего епископа, преподобный взял его за руку и привел к себе в келию. Тогда пораженный епископ исповедал Сергию свое неверие и свое против него прегрешение и неотступно стал просить о прозрении. Смирный же Сергей с

молитвой прикоснулся к его зеницам, и внезапно как бы отпала от очей его какая-то чешуя, и он прозрел. «Премудрый учитель, — сказал ему потом Сергей, — вам подобает поучать нас: не высокоумствовать и не превозноситься над смиренными. Что же пришли искусить неразумие наше и какую можете принять от нас пользу?» Но праведный Господь зрит сердца человеческие! Тогда епископ велегласно стал проповедовать, что обрел человека Божия и что Господь сподобил его днесь зреть земного Ангела и небесного человека. Отпущенный с великой честью из обители, с духовной пользой возвратился епископ в Константинополь, прославляя Бога и Его угодника Сергия.

До сих пор жизнь и деяния преп. Сергия, описанные нами, заключались только в монастыре и не простирались далее монастырской ограды, ибо доселе жизнь и дела его соприкасались лишь с частными лицами, имевшими в нем нужду. Но посмотрим на страницы истории Церкви Московской и Московского государства, и мы достаточно будем иметь случаев убедиться в деятельности его, направленной к благу Церкви и престола. Как часто в той же келии, в которую мы, читатель, проникали мысленно, беседовал с преподобным пустынником первосвятитель Московской Церкви Алексей, находившийся с Сергием в духовном союзе, и нередко пользовался его благоразумием¹⁶. Приходили в ту же келию вел. князь Димитрий Иоаннович и удельные князья и, напутствованные молитвами и благословением Сергия, уходили всегда исполненные светлых надежд о достижении великих целей для блага народа¹⁷. Преп. Сергей пролил благодетельный

¹⁶ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IV. С. 277.

¹⁷ Филарет, архиеп. Черниговский. Русские святые, чтимые всею Церковью или местно. Октябрь.

свет для блага народа русского, который поистине и признает его, как теплого молитвенника и заступника своего. Во многих великих событиях современной ему истории России имя преп. Сергия значится наряду с именами св. Алексия и Димитрия Иоанновича, московского князя, так как и преп. Сергий вместе с ними способствовал благоденствию народа и возвеличению престола.

В 1354 году Алексей, епископ Владимирский, получил утверждение от патриарха Константинопольского Каллиста в звании митрополита всея России¹⁸. В том же году преп. Сергий Радонежский был назначен епископом Афанасием игуменом Троицкой обители. С этого времени св. Алексей и преп. Сергий, скоро узнав друг друга и связав себя тесными узами духовной любви, не разлучались уже до гроба: цель их жизни и стремления были одни и те же — равно возвышенны и благодородны — и направлены были на служение Церкви и для благоденствия народа. Едва митрополит Алексей возвратился из Константинополя с званием митрополита, как омрачилось его смирение смутами на Востоке. Константинопольский собор, уступая требованию западных князей, поставил некоего Романа в митрополита Западной России, который и успел заявить свои притязания на Киевскую Церковь и на кафедру епископа Тверского. Но корыстолюбивого Романа не приняли в Киеве, а епископ Тверской отказался иметь с ним духовное общение. Россия, почитая законным и истинным митрополитом Алексия, встревожилась. Таким действием Константинопольского собора оскорблялась власть митрополита всея России. Чтобы положить конец таким недоразумениям, напутствованный молитвами

¹⁸ *Филарет, архиеп. Черниговский*. Русские святые, чтимые всею Церковью или местно. Февраль. С. 91.

преп. Сергия смиренный Алексей снова отправился в Царьград. Путешествие это принесло надлежащее плоды. Патриарх Каллист подтвердил Роману быть только митрополитом Литовским, а Алексею предоставил считаться архиепископом Киева и Великой России, с титулом всечестного митрополита и экзарха. На обратном пути святитель русский встретил новое бедствие. На Черном море поднялась страшная буря: волны катились как горы и корабль каждую минуту готов был исчезнуть в страшной бездне. Все находившиеся на корабле объаты были ужасом. Святитель усердно молился об освобождении корабля от неминуемой гибели; он дал обет соорудить храм в честь того святого, которому будут праздновать в день спасения корабля. Корабль благополучно пристал к берегу 16 августа (1356 г.). Итак, святитель остался должником Всемиловитому Спасу. Приведя в должный порядок епархиальные дела, святитель решился исполнить и обет свой. Он испросил у преп. Сергия ученика его Андроника, которому и поручил устроить в Москве монастырь на правилах общежития, в честь Нерукотворенного образа Спасителя. Это было в 1361 году.

Принятый в Москве с восторгами радости, митрополит Алексей с ревностью обратился к делам своего служения. От двукратных и продолжительных путешествий в Царьград много важных дел оставались нерешенными: в некоторых епархиях даже не было епископов, поэтому святитель ездил в Ростов, Смоленск и Рязань и там поставил епископов. В 1357 году, по любви к Отечеству, он предпринял опасное путешествие в Орду, по требованию Джанибека (Чанибека) и там исцелил Тайдулу. По смерти признательного Джанибека новый хан, Бердибек, потребовал вел. князя к себе на поклон. Но князья знали, что нередко такие путешествия стоили им жизни. Святитель

взял на себя и этот труд, отправился вместо князя к хану и выхлопотал ему великокняжеский ярлык. В то же время и преп. Сергей неоднократно (1358, 1363 г.) путешествовал в родной свой город Ростов, к князю ростовскому, чтобы он признал власть великого князя московского, — и убедил его в том. В 1359 году власть великого князя снискал у хана суздальский князь Димитрий Константинович. Юный князь московский Димитрий Иоаннович, по неотступной просьбе своего воспитателя и благодетеля, св. Алексия, отправился в Орду с дорогими подарками, зайдя в монастырь св. Андроника помолиться чудотворному образу Спасителя и принять благословение игумена, уже прославившегося добродетельною жизнью¹⁹. Богатыми подарками московский князь успел однако же возвратить себе у хана великое княжение и заключил по благословению святителя самый дружественный союз с серпуховским князем Владимиром Андреевичем. Между тем суздальский князь Димитрий, лишившийся великокняжеского титула, и брат его нижегородский князь Борис, отвергли власть московского князя и произвели страшные беспорядки. Тогда преп. Сергей, в видах интересов вел. князя Димитрия, был послан святителем в Нижний Новгород, чтобы примирить князей. На увещания Сергия признать власть московского князя Борис отвечал, что знает только волю хана. И Сергей, согласно воли святителя, затворил все храмы в Нижнем; чем принудил князей примириться с вел. князем²⁰. В 1365 году митр. Алексий основал монастырь в Кремле в честь чуда Архистратига Михаила, на месте, подаренном ему царицею Тайдулою. Это был благодарный памятник чуду, совершившемуся

¹⁹ *Сергий, архимандрит*. Историческое описание Андрониковского монастыря. С. 10—11.

²⁰ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. V. С. 6.

над царицею в день празднования чуда в Колоссах. Святитель со всею щедростью строил и украсил храм Архангела Михаила; обеспечил содержание обители, где положил быть полному общежитию. В Чудовом монастыре, писал Иосиф Волоколамский, блаженный митрополит Алексей посадил честных старцев, испросив одних у св. Сергия, а других взяв из иных монастырей, бывших под его рукою; эти иноки жили иноческой жизнью духовной, так что многие приходили к ним, старые и юные, и получали пользу. Самым надежным наставником был здесь сам святитель. Он любил эту обитель и здесь подвизался по временам в посте и молитвах²¹. Около же этого времени (не ранее 1362 г.) святитель Алексей построил в г. Серпухове монастырь Владычний, в честь Богоматери, как говорит благочестивое предание, по повелению Самой Царицы Небесной, явившейся святителю во сне. В нем был первым строителем и игуменом блаженный Варлаам, келейник святителя²². Монастырь Владычний был основан на началах общежития. Он был мужским до 1806 года. В сем 1806 году митрополит Платон испросил разрешение у императора Александра I обратить этот монастырь в женский. Около того же времени, когда св. Алексей с такою ревностью заботился о построении монастырей, преп. Сергий и ученики его, прославившиеся добродетелями, незаметно как бы распространяли монастыри, в которых насаждали дух истинной веры и благочестия. Так, в 1362 году преп. Мефодий, ревнуя жить в безмолвии, испросил благословение у своего наставника, поселился в пустынном месте за р. Яхромою, и основал вскоре Пешношский монастырь. Примером Мефодия увлекся

²¹ Духовная грамота преп. Иосифа. Гл. 10.

²² *Рождественский В.* Историческое описание серпуховского Владычния монастыря. 1866.

и другой ученик преподобного, Сильвестр, и основал монастырь Обнорский. Сам преп. Сергей, будучи послан в Ростов в 1363 году св. Алексием для примирения князя Константина с вел. князем и исполнив успешно данное поручение, на обратном пути по ростовской дороге в глухом лесу заметил двоих подвижников, Феодора и Павла, и по желанию их положил основание обители Борисоглебской, поставив Феодора игуменом. В 1365 году преп. Сергию поручено было снова идти в Новгород и Суздаль к князю Димитрий, который не переставал заявлять свои претензии на великокняжеский стол, и убедить его отказаться навсегда от ханского ярлыка. В доказательство своей преданности вел. князю Димитрий отдал за него свою дочь Евдокию. Свадьбу вел. князь праздновал в г. Коломне, своей вотчине, со всеми пышными обрядами того времени²³. Исполнив так блестяще свое дело в Нижнем, преп. Сергей на обратном пути, в благодарность Господу, покровительствующему московскому князю, основал Георгиевскую пустынь в Гороховском уезде, на берегу р. Клязьмы²⁴. Так при содействии св. Алексия и преп. Сергия власть вел. князя московского стала быстро возрастать, и в то же время стало падать все, что могло противодействовать ей и ослаблять ее. Опасен был еще для Димитрия его сосед, тверской князь Михаил Александрович; но и тот после бесполезных споров за великокняжеский престол отказался наконец от него не только за себя, но и за детей и племянников²⁵. Но ненадолго: с 1367 года св. Алексию много надлежало перенести скорбей и трудов вследствие смут со стороны разных князей,

²³ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. V. С. 6.

²⁴ Историческое описание Троице-Сергиевой Лавры. Гл. X. С. 167.

²⁵ Филарет, архиеп. Черниговский. Февраль. С. 109.

а в особенности со стороны тверского князя, который разными происками достал себе великокняжеский ярлык и заключил преступный договор с князьями литовскими — всегдашними непримиримыми врагами России. К ним примкнул и рязанский — Олег. Литовский князь внес опустошение в пределы России. Великий князь Димитрий упал духом. Но возлелеенный с отрочества св. Алексием, Димитрий не мог не послушать своего благодетеля и отца, отправился снова к хану и снова получил великокняжеский ярлык. Пристыженные смиренными и назидательными речами пришедшего к ним преп. Сергия изменники князья тверской и рязанский били челом великому князю ²⁶. Знали властители Польши, знали и униженные князья русские, чьими неусыпными попечениями и влиянием возвышалась и упрочивалась с каждым днем власть князя московского. И потому все злились на св. Алексия. Все старания их были направлены к тому, чтобы низвергнуть митрополита Московского: они писали на него разные клеветы и жалобы патриарху Филофею и требовали низложения митрополита Алексия, яко нарушителя церковных канонов; кандидатом же на русскую кафедру назначивали сначала Галичского епископа Антония, а после смерти его потребовали настойчиво от патриарха утверждения митрополитом Киприана — ученого серба ²⁷. Патриарх Филофей, хотя и знал чистые намерения св. Алексия, но вынужден был уступить ожесточенным князьям; ибо они, в случае неисполнения их желания, грозили распространить католицизм по всей России силой оружия и подчинить Русскую Церковь римскому главе. «Что же мы должны были делать при таких обстоя-

²⁶ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. V. С. 86.

²⁷ Там же. С. 49.

тельстввах? — писал тогда патриарх св. Алексию. — Тебя призываем в судьи; что ты сам скажешь?» «Впрочем, — уведомлял патриарх, — Киприан должен быть митрополитом только по кончине Алексия». Послание это было прислано св. Алексию в 1373 году, за 5 лет до его кончины. Давно уже св. Алексий лелеял ту мысль, чтобы оставить после себя преемником — преп. Сергия. И вот к исполнению этого представился удобный случай: он решился воспользоваться обычаем, установившимся у русских митрополитов, назначать по себе преемника. По требованию митрополита преп. Сергий немедленно к нему явился. Посреди духовной беседы св. Алексий приказал принести золотой крест, украшенный драгоценными камнями, и подал его преподобному. «Прости мне, Владыка святой, — сказал Сергий, — от юности я не был златоносец, а теперь наипаче подобает мне быть в нищете». «Знаю, что таково было всегда житие твое; но покажи теперь послушание, и прими от нас дар сей в благословение». Сказав это, Алексий возложил на преподобного крест и объяснил ему его значение. Известив преп. Сергия о назначении Киприана митрополитом, св. Алексий выражал свои сомнения и опасения в этом человеке, ибо он его совершенно не знает, преподобного же настолько знает, что с готовностью назначает его своим преемником, и просил его не отказываться от предлагаемой чести. «Прости мне, Владыка, — сказал Сергий, — ты хочешь возложить на меня бремя выше меры; но ты не найдешь во мне того, чего ищешь. И если не хочешь ты отогнать моей нищеты от слышания твоей святыни, не говори более о том моей худости». После того св. Алексий, видя непреклонную волю Сергия остаться отшельником, перестал тревожить его просьбой о преемстве и отпустил с миром в обитель.

В то же время и в обители Сергия происходили события, имевшие немалое значение как для судеб самой обители, так и для целой истории монашества, по отношению к его распространению в России. Феодор, родной племянник преп. Сергия, с отрочества отдавший себя под руководство великого дяди, в 1370 году основал обитель Симонову на правилах общежития, которая была целые столетия рассадником благочестия, воспитавшим великих светил Церкви Российской, и имела немалое значение в судьбах народа. И другой ученик преподобного — Афанасий, утешавший наставника преуспеянием в добродетелях и подвижничестве, около того же времени, по желанию князя Владимира Андреевича, основал в Серпухове монастырь, что на «Высоком», и был образцом для всего иночества, по выражению самого Сергия. В монастыре этом учреждено было также общежитие. И во всех монастырях, основанных по благословению великого Сергия его учениками до 1373 года, о которых приходилось нам упоминать, было введено общежитие. Одна только Сергиева обитель имела все вид пустынножительства. Правило пустынножительства было, как выше упоминалось, таково, что всякий вновь пришедший подвизаться в обитель должен был сам заботиться об одежде, пище и жилище. Одно общение с пустынниками полагалось только в молитвенных собраниях церковных; остальное время дня и ночи пустынный должен был находиться в уединенной своей хижине, избегая всякого общения с братьями, решительно воспрещенного этим правилом. Выходить из пустыни в села и деревни для приобретения хотя бы необходимого, например хлеба, преп. Сергий решительно воспретил. Он повелевал ожидать милости от Бога. Но не всякий мог, как мы уже видели, беспреткновенно пройти этот усеянный терниями путь, что-

бы достигнуть страны бесстрастия и вкусить сладости пустыни. Не страшился пустыни один Сергей, основатель пустынножителства, и лишь немногие избраннейшие его ученики, в которых пребывали тот же великий дух, вера и благочестие, посеянные в них их учителем. Поэтому по любви к своим ученикам, которых благословлял преподобный на построение новых монастырей, и как бы из снисхождения к ним, он повелевал вводить им в своих монастырях общежитие, которое, имея в основе совокупный труд, общую молитву и общую трапезу, для поддержания единения братии, немало, конечно облегчало трудную жизнь пустытника. Но настало время, когда, по неисповедимым судьбам Божиим, и любезная пустыня Сергия должна была превратиться в общежительный монастырь.

Учреждение общежития. Новые порядки монастырские. Временное удаление Сергия из обители. Монастырь на Киржаче. Величие Сергия. Димитрий Донской. Преп. Сергей на служении Отечеству. Опустошительное нашествие Мамай. Последние годы жизни Сергия, необыкновенное посещение. Блаженная кончина Сергия (1373—1392)

Общежитие в Троицкой обители учреждено не ранее 1373 года²⁸ при патриархе Константинопольском Филофее и при жизни еще св. Алексия. К учреждению общежития преп. Сергия побуждали следующие обстоятельства. Пришли однажды в обитель Троицкую посланные от

²⁸ Филарет, архиеп. Черниговский. Сентябрь. С. 141; Иннокентий (Смирнов), преп. Начертание церковной истории... С. 327, о том же.

патриарха Филофея и, поклонившись ему, сказали: «Великий Патриарх Константина града Кир-Филофей благословляет тебя и посылает тебе в дар крест, параман и схиму» — и при сем подали послание патриарха. Приняв с благоговением дары патриарха, Сергей, не развертывая послания, поспешил к митрополиту Алексию и донес ему о случившемся. Святитель повелел распечатать и читать послание, в котором заключалось следующее:

«Божией Милостью. Архиепископ Константина града Кир-Филофей: о святом Дусе сыну и сослужебнику нашего смирения Сергию; благодать и мир и наше благословение да будет с вами. Слышали мы по Бозе житие твое добродетельное и весьма похвалили и прославили Бога. Но единой главизны еще недостаточествует ти, ибо не общее житие стяжал. Понеже ведаешь, преподобный, и сам Богоотец Пророк Давид, все обнявший разумом, ничто столько не похвалил, говоря: се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе. Потому и я совет благой даю вам, да составите общее житие, и милость Божия, и наше благословение да будет с вами».

Выслушав послание, преп. Сергей спрашивал святителя: «Что же ты повелишь мне, Владыко святой?» — «Бог прославляет славящих Его, — отвечал он, — и ты, преподобный, сподобился такого блага, что имя твое, и жительство достигли столь далеких стран, и великий Вселенный Патриарх посылает тебе советы на общую пользу. И мы много его за то благодарим, и не можем тебе советовать, что-либо иное».

С крепкой думой воротился Сергей из Москвы. Для приведения в исполнение воли патриарха и митрополита предстояли ему новые труды и заботы, требовавшие твердого духа и разума. До этого вся жизнь пустытника сосредоточивалась в его убогой келии и, за немногими

исключениями, не простиралась далее храма Божия. Теперь эта безмолвная пустыня, созданная Сергием для глубокого, уединенного богомыслия, должна была превратиться в суетливое общежитие. Вот о чем сожалел уединенный подвижник! Прочитав собравшейся братии послание патриарха и объявив ей и волю митрополита, преподобный приступил к учреждению общежития и распределил должности, соответственно общежитию, в следующем порядке:

1) Самого почтенного из братии и известного подвижнической жизнью, приобретшего за то всеобщее уважение, поставил келарем. Должность келаря известна с самого основания монашества в России. Должность эта учреждена и Феодосием Печерским²⁹. Келарь был в древних монастырях то же, что ныне наместник: он был в монастыре вторым лицом после настоятеля. Вот как обозначены права и обязанности келаря в указе Царя Алексея Михайловича Спасо-Евфимиеву монастырю. «Келарю, благословясь у архимандрита, ведать монастырь и монастырское строение, и монастырские вотчины и монастырскую денежную казну, а которые старцы будут непослушны, учнут жить самовольством, пить, без спросу ходить, тех смирать по совету с архимандритом»³⁰. Первым, кажется, наместником в Сергиевой обители был преп. Никон. Списатель жития преп. Никона повествует: «И умысли (Сергий) сего пастыря обители оные поставити вместо себе, еже и бысть, и устрояет его в служении, яко быти ему „вторым“ по настоятелю. Блаженный же Никон, милосердие на всех просто имея, и еже до конца тихо и человеколюбиво... о всех бо всегда печашеся, благора-

²⁹ Казанский П. С. Об общежитии в Киевской Лавре.

³⁰ Акты археографической экспедиции. Т. III. С. 439.

зумне же и веледушне тем служа и премудре их утешая; никто же им от братии презираем бываше, и никтоже человеколюбия несподобляем; и толико, яко ни от родитель неким удобно таковая к чадом сотворити, елика он к братии творяше. И пребысть время довольно в доблем оном послушании, служа братии со смирением всяцем»³¹.

2) Отличавшегося смиренномудрием и кротостью старца Сергей назначил духовником для всей братии, не исключая и себя. Одним из первых духовников в Троицкой обители был преп. Савва, основавший впоследствии Богородичен монастырь в Звенигороде. По удалении Саввы, за благочестивую жизнь и духовное просвещение духовником братским был и Епифаний, названный премудрейшим, как значится на предисловии к рукописному житию Сергея³².

3) Для соблюдения порядка и благочиния в церкви во время богослужения был избран экклесиарх, которому строго внушено было соблюдать при богослужении все по заповеди свв. Отцов неопустительно и косо. Он наблюдал и время для начатия благовеста к богослужению, всегда спрашивая на то благословение у игумена. Экклесиарх был то же, что ныне ключарь при соборе. Каким экклесиархом был, например, Симеон, приближенный ученик Сергея, видевший сшедший с неба огонь на престол, когда преподобный игумен совершал литургию.

4) У экклесиарха в непосредственной зависимости был паразкклесиарх, или пономарь, который по иерусалимскому уставу называется так же и кандилловжигателем. На обязанности его, как видно из самого названия, лежало соблюдать в церкви безукоризненную чистоту; он

³¹ Житие Никона. Гл. 89. С. 181.

³² Историческое описание Троице-Сергиевой Лавры. Гл. 5. О настоятелях. С. 69.

зажигал и гасил лампы и свечи, и заведовал звоном с ведома экклесиарха.

Из жития преп. Сергия известно, что учреждена была должность и канонарха, который с ведома экклесиарха правил устав и заведовал пением и богослужебными книгами. Петь на клиросе обязаны были все, к тому способные. И Макарий, видевший ангела, служащего Сергию, становился на клиросе; и Стефан, игумен богоявленский, также певал на клиросе.

Распределив, таким образом, должности, относящиеся к благоприличию и благоповедению братии, преп. Сергей приступил к устройству общественных зданий — трапезы, хлебопекарни, амбаров, кладовых и т. д., и здесь также распределил должности по роду занятий и труда³³. Трудиться для безбедного продовольствия должны были все, способные к труду, исключая престарелых и немощных, к которым назначил служителей и послушников. Но примером трудолюбия был, несомненно, сам учредитель общежития. Он пек просфоры всегда сам, варил кутью, шил новые одежды и обувь для братии, рубил дрова для отопления келий, носил воду — и всегда казался неутомимым.

К довершению благоустройства общежития преп. Сергей учредил странноприимство, питание нищих и подаяние просящим, для чего устроен был странноприимный дом. Учреждение это Сергей почитал столь важным для обители, что не обинулся подкрепить особенным предречением. «Если, — говорил он братии, — сию заповедь мою соблюдете без роптания, то и по отхождении моем от жития сего обитель весьма распространится, и будет в ней всякое изобилие, и на многие лета неразру-

³³ Пахомий Лагофет. Житие отца Сергия. 1647.

шима постоит благодатью Христовою». И действительно, рука Сергиева простерта была к требующим, по красноречивому выражению Елифания, яко река многоводная тихая струями. «Если кому приключилось в зимнее время от сильных морозов или глубоких снегов и метели быть задержанным на пути, то во все время пребывания своего в обители получал он все необходимое: странные же, нищие и болящие многие дни в ней отдыхали в полном довольствии и упокоении. Так как уединенная пустыня Сергиева внезапно, так сказать, выдвинулась из дремучих лесов на распутье стезей человеческих и близ нее проложена была большая дорога от Москвы на северные города, то неоднократно многие князья и воеводы и их воинства проходили мимо гостеприимных врат ее, и все были принимаемы с честью и отпускаемы с обильною пищею». Но Сергей веровал, что рука дающего не оскудеет. И вот Господь ущедряет обитель сию всяким изобилием, обратив к ней сердца и воли князей и народа, которые с пламенной ревностью посещали обитель и несли в нее свои сокровища и посильную лепту. Скоро обитель Сергиева владела уже своими вотчинами, пустошами, водами и разными угодами, пожертвованными ей преданными князьями³⁴.

Какой устав был принят в Сергиевой обители? Из многих древних уставов до нас дошли важнейшие и известнейшие: иерусалимский и студийский³⁵. Иерусалимский устав, более известный у нас в России и принятый в употребление всеми монастырями в северной полосе России, происхождением своим обязан преп. Савве Освященному († 532), основателю Лавры, находящейся в не-

³⁴ См. Историческое описание Троице-Сергиевой Лавры. О владениях. Гл. XI.

³⁵ Сергей, архим. Восточная Агиология. С. 114—141.

скольких верстах от Иерусалима. Студийский же устав получил начало от Феодора Студита († 826), настоятеля Студийского монастыря, основанного в Царьграде еще в V в. — Как тот, так и другой устав имели множество редакций, и в разное время и разными лицами изменялись и пополнялись по случаю учреждения новых празднеств, в воспоминание важнейших событий в Иерусалимской и Константинопольской Церкви и по случаю открытия мощей угодников Божиих, даже самые песнопения изменялись или вовсе заменялись новыми, по обстоятельствам времени, — и потому не могли дойти до наших времен в первоначальном своем виде. Что касается чина службы вообще, то оба устава сходны между собой, но последний все же носит следы древнего влияния на него иерусалимского устава. Впрочем, оба устава имели и особенности. Так, по студийскому уставу не полагалось ни одного всеобщего бдения в целый год, ни славословия великого, меньше было пения, более же чтения, как-то: известного числа псалмов в каждую службу, чтения из ветхозаветных и новозаветных канонических книг, творений свв. Отцов Восточной Церкви и т. д.; служба по студийскому уставу была короче и менее торжественная. Согласно иерусалимскому уставу служба и прежде была гораздо продолжительнее и торжественнее, полагалось больше пения, чем чтения; но зато в студийском уставе излагались подробно правила строгой монашеской жизни, тогда как в иерусалимском уставе нет таких руководств, кроме замечаний об употреблении пищи в посты: Великий, Рождественский, Апостолов и Богородицы. Так как студийский устав отличался подробным изложением правил общежития монашеского, и в то же время допускал простоту и несложность в чине богослужения, то преп. Антоний Печерский и счел нужным ввести в употребление в своей

обители этот последний устав для руководства зарождавшегося еще на почве русской монашества; тем более что Антоний хорошо был знаком со студийским уставом во время своей подвижнической жизни в Афонских скитах, где этот устав был во всеобщем употреблении. Кроме того, по нему могли отправлять богослужение, исключая литургии, не одни только священники, но и всякий молитвенник, а в новоучрежденной Антониевой обители, кроме игумена Феодосия, облеченного в священнический сан, долго не было священников. Не таковы были обстоятельства при учреждении общежития в Троицкой обители у преп. Сергия Радонежского. Святая Лавра Антониева, блиставшая подвигами и всеми христианскими добродетелями, была рассадником многих монастырей в Южной России, равно и своих обычаев и правил. Поэтому вместе с распространявшимися монастырями распространялся по церквам и студийский устав. Преподобному Сергию, конечно, были известны оба устава. Еще в 1319 году иерусалимский устав в полном своем виде, в каком вышел он на свет из рук настоятеля Хиландарского монастыря Никодима, впоследствии архиепископа Сербского, переведен был с греческого на русский язык Фомой Сирияниным в Твери для употребления в церквах. От 1319 года до учреждения общежития в Троицкой обители прошло 54 года; в течение такого периода времени устав Фомы Сириянина стал известен на обширном пространстве северной России, дойдя и Сергиевой пустыни. До учреждения игуменства в Сергиевой обители, когда в ней не было священников, кроме кратковременного пребывания там старца Митрофана, употреблялся студийский устав, как допускавший простоту и несложность в богослужении. Для совершения литургии, как нам уже известно, приглашали священника из села Радонежского. По учре-

ждении же игуменства и потом общежития введен был в Троицкой обители устав иерусалимский, так как в то время в ней был уже целый освященный собор монашествующих, который мог без труда совершать богослужения даже ежедневно с большей торжественностью по иерусалимскому уставу. Во всеобщее же употребление в монастырях и церквах иерусалимский устав введен был в Северной России после 1392 года, когда в полном своем виде был переведен для России в нескольких экземплярах Афанасием Высоцким в константинопольском монастыре Богородицы Перивлепто, куда он удалился из Серпухова, предоставив игуменство своему ученику Афанасию. Редакция игумена Афанасия была наиболее распространена. Древнейшие списки ее: в Публичной библиотеке под годом 1408; в Румянцевском музее 1428 г., № 445; в Казанском университете 1429 г.; в Синод, типографии №№ 392 и 1180, начало XV века. Устав его носит название «Церковное Око».

За исполнением правил общежития как со стороны начальствующих, так и со стороны монашествующих строго наблюдал сам Сергей. От начальствующих он требовал быть милостивыми и кснскими в гневе к подчиненным; братии же заповедовал исполнять в точности предписанные правила и требования начальников. Поступь у всех должна быть тихая и спокойная, голова поникшая, чтобы и наружность соответствовала внутреннему смирению. В свободное время по вечерам братия должны находиться в своих келиях, а не переходить из келии в келию для бесполезных бесед, — и чтобы руки их не были праздны, должны были заниматься рукоделием, не давая возможности лености обладать телом. Часто в зимние продолжительные ночи преподобный обходил келии для наблюдения за исполнением этого правила. Случалось,

что когда, несмотря на замечания игумена и келаря, непослушные не оставляли своих привычек, нарушавших правила общежития, то, по свидетельству Иосифа Волоколамского, „бяху милостиви, егда подобаше, и напрасны (взыскательны) егда потреба бываше, и обличающе и по-нуждающе ко благому согрешающия: непослушающия же не оставляху своим волям последовати, но всячески возбраняху, и от церкви и от трапезы отлучаху». Запрещалось выходить без особенной нужды за ворота монастыря. Правило это, как видно, строго исполнялось братией не только при жизни Сергия, но и по преставлении его. Когда преп. Пафнутий Боровский († 1477) приходил в Троицкий монастырь помолиться Святой Троице и Чудотворцу Сергию и, исполнив свое желание, намерен был возвратиться в свою обитель, тогда братия вышли было провожать духовного посетителя за врата монастырские, но вспомнив завет преп. Сергия — не выходить за врата, тут же остановились, и помолившись, простились с преп. Пафнутием³⁶.

На основании правил общежития, одежду и обувь иноки получали от монастыря. По свидетельству Епифания и Иосифа Волоколамского, сам игумен Сергей шил одежду и обувь, следовательно, была мастерская, где готовились одежды. Не для всех без различия иноков полагалась одинаковая одежда. Различие в одежде произошло от различных степеней монашеских и образа жизни монашествующих и перешло к нам с Востока. Когда монастыри стали очень многолюдны и из пустынь перешли в города и села, ревнители более уединенной жизни или удалялись в отшельничество, или, живя в са-

³⁶ История российской иерархии. *Митр. Макарий*. Рукоп. житие Пафнутия. Рукоп. Синод. биб-ки № 818, XVI в.

мом монастыре, прерывали общение с прочими иноками, чтобы свободнее предаваться богомыслию, не развлекаясь послушаниями монастырскими. Мало-помалу такой род жизни образовал степени иночества и разделение на малую и великую схиму. Когда утвердилось правильное различие между степенями монашествующих, они стали различаться и одеждой. По обряду пострижения монашеского и по тем обетам, какие дают при этом иноки, видно, что и одежда монашеская имеет великое значение. Кроме безбрачия и девственности, которая присвоена иночеству как высшая добродетель, процветшая в мире со времен Христа и Его Пречистой Матери, и кроме исключительного упражнения в строгом посте и молитве, требуются от инока еще: ангельское смирение, целомудрие, совершеннейшее послушание, беспредельное терпение, незлобие и преданность Христу Богу³⁷.

Приходящий от мира должен был сначала ходить в мирской одежде, всматриваясь в монастырские порядки и исполняя без роптания все черные работы. Затем по усмотрению игумена он облакался в простой рясофор — рясу и камилавку, не произнося еще при этом обетов иночества; и должен был нести трехлетний искус, или послушание, под руководством старца, для того чтобы ищущий ангельского образа прежде испытал свои силы и тогда уже произносил невозвратные обеты. Иночество же собственно включает в себе только две степени — малую и великую схиму, — или образ. Название же великого схимника у нас обычаем исключительно присвоено инокам только высшей степени, в наше время весьма немногим, которые, памятуя свое отречение от мира и живя уже мысленно за гробом, предаются безмолвию и затвор-

³⁷ Христ. Чтен. 1836. Ч. 4. С. 63: о великой схиме.

ничеству и бывают невидимы для мира. Вот обряд пострижения в малую схиму. Когда наступит день желанного пострижения, — готовящийся брат, приняв пред началом литургии благословение игумена, слагает с себя обычные одежды на паперти церковной и стоит в преддверии без обуви и покрова, в знак своего разрешения от мира. По входе с Евангелием вся братия с возжженными свечами исходит за ним, как бы в сретение кающемуся сыну евангельской притчи, и поет умиленным напевом: «Объятие отча отверсти ми потщися, блудно мое иждих житие, на богатство неиждиваемое взираяй щедрот Твоих, Спасе! ныне обнищавшее не презри сердце: Тебе бо, Господи, умилением зову: согреших Отче на небо и пред Тобою!»

В дверях царских, как бы во вратах отеческого дома, встречает игумен трижды припадающего брата и делает ему краткое увещание, чтобы он отверз ушеса своего сердца, внимая гласу Господа, зовущего воспринять Свое легкое иго, и помнил бы, что в присутствии Самого Спасителя, и Его Матери, и всех небесных сил он будет теперь давать обеты, и произносимые слова помянутся в последний день воскресения. После сего он начинает вопрошать брата: «Что пришел еси брате, припадая св. жертвеннику и св. дружине сей?» — и услышав ответ: «Желая жития постнического, честный Отче!» — опять спрашивает: «Желаеши ли сподобиться ангельского образа, и вчинену быти лику монашествующих?» Тот смиренно отвечает: «Ей, Богу содействующу». Но как бы еще не довольствуясь его первым изъявлением желания быть монахом, игумен испытывает пришедшего многими другими вопросами, — как например: вольною ли мыслию приступает он к Богу? Пребудет ли в монастыре и в постничестве даже до последнего издыхания? Сохранит ли

себя в девстве, целомудрии, благоговении и послушании? Потерпит ли всякую скорбь и тесноту ради Царства Небесного? И на все сие слышит тот же смиренный ответ: «Ей, Богу содействующу». После столь искреннего признания, удаляющего всякую тень сомнения о доброй воле постригающегося, игумен подает ему благой совет, объясняя, в чем состоит житие иноческое. Он заповедует ему прежде всего приобрести чистоту от всякой скверны плоти и духа, стяжать смиренномудрие и совершенное самоотвержение, напоминает об искушениях, какие воздвигнет на воина Христова враг человеческий, памятью прежнего жития, и предлагает ему в пример святых мучеников и Самого обнищавшего нас ради Господа. Наконец еще однажды спрашивает: «Пребудет ли он в сих обетах до конца жизни?» — и, услышав ответ, укрепляет дух нового брата обетованием ему небесной силы в подвигах духовных, молитвенно воспоминаая благоутробие щедрого Бога, рекшего Израилю: «Аще бо и жена забыла исчадие свое, Аз же не забуду тебе» (Ис. 49:15).

Далее игумен велит приклонить главу сперва новому подвижнику, а потом и всей братии, и молит Господа, признавшего достойными Себе служителями тех, кои оставили все житейское, и показавшего нам различные пути ко спасению, чтобы оградил и сего раба своего силою Св. Духа, принял его чистую жертву, и с отъятием власов его, отъял и всякую похоть бессловесную, сподобив его легкого Своего ига, соблюдения святых заповедей и сопричтения лику избранных.

Тогда указывая на Св. Евангелие, лежащее на аналое, как на самое присутствие Христово, игумен напоминает подвижнику, что по собственной воле хочет он обручения ангельского образа, и повелевает ему подать ножницы, которые он и подает ему трижды, взимая их от Св. Еван-

гелия. Игумен же при сем говорить ему: «Се от руки Христовы приемлещи я; виждь, кому сочетаваешься, к кому приступаешь и кого отрицаешься. Наконец приняв в третий раз из рук его ножницы, постригает ему власы крестообразно, во имя Пресвятой Троицы. В древние времена у постригаемого инока отстригали все волосы, в знак совершенного отречения от мира, и отдавали ново-постриженному, из которых тот сплетал себе пояс. При тихом пении всей братии «Господи помилуй» начинается потом облачение инока в одежды его сана: его облачают в хитон и препоясуют кожаным поясом; на голову надевают клобук, обтянутый куколем, который покрывает голову и плечи; дают ему малый параманд³⁸, облачают в мантию и обувают в сандалии. Настоятель, преподавая ему оные, объясняет их духовное значение. «Брат наш (имя) облачается в ризу радования, препоясует чресла своя силою истины, во умерщвление тела и обновление духа; покрывается шлемом надежды спасения; приемлет палий (мантию) обручение великого и ангельского образа, во одежду нетления и чистоты; обувается в сандалии, для благовествования мира». После даются ему в руку свеча и крест, и он должен пребыть в церкви пять дней в одиноком богомыслии и молитве.

Тот же самый порядок вопросов и увещаний соблюдается и при пострижении в великую схиму. Но по важности сего высшего ангельского образа есть разница в молитвах и увещаниях, который имеют большее пространство, будучи приспособлены к духовным нуждам схимника; вместо же обыкновенного клобука надевают на схимника остроконечный клобук — куколь незлобия, на

³⁸ Параманд — малый кипарисный крест, который носится на груди. У некоторых параманд — есть не более как малый платок с вышитым крестом, таковой плат и носят на груди, на шнурах.

передней стороне которого обозначен крест с орудиями крестных страданий и слова: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный»; сверху мантии надевают аналав, — как священническую епитрахиль с крестами, и орудиями крестных страданий и священными словами. Особенный канон положен на утрени для пострижения и антифоны трогательного содержания, которые должен произносить схимник, когда вступает в церковь.

«Хотех слезами очистити моих грехов рукописание, Господи, и прочее живота моего покаянием благоугодити Тебе; но враг льстит мя и борет душу мою: Господи, прежде даже до конца не погибну, спаси мя».

«Кто обуреваем и притекая к пристанищу сему, не спасется? Или кто, болезнуя и припадая ко врачеству сему, не исцелее? Содетелю всех и врачу недужных — Господи, прежде даже до конца не погибну, спаси мя».

«Овча есмь словесного твоего стада, и к Тебе прибегаю, Пастырю доброму, взыщи мя заблудшаго, Боже, и помилуй мя».

По прочтении Апостола и Евангелия настоятель с молитвою возлагает крест на перси и рамена схимника, говорит ему словами Христа: «Аще кто хочет ко мне идти, да отвержется себе, и возьмет крест свой и по мне грядет», и затем дает ему в руки крест и зажженную свечу и возглашает: «Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, иже на небесех». Братия же, приветствуя целованием мира нового подвижника, облеченного во вся оружие Божия, поют велегласно: «Познаем, братие, таинства силу: от греха бо ко отеческому дому востекшаго блуднаго сына Препоблагий Отец [встретит], лобзает, и паки своя славы дарует познание и тайное горним совершает веселие, закалая тельца упитанного: да мы достойно житель-

ствуем предавшему на заклатие человеколюбному Отцу и славному заколению, Спасу душ наших». Схимник должен потом пробыть семь дней в церкви, а после навсегда скрывается от мира в своей уединенной келии. Вот сколь священно и назидательно для мира лицо инока, когда по мере слабых сил человеческих, он дает свои невозвратные обеты и с внушенным ему его совестью усердием исполняет долг своего звания. Первый великий схимник в обители Троицкой был ее основатель — игумен Сергей, получивший знаки великого ангельского образа от патриарха Филофея. В виде великого схимника преп. Сергей изображается на всех древних иконах. Затем он облек в одежды великой схимы двоих иноков — Пересвета и Ослябю, отпуская их на поле битвы против Мамая.

Должно было бы думать, что Троицкая обитель под управлением своего игумена была крепко утверждена и безопасна от всякой превратности и искушений. Но кто знает, что породит нам грядущий день? Внезапно пронеслась над обителью буря, которая едва не сорвала благодатный покров с оной и едва не разрушила самых ее оснований. В один субботний день совершал преп. Сергей вечерню, а брат его Стефан стоял на клиросе. Неизвестно, отчего помысл гнева и властолюбия поколебал Стефана. Услыхав произнесенное имя игумена, Стефан спросил канонарха: «Кто тебе дал эту книгу?» Тот отвечал: «Ее дал наш игумен». «Кто здесь игумен? Не я ли первый основал сие место, и другие», — произнес он немирные слова, которые, к сожалению, Сергей слышал. Игуменство не привлекало Сергея, а скорее тяготило, и он решился воспользоваться этим обстоятельством, чтобы избавиться от игуменства.

Окончив вечерню и не заходя в келию, Сергей тайно удалился из монастыря, предоставив иноков их совести, и

одиноким пошел путем, ведущим к Махрищскому монастырю. Настоятелем этого монастыря был преп. Стефан, друг Сергия. Узнав о приближении к монастырю Сергия, Стефан со всей братией вышел ему навстречу. И трогательна была эта встреча! Поклонившись, друг другу до земли, друзья долго препирались не за первенство, а за меньшее значение. Стефан лежал на земле, прося благословения у Сергия, а Сергий не вставал, прося того же у Стефана. Наконец Сергий, как пришедший, должен был уступить и благословению Стефана. После продолжительной беседы любви, Сергий объявил наконец Стефану о происшедшем в его обители и просил у него дать ему проводника для отыскания места, где бы ему основать новое жилище. Обойдя многие пустынные места и дебри, обрел преподобный весьма привлекательное место на реке Киржач — в нынешнем Покровском уезде, Владимирской губернии. Здесь он и решился построить церковь и хижину. Приступая к построению храма, Сергий так молился Господу: «Господи Боже сил, древле уверивший Израиля многими чудесами, и законодавца Моисея известив многими различными знаменами, и Гедену руном образ победы показавый: Сам ныне Владыко, Вседержитель, услыши меня, грешного раба Своего, молящагося Тебе; прими молитву мою и благослови место сие, и благоизволи создаться храму во славу Твою и в похвалу и честь Пречистой Матери Твоея, честного и славного Ея Благовещения, да и в том славится Пресвятое имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь». Быстро разнесшийся слух о поселившемся на Киржаче подвижнике радонежском привлек к нему много подражателей его житию. При содействии приходивших работы по устройству келии и церкви быстро приближались к концу. Между тем осиротевшие иноки Троицкой обители совершенно упали ду-

хом и не знали, на что решиться. Нестроение и безначалие глубоко потрясли дух подвижников. Некоторые из них стали удаляться в другие монастыри, а более преданные месту и наставнику решили искать преподобного. Долго они, вдвоем и втроем, странствовали по необитаемым лесам Владимирской губернии без всякого успеха. Наконец некоторым из них, шедшим мимо Махрищского монастыря, привелось узнать от братии этого монастыря о пребывании их наставника. Объятые великой радостью, путешественники поспешно возвратились в великую обитель объявить об этом старцам. Понятно, в каком состоянии духа были иноки после долговременной разлуки с наставником, когда наконец привелось открыть уединение его. Одни из них, не в силах будучи удержать объявшей их радости, ушли скоро к преп. Сергию, на Киржач, и Сергей с любовью принимал их и устроил им келии. Другие же, старцы более благоразумные, видя, что великая обитель с каждым днем пустеет, и предвидя в недалеком будущем печальный конец ее существования, поступили иначе. Зная, как глубоко уважал Сергей митрополита Алексия, они решились прибегнуть к его посредничеству. «Владыка Святой, — говорили старцы, пришедшие в качестве депутации от великой обители, — да ведает Святое Твое владычество о разлуке нашей с отцом нашим; ныне живем мы как овцы, не имущие пастыря; священноиноки и простые старцы, не терпя такого разлучения, один за другим переходят к нему из обители нашей, и мы сами не можем долее терпеть такого лишения. Итак, если соизволишь на смиренное моление наше, повели ему опять возвратиться в прежнюю обитель, да не в конец она разорится». Благословив просителей, святитель обещал возвратить их игумена. Отпустив старцев, он немедленно послал к Сергию двоих архимандритов — Герасима и

Павла с посланием, исполненным искренней признательности и пастырского утешения. Послы приветствовали преподобного следующими словами: «Отец Твой, Алексий митрополит, благословляет тебя, и весьма возрадовался о жительстве твоём в дальней пустыне, исполненном благих дел и начинаний; но достаточно и того, что ты соорудил церковь и собрал в новой обители довольное число братии. Ныне избери из числа ученик твоих опытного в добродетели инока и поставь его вместо себя строителем новой обители; ибо такова воля Святителя, чтобы сам ты возвратился в монастырь Пресвятой Троицы и утешил бы плачущую о разлуке с тобой братию. Наносящих тебе оскорбление, — говорит святитель, — изведу вон из монастыря, да не будет тебе там ни единого противника; только не ослушайся нас, и милость Божия и наше благословение всегда пребудут с тобою». «Так от меня скажите Владыке моему митрополиту: все из уст твоих приемлю с радостью, как бы из уст Христовых, и ни в чем тебя не ослушаюсь», — отвечал Сергей посланным. С таким благоприятным ответом возвратились архимандриты к митрополиту. Обрадованный совершенным послушанием Сергия, св. Алексий немедленно прислал к нему богатую утварь для нового храма и священный собор, и храм был освящен во имя Благовещения. Присланы были святителем богатые вклады и дары для обители Киржачской и братии ее. Основание Киржачского монастыря относят к 1370 году. Сергей назначил своим преемником в новоучрежденной обители Романа, вместе с другими пришедшего из великой обители к нему на Киржач. Поручив Роману докончить благоустройство обители на правилах общежития, Сергей удалился опять в свою Троицкую обитель.

Нужно ли говорить о том, что возвращение это было торжеством взаимной любви учеников и наставника! Все, остававшиеся доселе в обители, вышли встречать его с радостными славословиями и, припадая к ногам его, целовали руки его и самую одежду. И преподобный так же радовался духовно, взирая на чад своих, видя несомненный опыт их свободного и совершенного послушания и преданности. Таким образом, преп. Сергей, по своему величайшему смирению и кротости, добровольно изгонял себя из монастыря ради изгонявших его. Он не мог видеть в монастыре тревоги мирского самоволия. После таких тревог, описанных выше, мирно потекла жизнь подвижников Троицкой обители, процветавшая в добродетелях. Преп. Сергей и ученики его, отложив совершенно ветхого человека, тлеющего в похотях, просияли, как звезды на темном горизонте, устремляясь всеми силами проникнуть в область невидимого мира и беспрепятственно сближаясь с силами небесными. Победив совершенно вещественную природу человеческую, они налагали на себя добровольно величайшие подвиги: одни предавались продолжительному посту, как бы и не зная алчбы; другие скрывались от братии и пребывали в продолжительном уединении; иные, живя в монастыре, обрекали себя на постоянное безмолвие «и быша, яко неми, не отверзая уст своих». Некоторые доходили до такого умиления, что во время молитвы в келии и в церкви, за трапезой и во время разговора — проливали непрестанно целые потоки слез, которыми орошалась обильно самая их одежда, земля и пол, на которых они стояли.

Желал было преп. Сергей, чтобы не Роман, а другой приближенный ученик его, Исаакий, был игуменом в Киржачском монастыре. Но необыкновенно кроткий, любитель безмолвия Исаакий никак не соглашался на пред-

ложение его, а просил преподобного благословить его на величайший подвиг молчания. Тогда Сергей, по совершении Божественной литургии, выйдя из северных дверей, осенил крестным знаменiem молчальника и сказал: «Господь да исполнит твое желание!» С тех пор Исаакий пребывал в совершенном бесстрастии до конца жизни — был, по свидетельству Епифания, «яко нем, не отверзая уст своих, и глух, яко не слыша». Только однажды Исаакий нарушил свой обет молчания. В одно время совершал Сергей Божественную литургию с братом Стефаном и племянником Феодором. Исаакий и Макарий стояли в церкви. Вот видит Исаакий внутри алтаря четвертого мужа чудного образом, сослужащего этим трем. На первом входе с Евангелием дивный муж сей шел за святым Сергием и лицо его сияло как солнце, так что Исаакий не мог взирать на него. Чудо разрешило ему уста, он обратился к Макарию, который, как оказалось, был сподоблен того же видения, и спросил его: «Брат! Не знаешь ли, кто сей чудный муж?» «Не знаю, — отвечал Макарий, — но меня объемлет страх, когда я взираю на него: без сомнения, это Ангел Божий, сослужающий нашему отцу». По окончании литургии оба ученика, удостоенные видения, приступили к преподобному и спросили его о таинственном муже. Сергей вышел из церкви, ни сказав им ни слова, но когда взошел в келию, сказал им: «Чада мои, если Господь уже открыл вам тайну сию, то и я не могу утаить от вас, что виденный вами был Ангел Господень, и не только теперь, но и всегда бывает такое посещение Божие мне, недостойному, во время совершения Божественной литургии. Вы же сохраните сие в тайне до исхода моего». В другое время преп. Сергей так же служил Божественную литургию и в алтаре стоял его ученик Симон, экклесиарх. И вот чудное видение узрел Симон. Во время пения «Тебе по-

ем» огонь спал с неба и ходил по престолу, объемля светом окрест весь алтарь: когда же хотел приобщиться св. Сергей, свился сей божественный огонь и взошел внутрь св. потира. Таким образом, по выражению молитвы причастной, преподобный причастился огня неопально. Ужаснулся Симон и стоял в трепетном безмолвии. Сергей духом прозорливости уразумел, что ученик сподобился видения и спросил: «Что причина твоего страха»? «Я видел благодать Св. Духа, действующую с тобою», — отвечал Симон, но смиренный Сергей запретил ему возвещать кому-либо о видении до дня его преставления.

Бог даровал преподобному и дух прозорливости. Св. Стефан, епископ Пермский, обративший многие тысячи язычников к свету Евангелия Христова и имевший с преп. Сергием духовное общение, однажды проходил в Москву мимо Троицкой обители. Спеша в столицу по делам церкви, он не зашел к духовному своему другу, думая на обратном пути посетить его. Находясь в расстоянии десяти поприщ от Троицкой обители, Стефан обратился лицом в ту сторону, произнес молитву: «Достойно есть, яко воистину» и, поклонившись до земли св. обители, сказал: «Мир тебе, духовный брат мой!». В это время Сергей сидел за трапезою с братиею. Уразумев духовное целование Стефана, преподобный встал с трапезы и, поклонившись до земли, произнес: «Радуйся и ты, пастырь Христова стада, и мир Божий да пребывает с тобою». Братия недоумевали, к кому относится сие целование. Преподобный же сказал: «Проходил мимо нашей обители епископ Стефан, и поклонился Св. Троице, нас же, смиренных, благословил»³⁹. В другое время серпуховской князь Владимир

³⁹ Филарет, архиепископ Черниговский. О Стефане Пермском. Апрель. С. 117.

Андреевич, благодетельствовавший обители Троицкой, прислал множества брашен к преподобному: посланный с брашнами на дороге прельстился ими и утаил несколько в свою пользу. Когда преподобному донесли о присланных яствах, то призвав к себе посланца, спросил его, зачем он прежде молитвы и его благословения взял нечто из брашен князя, и не хотел взять их. Тогда посланный, видя, что не может утаить от преподобного свою вину, раскрылся ему во всем и просил о помиловании. Тогда преп. Сергей приказал принять брашна и пригласил посланного за общую трапезу.

Последние дни святителя московского Алексия омрачились снова нестроениями и обстоятельными действиями патриарха Филофея. В 1373 году патриарх, как нам уже известно, уведомил св. Алексия, что по смерти его митрополитом Московским и всея России назначается серб Киприан. Но вот в 1376 году явился уже в Россию новый митрополит на место живого еще митрополита и спешил с грамотой патриарха заявить о себе великому князю. Глубоко тронут был этим св. Алексий. Сильно оскорбился великий князь от такого своеволия патриарха и не принял Киприана, который со стыдом и удалился из Москвы в Киев и поселился в Киево-Печерской Лавре. Тогда великий князь, видя упадок сил в святителе, просил его назначить преемником себе сначала Сергия, но тот, как и прежде, отказался. Между всеми иереями московскими отличался тогда священник села Коломенского Михаил (которого называли Митяй) — умом, познаниями обширными, красноречием, остротою, приятным голосом, ростом, привлекательной наружностью. Великий князь так полюбил Михаила, что назначил его своим печатником, т. е. хранителем Государственной печати, потом он был возведен в сан архимандрита, и князь избрал

его своим духовником. После неудачной попытки уговорить преп. Сергия принять жезл митрополита великий князь просил святителя назначить преемником по себе — архимандрита Михаила. Не имел святитель к Михаилу расположения за то, что он был горд, самонадеян и заносчив. И потому он сказал князю: «Митяй еще недавний монах, — надобно ему искуситься и облечься благими делами. Если даст Бог и Святейший Патриарх с собором, пусть будет; я же не могу благословить его». При таких нестройных обстоятельствах в Церкви Московской настала блаженная кончина св. Алексия. Он отошел ко Господу 12 февраля 1377 г., на 78 году жизни, пробыв на кафедре московской 24 года⁴⁰. По кончине уважаемого всеми митрополита Алексия архимандрит Михаил до того стал дерзок и смел, что стал распоряжаться делами, приличествующими митрополиту и надел даже белый клобук, в котором являлся публике. Он простер свою дерзость на священную Троицкую обитель и стал угрожать смиренному игумену ее, как бы неприязненному ему, в снискании им власти митрополита. Но преп. Сергий, не повинный в сих делах, только говорил братии: «Митяй негодует на нас и замышляет против нас недоброе, но он не увидит Константинополя, не увидит посему и сана митрополита». Строгое пророчество Сергия вскоре и исполнилось. Архимандрит Михаил, отправленный великим князем в Константинополь, чтобы принять жезл митрополита, на дороге к Константинополю скоропостижно скон-

⁴⁰ Собрание русских летописей. Никоновская летопись. IV. 48. 63. «Тое же зимы промежу говенья февраля во 12. в пяток. в завтреннюю годину, преставился праведный Алексий Митрополит всея России, в старости честне и глубоце, был в Митрополитех лет 24. и положен бысть на Москве, в церкви Св. Архангела Михаила честнаго его чуда, иже сам созда обчий монастырь». См. также Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. V. Прим. С. 8 и 9.

чался. После этого митрополит Киприан в 1381 году был вызван из Киева в Москву и встречен с колокольным звоном и со всеми знаками искреннего удовольствия⁴¹.

Лишившись в св. Алексии отца и благодетеля, вел. князь Димитрий Иоаннович нашел его в преп. Сергии Радонежском. Нравственное влияние преп. Сергия на великодушного и храброго князя Димитрия вполне обнаружилось в событиях 1380 года. Около двух веков томилась многострадальная Русь под тяжелым игом татар. Ее князья то и дело должны были путешествовать в Золотую Орду с подарками и унижительной данью на поклон к ханам. Самая легкая тень неудовольствия ими ханов была причиной и смерти многих из них, и нашествия татар на всю Россию, нашествия, которое несло за собою целые ужасы опустошения и дикого своеволия и насилия. Не имея единодушия между собой, князья никогда и не помышляли свергнуть иго, ненавистное и унижительное для России. И Россия страдала: страдала и от татар, страдала и от внутренних нестроений между своими же князьями. Но настал 1380 год, и для России пробил час освобождения от постыдного ига. Как скоро разнеслась весть о приближении, подобно грозной туче, бесчисленных полчищ Мамай, решившегося похоронить память о России под развалинами и пеплом, за неповиновение вел. князя московского! Тогда Димитрий Иоаннович обратился за помощью к своим покорным союзникам — князьям: серпуховскому, храброму Владимиру, ростовскому, ярославскому, белозерскому, тверскому, коломенскому, волоколамскому и Можайскому, быстро собрал войско в 150 000, какого Россия никогда не видела⁴². Он решил на тот

⁴¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. V. С. 55.

⁴² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. III. С. 352.

великодушный поступок, о котором Россия и поныне вспоминает с глубочайшим уважением: он первый решил навсегда свергнуть татарское иго или умереть на поле битвы вместе с преданными своими воинами. Но перед началом выступления Димитрий Иоаннович счел необходимым посетить Троицкую обитель и испросить благословение св. отца Сергия. Воздав свое смиренное поклонение Триипостасному Богу и приняв благословение на подвиг у св. старца, он поспешил к своим храбрым сподвижникам. Но преподобный просил вел. князя, чтобы он отслушал Божественную литургию, по окончании которой просил также вкусить хлеба и соли св. обители. Отрицался было великий князь от трапезы, ибо гонцы один за другим приносили ему известия о приближении врагов. Но преп. Сергий уговорил его остаться: «Обед сей, — говорил он, — тебе Государь будет на пользу». Между тем среди трапезы Сергий в пророческом духе воскликнул: «Господь Бог тебе помощник: еще не пришло время тебе самому носить венец сей победы с вечным сном, прочим же многим сотрудникам твоим плетутся венцы мученические с вечною памятью». После трапезы, окропив св. водою вел. князя и всех воевод, Сергий советовал ему почтить дарами и честью Мамаю, «того ради, да вознесет тебя Господь, видя твое смирение, и да низложит непреклонную гордыню». «Все сие я уже сделал, — отвечал князь, — но враг мой возносится». «Если сие так, — сказал старец, — то его ожидает конечное погубление, а тебя помощь, милость и слава от Господа». Окропив еще св. водою вел. князя, сказал ему тихо: «Иди же, господине, небоязненно; Господь поможет тебе на безбожных врагов: ты победиши враги твоя!»

С умилением сердечным внимал храбрый князь словам преподобного отца. Когда умолк Сергий, вел. князь

пал к ногам его и стал просить у него особого дара в благословение и как бы в залог истинности его таинственных слов. В обители Троицкой в числе братии, подвизались в то время против невидимых врагов, два инока: Александр (Пересвет), бывший боярин брянский, и Андрей (Осляб), бывший боярин любецкий. Их мужество, храбрость и искусство воинское были еще у всех в свежей памяти: всю жизнь свою они проводили в ратоборстве и за необыкновенную силу прослыли богатырями. Этих-то иноков и просил теперь вел. князь у преп. Сергия, надеясь, что они, как уже всецело посвятившие себя Богу, своим мужеством будут служить примером для его воинства. Охотно исполняя просьбу князя, преп. Сергей облек иноков этих в великие схимы, украшенные изображением креста Господня, и сказал им напоследок: «Вот вам, чада мои, оружие нетленное: да будет оно вам вместо шлемов и щитов бранных. Мир вам, возлюбленные о Христе братии! Мужайтесь, яко доблии воины Христовы, приспе бо время ваша купли». Прощаясь с св. Сергием, вел. князь сказал: «Если Господь и Пресвятая Его Матерь пошлют мне помощь против врагов моих, то я воздвигну монастырь в честь Владычицы», каковое обещание он в свое время и исполнил.

Проводив вел. князя и его спутников, преп. Сергей почти безвыходно пребывал в церкви со всей братией, вознося молитвы к Царю царствующих за успех русского оружия. Между тем Димитрий Иоаннович, ободренный и обнадеженный преп. Сергием, приняв личное начальство над воинством, смело повел свои полки на Куликово поле (в Тульской губернии, Епифанского уезда)⁴³, и поставил в боевой порядок между речками Непрядвой и Мечей,

⁴³ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. V. С. 63.

горя нетерпением встретиться с врагами. Перед самым началом сражения предстали перед вел. князем два инок, посланные преп. Сергием, нося мир и благословение ему и христолюбивому воинству. Святой старец провидел духом нужду еще раз укрепить мужество великого князя пред самой битвой и прислал с иноками своеручную грамоту, конец которой сохранили наши летописи для потомства. Грамота эта оканчивалась следующими словами: «Чтобы ты, Господине, таки пошел, а поможет ти Бог и Св. Богородица»⁴⁴. Прочитав послание игумена Сергия и приняв от иноков Богородичную просфору, князь громко произнес молитву из чина панагии: «Велико имя Пресвятыя Троицы! Пресвятая Госпоже Богородице, спаси нас! То я молитвами Христе Боже и за молитвы св. чудотворцев Петра и Алексия, и преподобного игумена Сергия, помогай нам на сопротивные силы и спаси нас!» Быстро разнеслась по полкам весть о посланцах Сергиевых: в лице их великий печальник земли русской как бы сам посетил и благословил русское воинство; посещение это в столь великую и решительную для всех минуту было сколько неожиданно, столько и благовременно и благоплодно. Теперь и слабые духом сердца запламенели храбростью, и каждый воин, ободренный надеждой на молитвы великого Сергия, не боязненно пошел в битву с лютыми врагами, готовый положить душу свою за святую веру и за дорогое отечество.

Наступил грозный час битвы (8 сентября 1380 г. 12-й час дня), решивший участь угнетенной России. Когда оба войска сошлись лицом к лицу при устье речки Непрядвы, то с татарской стороны выехал вперед богатырь, именем Челибей, громадного роста и страшный видом. Хвалясь

⁴⁴ Соловьев С. М. История России... Т. III. С. 352—353.

своею силой, подобно Голиафу, грозно потрясал он своим копьем и, смеясь над (мнимою) трусостью русских, вызывал кого-либо на единоборство. Прошло некоторое время томительного ожидания, и вот из полка Владимира Андреевича выступает схимонах Сергиевской обители — Александр. Не стерпев поношения дерзкого татарина, он так говорил Димитрию Ианновичу: «Не смущайтесь о сем нимало, Велик Бог наш и велия крепость Его! Гордый сей воин не мнит найти среди нас никого себе подобного, но вот я желаю с ним переведаться и иду против него во имя Господа сил. Братие, простите меня грешного!» Сказав это, Александр подобно молнии устремился на своего противника: они ударили друг друга копьями с такой могучей силой, что тотчас пали замертво. Раздались громкие восклицания с той и другой стороны. Это было вместе и знаком к началу кровопролитного боя. Между тем как длилась грозная битва Куликовская, изменявшая неоднократно той и другой борющейся стороне, вся братия Троицкой обители бодрствовала на молитве. Телом преп. Сергей стоял в храме, а духом был на поле сражения: прозревая очами духа весь ход сражения, он поведал предстоящей братии о всякой перемене битвы; время от времени он называл по имени павших воинов и приносил за них заупокойные молитвы. Наконец он возвестил им совершенное поражение врагов и пропел ко Господу молебное пение.

Весь путь от Куликова поля до Москвы для донского героя был усеян победными лаврами: для всякого очевидно было, что куликовское поражение татар было поражение Азии и возвышение Европы над Азией. Но великодушный победитель, приписывая всю славу русских в победе над татарами единственно Триипостасному Богу и молитвам Его угодника Сергея, возвратившись в Москву,

поспешил в Троицкую обитель воздать благодарение Господу и принять благословение от Сергия. После трогательной встречи великого князя с Сергием отслужена была заупокойная литургия о упокоении всех павших на Куликовом поле. Затем Дмитрий Иоаннович сделал богатые вклады в обитель и оделил братию богатыми дарами. Вспомнил вел. князь и данный им обет пред отправлением на поле битвы устроить монастырь и послал преп. Сергия искать для этого удобное место. Сергий выбрал лесистый холм на живописном берегу р. Дубенки и благословил поставить церковь во имя Успения Богоматери. При содействии вел. князя вскоре составила многолюдная обитель около уединенной церкви. Тогда Сергий, по просьбе вел. князя, настоятельство вручил ученику своему Савве, сиявшему добродетелями, который и учредил в сей обители общежитие. Так основан был Дубенский монастырь. Основание монастыря относят к 1382 году. Около этого же времени великий князь просил преп. Сергия, чтобы он в вотчине его Коломне, на урочище Голутвине, благословил построить монастырь во имя Богоявления Господня. Преподобный Сергий, исполняя волю державного, отправился в Коломну, по обычаю, пешком и положил начало основанию обители «на старом Голутвине», в которую и назначил игуменом ученика своего, благоговейного священноинока Григория, который своими подвигами вскоре привлек в обитель множество братии.

Чувствуя глубокое уважение к преп. Сергию, вел. князь Дмитрий Иоаннович приглашал его быть приемником детей своих Юрия и Петра, а что всего важнее — преп. Сергий был свидетелем духовного завещания вел. князя московского, положившего начало небывалому в России, но благотельному обычаю наследования престола после отца старейшему сыну, помимо других лиц

старших в роде. И охранение столь важного постановления в России вверено Провидением преп. Сергию⁴⁵. Преподобный Сергей был восприемником детей и у серпуховского князя Владимира Андреевича.

1382 год. Едва Россия несколько окрепла после страшных потерь в Куликовскую битву, как созрел для нее новый удар в лице нового хана Тахтомыша. Этот Тахтомыш был воинственный хан Заяицкий. Разбив наголову Мамай и завладев его престолом в Золотой Орде, Тахтомыш послал своих царедворцев в Россию известить об этом князей русских и потребовал от них даров. Некоторые из них, например изменчивый Олег рязанский, приняли посланных, но не могли явиться послы в Москву из страха, который овладел татарами после куликовского поражения. Тахтомыш решился разогнать этот страх и пошел секретными дорогами в Россию, чтобы не наткнуться на великого князя, который спешил собрать войско в Переяславле, Костроме и др. городах. В 1382 году⁴⁶ Тахтомыш, взяв Серпухов, быстро приблизился к Москве, произвел своим неожиданным появлением немалое смущение в москвичах, остававшихся без князя. После трехдневной кровопролитной битвы Москва попала в руки хищнику обманом. Не довольствуясь опустошением Москвы и ее окрестностей (причем немало пострадали монастыри: Андроников и Симонов) Тахтомыш разорил города: Юрьев, Звенигород, Можайск, Боровск, Рузу, Дмитров, а затем быстро удалился тайными дорогами из России, так как великий князь шел к нему с тыла. Преп. Сергей на время удалился из обители в Тверь, но вражьи руки не коснулись священной обители.

⁴⁵ Собрание государственных грамот. Ч. I. С. 61.

⁴⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. III. С. 358—360.

В 1385 году преп. Сергей, уже 70-летний старец, принял на себя труд путешествия, чтобы навсегда утвердить мир между вел. князем и изменником Олегом, который несколько раз нарушал мирные договоры, производил крамолы и способствовал ханам производить грабежи в России. Бесхарактерный Олег устыдился кротких увещаний богоносного старца, чистосердечно раскаялся ему в своих замыслах и просил через него себе помилования и пощады от вел. князя. Наконец, через него заключил мирный договор с Димитрием Иоанновичем. Теперь вел. князь уже не боялся внутренних врагов и еще более утвердил свое княжение⁴⁷.

Венцом добродетельной и подвижнической жизни преп. Сергия на земле было благодатное посещение его в молитвенной келии Пресвятой Богородицей, сопровождаемой апостолами Петром и Иоанном Богословом. Это Божественное посещение было ранее 1388 года, в котором преставился Исаакий Молчальник, поэтому предполагают, что оно было в 1387 году «в четыредесятницу Рождества Христова, в пяток в вечеру». В эту таинственную и незабвенную для Троицкой обители ночь преп. Сергей, прочитав акафист Богоматери и взирая на Ее Образ, так Ей молился:

«О Пречистая Мати Христа моего, заступница и крепкая помощница роду христианскому, присно молящаяся о нас недостойных Сыну Своему и Богу нашему — умоли Его, да призрит на обитель сию, созданную в похвалу и честь святому имени Его во веки. Тебя Матерь сладкого мне Христа, молитвенницу призываю, многое дерзновение к Нему имущую, как общее всем упование и пристанище». Итак, совершив обычное свое правило, сел

⁴⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. V. Прим. 105.

он немного отдохнуть, но воспрянул скоро и сказал своему келейнику Михею: «Бодрствуй, чадо, ибо мы будем иметь ныне чудное посещение». Едва произнес преподобный эти слова, как раздался близ дверей келии голос: «Пречистая грядет». Святой Сергей поспешил отворить дверь, и внезапно осенил его необычайный свет: он узрел телесными очами Преподобную Деву, блиставшую неизреченною славой; за нею следовали верховные апостолы Петр и Иоанн. Не в силах будучи вынести чудного света, преподобный пал на землю, но благословенная Матерь прикоснулась к нему рукой и, подняв его, произнесла следующие слова:

«Не бойся, избранник Мой, Я пришла посетить тебя, ибо услышала молитву твою: не скорби более о учениках твоих, о коих молишься; отныне всем будет избиловать твое жительство и не только во дни твоей жизни, но и после твоего отшествия к Богу. Неотступна буду от обители твоей, неоскудно подавая ей все потребное и покрывая ее в нуждах». Сказав это, Пречистая стала невидима. Сергей же оставался как бы в некоем исступлении, одержимый трепетом. Мало-помалу придя в себя, обрел он ученика своего, как бы мертвого, и поднял его. Михей спросил его: «Скажи мне, отче, что было чудное видение сие, ибо душа моя от ужаса едва не разрешилась от тела?» Но Сергей не мог еще и сам говорить от сильного движения духа. По кратком времени повелел он призвать двоих благоговейных иноков Исаакия и Симона и тогда возвестил им подробно о вышнем посещении. После радостных излияний сердечных чувств все они вместе совершили благодарственное молебствие Богоматери; святой же всю ночь пробыл без сна, внимая умом божественному видению. В 1388 году преподобный похоронил любимого

ученика своего Исаакия Молчальника⁴⁸, а в 1392 году, мая 5 дня, преставился ко Господу и преп. Михей, живший в одной келии со своим наставником, свидетель многих чудес, совершенных Сергием, и удостоенный наконец видения небесной зари и необычайного света, истекшего от посетившей их Царицы Небесной.

Наконец приблизилось время и преп. Сергию перейти от земной жизни к вечной и неизреченной радости на небо. За 6 месяцев преподобный получил откровение о своей кончине. Призвав братию, вручил старшинство над ними присному своему ученику Никону, которому завещал пасти стадо Христово с особенным усердием и бдением, за которое он должен дать ответ Богу. Сам же преподобный стал безмолвствовать. В сентябре 1392 года он впал в тяжкий недуг и, уже готовясь воздать обычный долг смерти, собрал еще однажды вокруг себя свое стадо и предложил последнюю беседу. Он внушал им «непоколебимо пребывать в Православии, хранить единомыслие друг ко другу, чистоту душевную и телесную и любовь нелицемерную, отделяться от нечистых помыслов, воздерживаться в пищи и питии, наипаче украшаться смиренномудрием, страннолюбие не забывать, избегать словопренений, наипаче же пребывать в безмолвии, ибо безмолвие есть мать всех добродетелей и истинное украшение монашеское, — ни во что вменять славу жития сего временного, но ожидать от Бога награды небесной и вечных благ».

Наконец умирающий Сергей воскликнул: «Вот я отхожу к Богу, меня призывающему, вас же предаю Господу и Его Матери, Она да будет вам прибежищем и стеной крепкою от сетей вражиих». В самую минуту исхода по-

⁴⁸ Историческое описание Троице-Сергиевой Лавры. Гл. V. С. 65.

желал он приобщиться Тела и Крови Христовой, руки рыдающих учеников поддерживали немощные его члены, во всю жизнь не ослабевавшие ни на минуту. С помощью их воздвиг он руки к небу и, сотворив последнюю молитву, в дыхании сей молитвы предал чистую свою душу в руки Господа, в 25 день сентября 1392 года, на 78 году от рождения. По свидетельству Епифания, в минуту разрешения от сей жизни неизреченное благоухание пролилось от тела его; лицо его, как образ очищаемого духа, было чисто и светло, в воздаяние от Бога за все его подвиги.

**Преподобный Никон, второй игумен
Троицкой обители. Нашествие Едигея.
Разорение обители. Возобновление.
Устроение каменного собора. Открытие мощей
преп. Сергия. Новые владения обители.**

**Кончина Никона
(1392—1428)**

Приняв начальство над братией Троицкой обители, преп. Никон, во всей своей жизни, во всех делах частных — монастырских и общественных ревновал своему наставнику и был верным отображением великого его духа. Процветший яко крин сельный в непорочной и подвижнической жизни, еще при жизни своего учителя преп. Никон приобрел всеобщую любовь и уважение от князей и народа. «И бе Никоново имя, яко священство некое обносимо», — свидетельствовал Епифаний, бывший духовник обители Троицкой.

Преп. отец наш Никон родился около 1355 года в городе Юрьеве-Польском, Владимирской губернии, от добродетельных родителей-христиан. Уже в раннем детстве в нем обнаружились блестящие способности к учению, так

что во все время обучения он превосходил всех своих сверстников крепкой памятью и недетской рассудительностью. Не гоняясь за земными благами, за богатством и честью, Никон с молодых лет весь прилепился к Богу. Не принимая никогда участия, по своей всегдашней кротости, в детских играх, он вместо того неопустительно посещал храм Божий, глубоко внимая слову Божию. Рано в нем обнаружились стремления к иноческой жизни. Неоднократно слыша рассказы о подвигах и чудесах преп. Сергия, решил он последовать стопам его и стал молить Господа, чтобы Он сподобил его видеть св. старца. И вот, укрепив себя молитвою и упованием на милосердного Бога, оставляет он отчий дом и своих родителей, тайно удаляется в радонежские леса и просит преп. Сергия облечь его в иноческий образ. Умилился преподобный при виде благоразумного и кроткого юноши. Провидя внутренними очами душевную его чистоту и светолучную зарю, впоследствии воссиявшую в нем, Сергей, испытывая его, посылает его к своему ученику Афанасию в Серпухов, для научения иноческому житию. Выслушав с глубоким смирением волю великого аввы, юноша с невозмутимым спокойствием пошел к указанному учителю. Афанасий увещевал его не спешить принимать обеты иноческие, представляя ему, что не сможет свыкнуться с суровою жизнью иноческой, которая исполнена многих скорбей и искушений. Но Никон неотступно просил принять его в обитель, и Афанасий склонился наконец на его просьбу и постриг в монашество.

Под руководством искусного учителя Афанасия Никон упражнялся в одной келии со своим наставником в продолжительных, нередко всенощных молитвах, в прилежном изучении слова Божия и отеческих творений, в изнурительном и продолжительном посте и скоро возрос

в ту меру возраста и исполнения Христова, которую апостол Павел положил пределом для христианского совершенства. Преподобный Афанасий, видя своего ученика преуспевающим в истинном монашеском житии, со своей стороны напрягал все старания, чтобы показать его примером всему иночеству. Когда же преп. Никон достиг совершенного возраста, то, по представлению Афанасия, митрополит Киприан облек его в сан священника. После этого Никон недолго оставался в обители Высоцкой ⁴⁹. Чувствуя неотразимое влечение и уважение к преп. Сергию, Никон испросил однажды позволение у игумена идти на богомолье и отправился прямо в Троицкую обитель, более к нему не возвращаясь. С великой радостью принял Сергей знакомого ему юношу, но уже священноинока Никона. По некотором искусе в монастырских послушаниях, которые Никон переносил с назидательным терпением и кротостью, преп. Сергей поставил его вторым по себе лицом в монастыре, т. е. келарем. Обладая от природы высшими качествами души христианской — кротостью и великодушием — Никон, исполняя должность келаря, питал к своим подчиненным такую любовь, которая превышала даже любовь отца к своим детям. В том, что он был сострадателен и долготерпелив к поступкам братии выше всякой меры человеческой, убеждает нас его же подчиненный, блж. Епифаний. Так преп. Никон, позднее многих других пришедший в обитель, укреплялся духом, возрастал в подвигах и добродетелях и возрос даже до готовности быть преемником Сергия.

Все время управления Никона монастырем было временем процветания монастыря и монашествующих и бы-

⁴⁹ Никон не более двух лет жил у преп. Афанасия. См. *Филарет, архиеп. Черниговский*. Ноябрь. С. 17: о Никоне.

13-1992

ло временем прославления первого его основателя. Кроме самого игумена Никона, который за святую и непорочную жизнь заслужил нелицемерную любовь и уважение от преп. Сергия, и имя которого, по выражению Епифания, «бе, яко священие некое обносимо», еще живы были Макарий, архимандрит Симон и Симон экклесиарх, видевшие многие знамения и чудеса, совершенные преп. Сергием, и в награду за чистое житие свое достигнувшие глубокой старости. Был жив еще и имевший равноангельскую кротость Савва, которому Господь открыл такое умиление, что он проливал целые потоки слез и во время келейной молитвы, и в церкви, и за трапезой. Затем Епифаний, названный за свои письменные труды премудрейшим, был как благоухающий цвет в великом вертограде. Искренний ученик безмолвия, преп. Никон неохотно, однако же, принял начальство над братией, побоялся оскорбить умирающего наставника — отказ от возложенных на него обязанностей он считал неблаговременным и неуместным. С глубокой скорбью проводив своего наставника в вечность, преп. Никон с ревностью принялся за дела своего служения. Прежде всего кротость его и смирение более всякого назидательного устного слова поучали братию уподобляться своему наставнику. Первым всегда являлся он в храм Божий и последним выходил из него. Часто преп. Никон предлагал братии поучения в церкви, дышавшие отеческой любовью к слушателям и обличавшие в проповеднике присутствие твердой веры в Бога и глубокое знание слова Божия. Он говорил: «Потщимся, братие, о своем спасении; ибо мы добровольно отверглись мира и всех его благ, ради заповеди Божией. Подобаает нам, прилепившимся Богу, внимать одной Его воле и иметь попечение о спасении душ своих, отнюдь не допуская лености погрузить нас в беспечность,

виновницу всех бедствий человеческих, чтобы не лишиться вечных благ. Господь глаголет, никтоже возложивый руку свою на рало, и зря вспять, управлен будет к Царствию небесному. Пребывая же в заповедях Господних до конца, без сомнения восприимем неизреченные блага». «Они же, — говорит Епифаний, — послушаху его, и в сладость послушаху». Собрав однажды братию в свою келию и много поучая их пребывать в единомыслии и любви друг ко другу, наконец сказал им, что желает пребывать в безмолвии, и просил их избрать из среды своей игумена, его же более к тому не принуждать, а предоставить самому себе. Несмотря на мольбы и слезы преданной ему братии остаться их начальником и наставником, преп. Никон назначил Савву, монастырского духовника, игуменом братии, а сам заключился в своей келии. «И един в ней единствовавшие», предаваясь беспрепятственно сокрушению сердечному и уединенному богомыслию. Преп. Савва и заведовал всеми делами монастырскими в течение 6 лет — до 1399 года⁵⁰, — «добре пасяше порученное ему стадо, елико можаше, и елико отца его блаженного Сергия молитвы спомогаху ему». Древнее предание ко времени начальствования его в Лавре относит изведение молитвами его источника водного за стенами обители к северу, из него же поныне почерпают благодаря Бога. Звенигородский князь Юрий Дмитриевич, сын Донского, часто посещавший Троицкую обитель, в 1399 уговорил преп. Савву отправиться с ним в Звенигород и поручил ему построить монастырь «на Сторожеве», близ города Звенигорода. По удалении Саввы преп. Никон по необходимости должен был принять

⁵⁰ Смирнов. Историческое описание Саввино-Сторожевского монастыря. С. 5. Прим. 9. С. VIII.

опять начальство над монастырем. Но, возложив снова на себя тяжелое иго начальника, преп. Никон отделил, однако же, часть каждого дня для уединенной молитвы, предоставляя на это время братию самим себе. В молитвенной своей келии Никон непрестанно омывал лицо свое обильными источниками слез от сердечного умиления, так что не только лицо, но и одежду и пол орошал слезами.

В ноябре 1408 года⁵¹, по попущению Божию, неожиданно вторгся в пределы русские татарский хан Едигей. Москва во время отсутствия вел. князя Василия Дмитриевича была взята и разорена. Затем Едигей разослал свои отряды к Владимиру и к Смоленску: были взяты и разграблены Переяславль и Дмитров и окрестные волости и села. Услышав о приближении варваров, преп. Никон всю ночь скорбел и молился, чтобы Господь спас обитель. Но в ночном видении явились ему первосвятители московские Петр и Алексий и с ними преп. Сергей и сказали ему, чтобы он удалился с учениками из обители, ибо враг коснется и ее, и прибавили: «Тако судьбам Божиим изволися. Ты же, чадо, не скорби, аще бо и наказание Божие к покаянию послася, но в мале будет конечного опустошения свободно; обитель же больше распространится».

В декабре 1408 года Едигей быстро стянул свои войска и поспешно удалился из России, потому что узнал об угрожавшей ему опасности попасть в руки вел. князя. Возвратились и иноки Троицкой обители, но на месте монастыря они нашли одни развалины и груды пепла. Не упал, однако же, духом игумен Никон, а, возложив упование на Бога, менее чем в три года, при помощи князей,

⁵¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. IV (Княжение великого князя Василия Дмитриевича).

построил деревянную церковь во имя Живоначальной Троицы и все монастырские и церковные здания. Новозданный храм был освящен 25 сентября 1411 года. Люди, достойные видений духовных, видели, как св. Алексий и преп. Сергей приходили освящать новые монастырские здания⁵². Святая жизнь подвижников Троицкой обители привлекла в нее снова бесчисленных богомольцев и благотворителей. Влияние преп. Никона на русских князей вполне обнаружилось в том, что они приглашали его быть свидетелем и участником своих семейных событий. Так, в 1401 г. у князя кашинского Василия Михайловича он был восприемником сына его Димитрия⁵³. В 1410 году он был призван для засвидетельствования духовного завещания серпуховского князя Владимира Андреевича об уделах сыновьям⁵⁴. Князья русские любили ущедрять обитель Троицкую различными пожертвованиями и крупными вкладами. В лаврской библиотеке сохранился список с подлинной грамоты следующего содержания: «Се аз, Князь Федор Андреевич дал есмь в Святой Троице Сергиев монастырь Игумену Никону и всей братии, или кто будет по нем иной Игумен, в своем старейшинстве, в Олексинском стану (Тульской губ. Алексинского уезда) озеро Смехро и со всеми истоки до озера Боровое (Боровского уезда) в поминок душе своему деду, да и своему отцю (радонежский кн. Андрей Иоаннович), да и своей, да и всему роду. А кто сию грамоту подвигнет моих детей, или моих братаничей, ино ми с ним суд пред Богом; а даст тот Святой Троице двесте рублев. А на то послуши:

⁵² Житие преп. Никона (в рукописи). См. также Историческое описание Троице-Сергиевой Лавры. С. 68.

⁵³ Никоновская летопись. Т. IV. С. 299.

⁵⁴ Собрание государственных грамот. Т. I. С. 79.

сын мой Князь Иван Федорович, да сын мой Князь Федор Федорович, Фатьян Михайлович, Константин Михайлов, Василий Данилов». — Печать при грамоте восковая.

В игуменство преп. Никона вотчинные владения Троицкой обители значительно распространились не только благодаря вкладам от великих и удельных князей и других, но частью и посредством приобретения за деньги, по благотворительным видам монастыря. Это доказывает следующая договорная грамота: «Се аз Иван Сватко. Што есми был виноват своему Господину Игумену Никону десятью рубли, и аз за ту десять рублей дал свою пустошь Столбцевскую, да Микитинскую пустошь, да Иванкинскую и с лесом, и что к ним потягло. А случится ми смерть, и им поминати мою душу. А в данной послуши: Василий Борисович, сын его Иван да Мандар. А грамоту есми дал без печати»⁵⁵.

После Едигеева нашествия, от которого монастырь Троицкий обращен был в груды пепла, Никон устроил новый храм не на том месте, где стоял прежний, устроенный преп. Сергием. Он вознамерился построить каменный благолепный храм, в котором решился упокоить мощи своего отца и наставника и где надеялся упокоить и себя. Когда преп. Никон сообщил о своем намерении великому князю, то нашел в нем самого энергичного соучастника в исполнении этого великого предприятия. К ним присоединились и другие князья. И несмотря на всеобщую скудость средств после Едигеева погрома преп. Никон, с помощью вел. князя и при участии радонежского князя Георгия Димитриевича, начал и продолжил построение собора с такой поспешностью, что одних из братьев приводил в недоумение, а от других слышал даже

⁵⁵ О владениях Троицкого монастыря до 1764 года. Гл. XI. С. 181.

упреки. Когда все каменные работы были доведены до конца, то Никон поусердствовал расписать и украсить собор благолепной живописью. Для этого он вызвал славных в то время иконописцев — художников-инок Андроникова монастыря «на Москве» Даниила и Андрея, названного за иконописное искусство Рублевым⁵⁶. Благоговейные сии старцы не замедлили явиться в обитель Сергия. С помощниками своими они благолепно расписали стеной и иконописной живописью новосозданный храм, который приводил своим благолепием с немалое удивление многочисленных зрителей. До настоящего времени еще сохранился стоящий на правой стороне царских врат в иконостасе образ Пресвятой Троицы, написанный старцем Андреем, «в похвалу Святому Отцу Сергию»⁵⁷.

Когда же Господь Бог восхотел доказать всему миру праведность и непорочность Своего угодника Сергия и распространить его обитель, спустя тридцать лет по прославлении святого открылись нетленные его мощи, к несказанной радости Никона и братии. Во время копания рва под основание каменного собора гроб преподобного Сергия был найден цел и невредим, хотя и объятый весь водою. Все немало этому подивились. Между тем некий человек, имевший к преподобному Сергию великую веру, часто приходил молиться над гробом его. Однажды ночью, когда после молитвы впал он в легкий сон, явился ему сам Сергий и сказал: «Иди, скажи игумену, зачем ос-

⁵⁶ Стоглавый собор ставит Рублева в образец иконописцам. И доныне образа, писанные в стиле Андрея Рублева, слынут «рублевыми», т. е. ценными и редкими, а известные под его именем иконы, отмеченные позднейшими подписями, высоко ценятся любителями. См. *Снегирев*. Памятники Московской Древности. С. XXI.

⁵⁷ Так гласит надпись на этой иконе.

тавляет меня столько времени под землей, и тело мое утесняется водою». Воспрянув скоро от сна, поспешил он возвестить Никону о видении. Сон подтверждала и действительность, и нетление гроба. Тогда преп. Никон увидел в том волю Господню и объявил об этом братии и князьям. И вот 5 июля 1422 года священный собор во главе с митрополитом, в присутствии великого князя Василия Дмитриевича и звенигородского князя Юрия Дмитриевича, крестника преподобного и радонежского князя Георгия Дмитриевича, и при необыкновенном стечении народа, вынес из рва и поставил в деревянном храме гроб преподобного Сергия, сокрытый в недрах земли в течение тридцати лет. Когда открыли гроб, то пролилось из него необыкновенное благоухание, которым не только наполнился весь храм, но и слышно было оно по всей обители. При сем предстало умирительное зрелище: не только сохранилось целым и невредимым тело и лицо преподобного, но и к одежде его не прикоснулось тление; в ту минуту совершилось много чудес и исцелений. Ликовала обитель, ликовало и все множество народа, сошедшегося со всех концов обширной России на этот великий праздник, все прославляли Господа, дивного в Святых. Не с того ли времени утвердилось за обителью название Троице-Сергиева Лавра?⁵⁸

Недолго, впрочем, жил по освящении нового храма строитель его. Предвидя конец своего жития, умирающий Никон, созвав братию и немного привстав на своем одре, произнес уже слабым голосом прощальную речь. Изложив кратко братии все правила иноческого жития, завещал им упражняться в дневных и ночных молитвах и

⁵⁸ *Сергий, архимандрит.* Историческое описание Андроникова монастыря. С. 9. Прим. 3.

псалмопении. Увещал и оставить частые хождения из монастыря, вместо же сего, вооружившись терпением, пребывать на едином месте и переносить до конца все испытания и искушения, которые могут постигнуть их. Учил иметь послушание к начальствующим, ненавидеть праздность как виновницу многих зол, но всегда находить какое-либо дело праздным рукам и петь псалмы во время занятий. Поучал предаваться безмолвию, чрез которое не трудно стяжать мудрование душевных очес, говоря, что безмолвие удобно возводит к совершенству добродетелей. Напомнил им и о человеколюбии: он заповедовал им ни единого человека не отпускать из монастыря с пустыми руками и никому ни в чем не отказывать, ибо в лице просящего они откажут самому Христу. Заключая свою прощальную беседу, преподобный воскликнул: «Бодрствуйте, молящиеся, со всяким трезвением, чрез что сохраните себя от нападений врага и соблюдете обещание ваше о целомудрии, о чем вы знаете из прежних моих бесед. Ныне отцы и братии и чада возлюбленные о Христе, молю вас, пребывайте в моих словесах; имейте их всегда в своих умах и помышлениях и сохраняйте их, держаще веру правую и житие благочестное». Затем умолк он, зря на небо. Наконец он сказал им: «Отнесите же меня в оное светлое место, которое уготовано мне молитвами моего отца Сергия». Благословив каждого из предстоящей братии, умирающий Никон сказал: «Изыди, душа моя, идеже ти уготовано пребывалище, пойдя радуящегося, Христос зовет мя!» — и, оградив себя крестным знамением, испустил дух 17 ноября 1428 года.

Несколько слов о преемниках преп. Сергия и Никона. После смерти преподобных Сергия и Никона Троицкая Лавра унаследовала их благочестие и веру. В лице преемников их, прославившихся благочестивой жизнью, далеко

распространилась слава о Троицкой Лавре. Многие игумены Лавры, за святость жизни, приобрели огромное влияние на князей и народ, так что многие важные события из жизни русского народа начинались, так сказать, и оканчивались в Святой Лавре. Вот некоторые из замечательных игуменов.

Зиновий (четвертый по счету). Великий князь Василий Васильевич питал к нему такое уважение, что избрал его крестным отцом своего сына Иоанна (в 1440 г.). Зиновий же был посредником в примирении вел. князя с галицким князем Димитрием Шемякой. При игумене Досифее происходили следующие события. Когда вел. князь Василий, освободившись из плена монгольского, предпринял путешествие в Лавру (1446 г.), чтобы возблагодарить Бога за свое освобождение, Димитрий Шемяка условился с князем можайским Иоанном в отсутствие великого князя, занять Москву своими войсками, а самого его захватить в Лавре. Великий князь, извещенный об умысле, хотел было найти убежище у раки преп. Сергия, но по настоянию можайского князя был взят и лишен зрения. Досифей же скрыл детей Василия в обители. Преемником Досифея был преп. Мартиниан. Он был постриженник и ученик Кирилла Белозерского, основатель Кожеозерского монастыря и потом игумен Ферапонтова монастыря. Великий князь, получив от Шемяки в удел Вологду, намеревался возратить себе престол великокняжеский. Путешествуя по монастырям вологодским, он познакомился с преп. Мартинианом и получил от него благословение идти против похитителя престола. Возвратив свое наследие, великий князь вызвал Мартиниана и поставил его игуменом Троицкой Лавры. После этого имя игумена Троицкого было первым во всех важных решениях по государственным делам. История сохранила нам

один случай его ревности по правде. Великий князь просил преп. Мартиниана, чтобы одного вельможу, удалившегося к тверскому князю, склонил он возвратиться к прежнему своему государю. Преп. Мартиниан исполнил волю Василия, обещав боярину сугубую честь, по словам князя. Боярин послушался преподобного, но вместо чести был заключен в оковы. Услышав об этом, преп. Мартиниан немедленно отправился в Москву. Обличив нарушение данного слова, он сказал своему духовному сыну: «Не буди моего, грешного, благословение на тебе и на твоём великом княжении». Князь признал неправду свою и приходил к игумену для примирения.

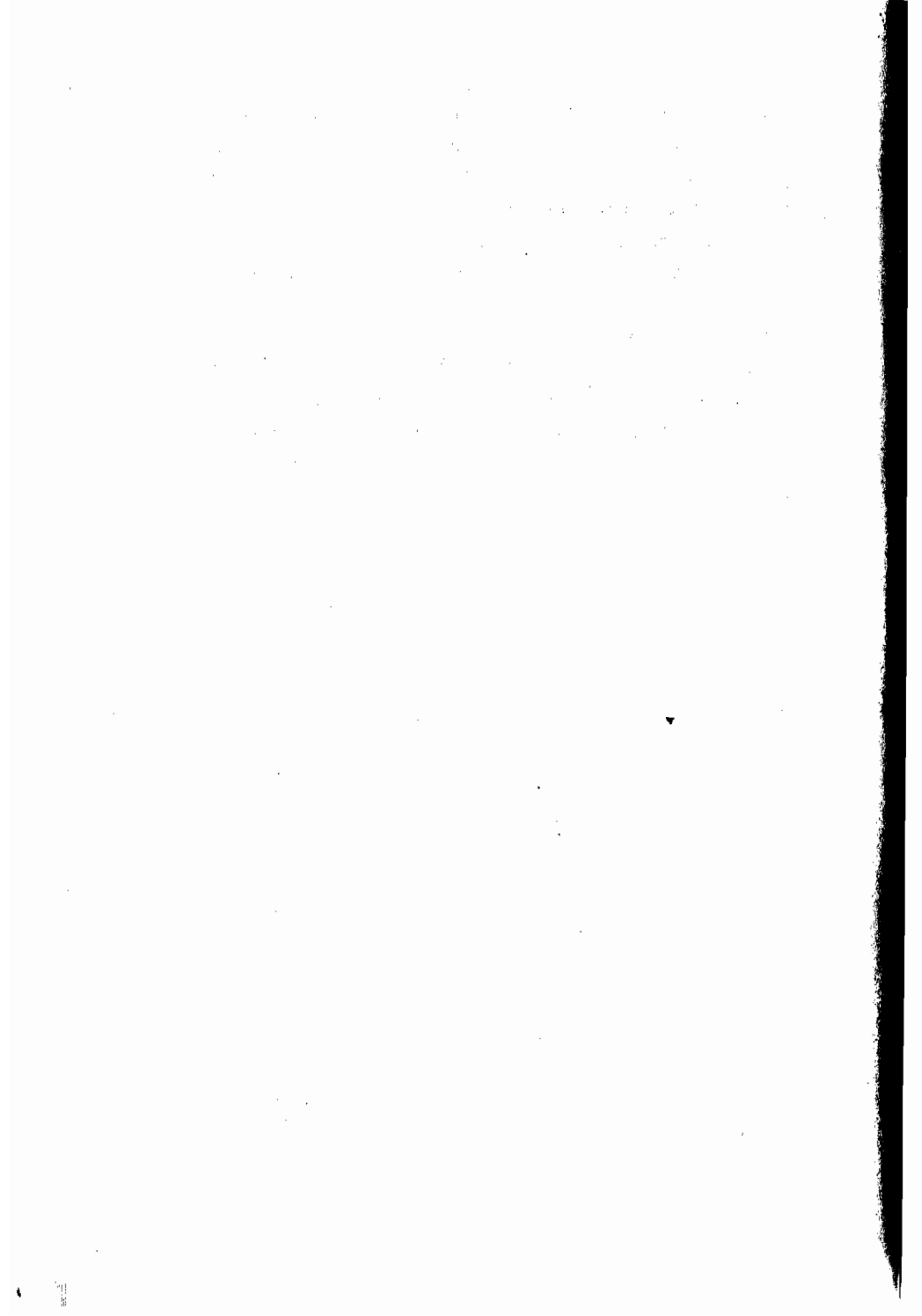
Восьмым по порядку игуменом был Вассиан, ученик преп. Пафнутия Боровского. Вассиан первоначальные наставления в иночестве получил от ученика Сергиева Никиты. Как искусного знатока слова Божия и образованного митрополит Иона посылал его в Киев утвердить в Православии княгиню Анастасию и её сыновей Симеона и Михаила. Посольство это принесло желанные плоды. В 1468 г. Вассиан был рукоположен в архиепископа Ростовского.

Спиридон (1467—1474) за святость жизни пользовался большой известностью и уважением. Иосиф Волоколамский называет его великим старцем. Строгая внимательность его к вверенному стаду была такова, что митрополит Филипп писал к нему грамоту, в которой ходатайствовал за согрешившего старца Памву: «Да сотвориши милость над ним во славу Божию, и мене деля, сыну, от уз его разрешити повели». При Вассиане и Спиридоне жил в Лавре инок, известный как церковный писатель, Пахомий Логофет, родом серб, пришедший с Афона. Кроме жития преп. Сергия, он составил каноны преп. Сергию и преп. Никону, жизнеописание Кирилла Бело-

зерского, Евфимия и Моисея, архиепископов Новгородских, Варлаама Хутынского и Саввы Вишерского. В 1472 году, когда перенесены были мощи св. митрополита Петра в новоустроенный соборный храм и обретены мощи св. митрополита Ионы, — поручено было ему написать два канона этим святым и слово, соответствовавшее торжеству⁵⁹.

Но последуем за учениками преп. Сергия, которые, во множестве рассеявшись по необитаемым местам и девственным лесам северной России, основали многие монастыри, в которых добровольно обрекли себя на всевозможные лишения и подвиги, для вразумления и поучения мира.

⁵⁹ О писателях XV века // Православное обозрение. 1870. Ч. I, II, III.

ИСТОРИЯ ПРАВОСЛАВНОГО МОНАШЕСТВА

**в Северо-Восточной России
со времен преп. Сергия Радонежского**

Часть вторая

Составил диакон
Матфей КУДРЯВЦЕВ

Крутицкое Патриаршее Подворье
Общество любителей церковной истории
Москва
1999

1870-1871

1871-1872

1872-1873

1873-1874

1874-1875

1875-1876

1876-1877

1877-1878

1878-1879

1879-1880

1880-1881

1881-1882

1882-1883

1883-1884

1884-1885

1885-1886

1886-1887

1887-1888

Казалось бы, что под руководством и бдительным надзором преподобного Сергия ученики его, возбуждаемые примерам его высокой подвижнической жизни и охраняемые его всесильными молитвами за них к Богу, были достаточно безопасны под кровом Радонежской обители от всех искушений и бед, которые во множестве рассеивает диавол на пути подвижнической жизни. Убежавшие от мира пустыньники, воодушевляясь постепенно могучей верой в Бога, спасающего их от малодушия и от бури, небоязненно шли на встречу своим невидимым врагам, стараясь побороть своими силами все козни дьявольские и победить мир с его похотями, чтобы наконец достигнуть безмятежной страны бесстрастия. И вот многие из них, ревнуя жить в уединенном безмолвии, получив благословение своего наставника — преподобного Сергия, тайно уходили из монастыря и поселялись в сокровенных местах и необитаемых Вологодских и Белозерских лесах. Там, оставаясь в безвестности, они проводили такую жизнь, которая для обыкновенного разума человеческого, обольщенного миром, кажется невозможной. И однако многие из них горько сожалели о том, когда места их неослабных подвигов были случайно открыты заблудившимися путниками, которые первоначально не верили даже самим себе, чтобы возможно было в таких пустынных местах скрываться долгое время человеку, не боясь погибнуть от хищных обитателей лесов или от голода и стужи. Случалось, что некоторые из них от чрезмерных подвигов и голода ослабевали, все члены их оцепеневали и они падали, лишенные сил, на землю. Но недремлющий Бог Израилев хранил избранных Своих и чудодейственно восставлял их на новые и неослабные уже подвиги. Слава святой жизни их, примеры

высоких и разнообразных добродетелей их, чудотворения и не издоимные врачевания немощей человеческих — привлекли к ним многих последователей; и они основали по всем пределам северной России многочисленные монастыри, в которые внесли великий дух иночества, посеянный в них великим их учителем. Посвятив себя всецело Богу, сколь многих в то же время они отвратили от пути заблуждений, утешали, врачумляли и подкрепляли на пути добродетелей. Монашество это представляло из себя бесчисленный сонм святых мужей, о чем наглядно свидетельствуют их мощи, открыто почивающие в основанных ими монастырях, источающие до сих пор неоскудные токи исцелений всем прибегающим к ним с верой. Воспитанниками этих монастырей были многие великие иерархи Церкви Русской, которые, подавая пастве высокий пример кротости и воздержания, всю жизнь свою посвятили на благо церкви и Отечества. Монастыри эти были истинными хранителями апостольских и отеческих преданий. Вера подвижников Христовых была так же непоколебима, как и самые вековые столпостены основанных ими монастырей, незримо хранимых десницами Всевышнего против врагов Церкви, стремившихся обратить их в безобразные развалины, чтобы похоронить под ними и память о делах святых. Но вот эти монастыри: Андроников, Симонов, Высоцкий, Саввин, Ферапонтов и многие другие, над которыми пронеслись пять веков. Будучи основаны поистине слезами, пощением и молитвою, они составляют неотъемлемую славу Церкви Русской и служат по настоящее время наглядным памятником праотеческого благочестия. А как много совершалось под стенами этих священных обителей таких событий, которые имели немалое значение для судеб России? В дни печали монастыри эти в лице своих основателей сострадали вместе с многострадальной Россией и своими святыми молитвами умоляли Правосудного Бога и

низводили на нее благословение с неба. Князья, цари, бояре и народ, благоговей перед подвижниками, ущедряли обители их своими дарами; но во дни народных бедствий обители эти были бесплатными житницами для нуждающихся, — нищие духом подвижники отдавали нередко неимущему и последний кусок хлеба, и последнюю с себя одежду. Такие высокие идеалы христианского совершенства монашество представляло в XIV и XV веках. И в XVI веке монашество это было в цветущем состоянии: мир немало почерпал себе наставлений в строгой подвижнической жизни иноков и в их глубоко нравственных поучениях. Хотя ересь жидовствующих и немало потрясла Православную веру, но подвижники Христовы умели защитить веру отцов своих от всех нападений враждебного мира и вышли из этой опасной брани победителями. Наступил XVII век, в который правосудным небом определено было испытать России еще новые бедствия от нашествия литовцев и от крамол внутри ее, когда предстояла неминуемая опасность поколебаться всему Православию в России и ее общественному строю. Но в святой Лавре Сергиевой и в других монастырях воспитывались еще истинные подвижники Христовы и достойные сыны Отечества¹, которые не допустили восторжествовать самозванцам и спасли Россию, уже поколебавшуюся от страшных ударов судьбы. Когда мало-помалу рассеялись грозные тучи, висевшие над Россией в течение 10 лет, и улеглись страсти в народе, печаль-

¹ Св. Дионисий, архимандрит Троицкий, и Авраамий Палицын, пользовавшиеся всеобщим уважением, рассылали по всем концам России грамоты, в которых убеждали «постоять за благочестие и отечество крепко и мужественно». Дионисий и Авраамий объявили на лобном месте царем России Михаила Феодоровича и собирали «в Богоявленском, на Белом городе» верноподданические подписи. В почетном посольстве в Кострому для призвания царя на престол находился Авраамий. См. Историческое описание Троице-Сергиевой Лавры. Гл. 4. С. 93—114.

ную картину представляли тогда русские монастыри. Жадные к легкой наживе Сапега и Лисовский, подвигаясь к древней столице русской, не оставили в покое беззащитных монастырей, разграбили их сокровища, предали их пламени, и только о крепкие башни и бойницы Троицкой Лавры и Симонова монастыря разбивалась их сила. Немало погибло невинных жертв из монашествующих при этих печальных событиях и от рук поляков, и от повальных болезней; но более того иноки разошлись по уцелевшим монастырям. А когда в XIX веке стали поступать в монастыри изнеженные боярские дети и люди, вовсе не имевшие призвания к иноческой жизни, своим несдержанным поведением внесшие нестроение в монастыри и нанедавшие себе подражателей, то монашество стало ослабевать и числом подвижников и, в особенности духом иночества.

I

Монастыри в Москве и окрестностях ее, основанные учениками преп. Сергия

АНДРОНИКОВ МОНАСТЫРЬ

Один из достопримечательных московских монастырей из основанных учениками Сергия — монастырь Андроников. Благочестивый почитатель древностей при входе в Андронников монастырь переносится к временам отдаленным, полным чудотворений, временам святых мужей и беззаветной храбрости наших предков. Время это было, когда Россия, теснимая властью Золотой Орды, волнуемая усобицами князей, судьями которых были жестокие ханы, не знала другой отрады, кроме надежды на молитвы и труды своих святых; ими только и утешалась народная истома. Если посетитель подумает о первоначальном основании обители, то в его воображении нарисуеться величественный образ святителя Алексия, идущего с архиерейским жезлом окрестностями Москвы по направлению к живописным берегам реки Яузы. Здесь он останавливается и указывает сопровождающему его молодому иноку — Андронику — место для основания обители; к ним приближается благолепный старец в простой власянице и благословляет избранное место для обители: это Сергий. Затем в памяти его оживут москвитяне XIV века с их нравами, обычаями и верованиями. Здесь видит он Россию, измученную игом татарским и их частыми нашествиями, как наитием небесных испытаний, и здесь же потом видит Москву, празднующую победу

куликовскую, в присутствии св. Киприана, Андроника и увенчанного победными лаврами князя Дмитрия и его храбрых товарищей, изливающих благодарственные молитвы пред образом Всемилоственного Спаса в Его храме. Как бы отдаленное эхо слышатся еще под этими сводами слова приветственной речи Киприана: «Радуйся, Княже наш Великий Димитрие Иванович, преславный победителю! Владыко Господи Боже наш! Благодарение Тебе воздаю, яко не предал еси рабов Своих врагам нашим в покорение и не попустил еси порадоваться им о нас: не забуди нищих своих до конца!»² И много, много поучительного и дорогого русскому сердцу напоминает собою эта обитель!

Преподобный Андроник, основатель монастыря его имени, родился в Ростове от благородных родителей-христиан, где была родина и его великого наставника — преподобного Сергия. Еще юношей Андроник, презрев славу и богатство, пришел к преподобному в радонежские леса, много лет пробыл у него в совершенном послушании и, украшаясь более и более многоразличными добродетелями, приобрел особенную любовь к себе преподобного Сергия³. После многотрудных подвигов в пустыне Сергиевой в душе его водворилось пламенное желание устроить во славу Божию новую обитель и составить в ней общежитие. Никому не открывая сего священного помысла предчувствующей души, он возложил в этом случае всю надежду на Бога, и Господь исполнил пламенное желание пустынника, сделавшегося уже известным и вне пустыни⁴. Святитель Алексей пришел однаж-

² *Иванчин-Писарев*. Русский Синописис. Описание Андронникова монастыря. С. 72. Примечание 19.

³ Житие Сергия. 1646. С. 80 и *Филарет*, архиеп. Черниговский. Русские святые. Июнь.

⁴ *Архимандрит Сергий*. Описание Андронникова монастыря. С. 3.

ды к Сергию для обычного свидания. После продолжительной беседы с преподобным святитель открыл ему наконец тайну души своей. «Возлюбленный! Хочу просить у тебя одного благодеяния, которое, надеюсь, дарует мне духовная любовь твоя». «Мы все в твоей власти,—отвечал Сергей,— и ничто не возбранено святительству твоему в сей обители». «Хочу,— продолжал митрополит,— если Бог мне поможет, начать и устроить монастырь». Затем рассказал ему и об обстоятельстве, побуждавшем его к этому.

Это было в августе 1356 года. Одиноким корабль скользит по водам Босфора и направляется к северным берегам Черного моря. Но вот поднимается грозная буря на море. Волны как горы стремительно катятся по морской пучине, готовые поглотить ветхий корабль. Матросы, обессиленные от борьбы со стихиями, толпятся в беспорядке на палубе, трещавшей от ветра. Всеобщий страх! Но на корабле находился тот, кому Промыслом вверено было кормить православной земли русской: то был митрополит Алексей. Твердая вера его немало уже выдержала бурь духовных и возвела его на степень первого иерарха отечества нашего. Новые волнения в Церкви Русской заставили его путешествовать в Царьград к патриарху Каллисту. И укротив бурю, поднятую на Церковь Русскую, св. Алексей на обратном пути был сам застигнут бурей на море. Но твердая вера спасла его и в настоящую минуту испытаний. Среди всеобщего смятения он возносил свои молитвы к Сотворившему море и сушу и дал обет создать храм во имя того, кому церковь празднует в день, когда корабль благополучно достигнет пристани. Буря утихла. Ужас мореплавателей сменялся общей радостью. Вот уже виднеются и северные берега; святитель вступил на твердую землю. Это было 16 августа, когда

Церковь издавна празднует Нерукотворенному Образу Спаса. Чудное стечение событий! Самый Нерукотворенный Образ вез святитель из Царьграда, которым благословил его Каллист на митрополию русскую. Обрадованный этим знамением бодрствующего над ним Промыслителя, митрополит Алексей положил устроить обитель в Москве во имя Всемилоственного Спаса. Преп. Сергей одобрил благое намерение святителя. «Прошу, — заключил святитель, — твою любовь: дай мне любимого тобою и мне возжеленного ученика Андроника для устройства сего обетного монастыря». Но его, Андроника, Всемилоственный Спас уже ранее того избрал и предназначил быть краеугольным камнем сей обители тихого пристанища от бурь житейских. И Сергей охотно исполнил волю святителя. Св. Алексей избрал для обетного монастыря возвышенное место на берегу р. Яузы на восток от Москвы в 4 верстах от Кремля. В дни святителя это место, при благо-
растворении воздуха, отличалось красотой природы. Оно было окружено лесами и перелесками, среди которых катили свои светлые волны Яуза. Указав место Андронику для монастыря, святитель дал новому настоятелю средства к созданию церкви и монастыря. Когда создана была церковь и благолепно украшена соответственно святительской щедрости, тогда сам святитель освятил ее и поставил в ней Нерукотворенный Образ Спасителя, украшенный им золотом и бисером. Это было 1360 году⁵. В новой обители учреждено было общежитие. Взаимный труд, совокупная молитва и общая трапеза должны были постоянно поддерживать единение братии. Приходил и Сергей посмотреть на дело ученика своего, похвалил ме-

⁵ *Архимандрит Сергей*. Историческое описание Андроникова монастыря.

сто, занятое под монастырь, благословил его и в молитвенном духе воскликнул: «Господи! Призри с небеси и виждь и посети место сие, его же благоизволи создатися во славу Святаго Твоего имени». Затем, преподав благие советы настоятелю, удалился в свою Лавру⁶. Еще теперь стоит одинокая часовня невдалеке от монастыря по направлению нижегородской линии, построенная на месте прощальной беседы Сергия с Андроником.

Построенная на пути в Орду, обитель св. Андроника была последним местом горестного прощания с Москвой и местом духовного утешения князей, часто отправлявшихся к своим свирепым повелителям в улусы; она была и первым местом благодарения Господу благополучно возвращавшихся из опасных путешествий. Так вел. князь Димитрий Иоаннович, провожаемый митрополитом Алексием в Орду в 1371 году, заходил к Андроников помолиться Всемилоствому Спасу⁷. Через несколько лет обитель Андроникова встречала донского героя с его храбрыми товарищами.

Слава о новосозданной обители и настоятеле ее скоро разнеслась в отдаленные пределы земли русской. Преп. Андроник, при строгом постничестве, унаследовал от своего наставника кротость и глубокое смирение, — и эти качества вскоре привлекли к нему многих, жаждавших руководства в жизни духовной, которые и принимали здесь иночество. Духовная жизнь цвела в обители под надзором бдительного наставника: ученик Сергия пас стадо благоугодно. О нем свидетельствует Иосиф Волоколамский: «Святый Андроник, — говорит он, — сиял

⁶ Пахомий, писатель жития преп. Сергия. Троицкой обители дает название Лавры: следовательно, и тогда было уже распространено это название. В начале XV в. окончательно утвердилось за Троицкой обителью название Лавры.

⁷ *Филарет, архиеп. Черниговский*. Русские святые. Июнь.

великими добродетелями». Видя благодать Божию, почивающую на сем месте и умножение братии, преп. Андроник более и более усугублял подвиги свои в посте и молитве. Еще цел колодезь в 100 саженьях от обители, выкопанный трудами Андроника. Он помнил наставление Сергия никогда не оставаться в праздности. Среди утешений более внутренних, чем внешних, в непрестанном сокрушении сердечном, слезах и тяжелых испытаниях довольное число лет мудро управляя обителью, преп. Андроник предвидел исхождение свое от мира. Остаток дней своих он провел в совершенном безмолвии, подобно своему учителю, и предал праведный дух свой Богу 13 июня около 1395 года.

Под руководством преп. Андроника в его обители воспитались многие благоугодившие Богу св. мужи. Преп. Савва, ученик и преемник еще при жизни наставника, по свидетельству Пахомия Логофета, сиял великими добродетелями. «Сей преподобный отец наш, — говорит он, — содержал преданную ему паству в благочестии, чистоте и великой святости, был почитаем от великодержавных князей и во всех странах, по причине великих его добродетелей и чудной и изрядной его жизни». Преп. Савва так был предан своему наставнику, что открывал пред ним и самые помыслы своей непорочной души, и достиг наконец совершенного бесстрастия; он не разлучался с Андроником ни днем, ни ночью, разделяя с ним всеобщные стояния и дневные труды. Мало того, провожая в вечность преподобного своего учителя, Савва заповедал братии похоронить его в одной могиле с ним. При игуменстве св. Саввы умножилось стадо добродетельных, великих и честных мужей, из которых многие возведены были на игуменские места, а другие на епископские. Отсюда видно, что обитель не уступала уже в

добродетелях и духовном просвещении древним обителям. Ко временам игуменства Саввы относится достопримечательный памятник ревности собирания и переписывания творений отеческих. Это сборник Святославов, составленный монахом Андроникова монастыря Анфимом и содержащий в себе сбор святоотеческих толкований «о неразумных словесех в Евангелии и в Апостол и в иных книгах вкратце сложено». Кончина преп. Саввы последовала в 1420 году. Обретенные впоследствии святые мощи его были положены в одной раке с нетленными мощами наставника его Андроника. Итак, пребыли они неразлучными на земле, как неразлучны теперь и на небе в вечных обителях. Что может быть умильнее такой связи в этом клубе праха, в этом жилище неправды и тщеты мятежной! Некто, стоя у раки святых сих подвижников и размышляя о суете мира, восклицал: «Сюда, мудрые века! Если хотите коснуться совершенства: смиренные духом, сложите здесь свои недоумения, свои розыски, свои порывы к сокровенному, исполнитесь кротости этих почивших, и пример смирennemудрия упразднит вас; и вы уже не будете прельщать себя и других философиею и тщетною лестию. Спешите в искренних беседах сообщать друг другу, как некогда Андроник Савве, те ясные истины, который откроет вам Отец Светов, при всей их поучительной простоте».

Андроников монастырь, будучи рассадником благочестия и подвижнической жизни, был и школой небывалого в те времена и неподражаемого искусства живописания. Первоначальниками этого знаменитого искусства в России были иеромонахи Андроникова монастыря Даниил Черный и Андрей Рублев. Получив предварительные уроки от греческих иконописцев, Даниил и Андрей возненавидели мир и одновременно поступили в Андрони-

ков монастырь еще при жизни основателя его. Они отличались такою ревностю к посту и иноческим подвигам, что удостоились божественной благодати: они столь возвысились в святой любви, что не занимались земным, но всегда ум и мысли свои возносили к невещественному и божественному свету, а чувственное око всегда возводили к написанным вещественными красками ликам Владыки Христа, Пречистой Его Матери и всех святых. В самый праздник Светлого Воскресения Христова, сидя на скамьях и имея пред собою честные иконы, смотрели они на них неуклонно и исполнялись святою радостью и светом. Так поступали они и в другое время, когда не занимались писанием икон. Первый их богоугодный труд — расписанный ими храм Благовещенский в Кремле, по повелению вел. князя Василия Дмитриевича в 1405 г.; в 1408 г. они расписали собор во Владимире. Последние труды их посвящены были обителям преп. Сергия и Андроника. Ревностный почитатель памяти преп. Сергия, Никон вскоре после Едигеева разорения начал строить и успешно построил величественный собор из белого камня в прославление имени великого Сергия. Этот храм и был расписан нашими знаменитыми живописцами — Даниилом и Андреем и долгое время потом приводил в неописанный восторг зрителей — своим внутренним благолепием. Из Лавры благоговейные художники поспешили в свою обитель и расписали построенный тщанием игумена Александра храм Всемилоستивому Спасу⁸. Стоя на возвышенном месте в отдалении от Москвы, храм этот, построенный весь из белого камня (каменные храмы в то время считались событиями великой важности), невольно останавливал на себе взоры москвичей и звал к себе

⁸ Житие Сергия. 1646. С. 82.

усердных богомольцев. Вскоре затем Господь за благоговейное украшение св. храмов воззвал Даниила и Андрея созерцать славу небесных обителей и лики святых. Блаженный Андрей предварил своею кончиною Даниила. Незадолго до своей кончины Даниил видел Андрея с радостным и сияющим ликом, который звал своего подвижника на небо. В некоторых древних месяцесловах Даниил и Андрей названы святыми. Под руководством их обучены живописному искусству многие иноки; из них более известен Игнатий, подвизавшийся в Симонове монастыре, о котором летописец говорит: «Не дадуще никому безчинию бывать в монастыре, ни самому архимандриту не попускаху. Все они с трепетом благоговения налагали кисть на доску, и продолжали с молитвою и постом, употребляя в пищу по одной просфоре: работа была для них поклонением». Сколь долго процветало в Андроникове живописное искусство — неизвестно. Но в XVI в. иконы Даниила и Андрея, слывшие рублевыми, почитались редкими и драгоценными, а утрата их — незаменимой потерей⁹.

В обители Андроника принял иноческий образ и подвизался св. Варсонофий, впоследствии епископ Тверской¹⁰. Варсонофий родился в г. Серпухове от иерея Василия и в св. крещении наречен Василием. По достиже-

⁹ *Снегирев*. Древности Государства Российского. С. 29.

¹⁰ Кроме Варсонофия, 9 настоятелей Андроникова монастыря, отличавшихся благочестивою жизнью и духовным просвещением, удостоены епископского сана: Митрофан из архимандритов Андроникова монастыря был рукоположен во епископа Коломенского; Симеон — во епископа Суздальского; Сергей — во епископа Рязанского; Симеон Милуков — в архиепископа Смоленского; Никифор — митрополита Астраханского; Авраамий III — митрополита Белгородского; Авраамий IV — митрополита Рязанского; Иосиф III — епископа Воронежского и Сильвестр — Страгородского.

нии им 7-летнего возраста отец отдал его благоговейному учителю для обучения грамоте. Отрок Василий одарен был от природы отличными способностями, потому скоро он уже знал наизусть Псалтирь, которая, по словам св. Василия, содержит в себе все полезное; он научился и церковному пению, так что мог управлять другими. Когда в 1512 г. сыновья хана Менгли-Гирея опустошили берега р. Оки, то между многими пленными захватили и Василия. Горько было положение пленника; но слезы, какие проливал он в тяжком плену, были облегчением для него. Зная на память псалмы Давида, он взывал к Богу отцов своих: «Отец мой еси Ты, Бог мой и Заступник, избави мя от руки чуждых». Молитва и богомыслие не только облегчали скорбь его, но доставляли сердцу его такое утешение, какого не чувствовал он в доме родительском. В нем росла любовь к Богу, а с нею и преданность воле Его. В таком расположении души пленник работал неверным со всем усердием и обучался послушанию безответному, терпению и незлобию. Пост, сначала невольный, обратился в дело воли его. Тяжкие работы невольника занимали у него все время дня, а ночь посвящал он молитве, ставшей потребностью души его. Всегдашняя готовность к услугам, верность и жизнь чистая смягчили сердце варваров и послужили к тому, что дана была ему некоторая свобода. Василий употребил в пользу эту свободу: он изучил язык татарский и основания магометанской веры, так что мог свободно разговаривать с татарами об ошибках и заблуждениях их веры. Спустя три года плена отец Василия нашел средства выкупить его из неволи. Василий возвратился на родину: но сердце его уже не могло увлечься земными радостями. Недолго оставаясь в доме родителей, он пришел в Андроников монастырь и принял здесь пострижение с именем Варсонофия. Пребывая здесь

постоянно в подвигах самоотвержения, в посте и всенощных стояниях, инок Варсонофий вскоре привлек к себе общее внимание и уважение, которого он всячески старался избежать, и заключался на продолжительное время в уединенной келии. Но о нем узнал митрополит Макарий и в 1544 г. посвятил его в игумена Пешношской обители¹¹. По открытии в Казани архиерейской кафедры Варсонофий, как опытный наставник иночества и знаток татарского языка, был отправлен в Казань в сане архимандрита для устройства монастыря и для просвещения татар. В новом общежительном Спасском монастыре был посеян дух искреннего благочестия: обитель эта под руководством архимандрита Варсонофия скоро процвела, так что в ней в самом начале ее существования было уже 100 братий. Образцом для всего иночества и мирян был блаж. Варсонофий. Рукодельем его было шить греческие клобуки, которые раздавал он братии, прося молитв их за него. Таково было смирение настоятеля! По воле Гурия Казанского Варсонофий вступил на поприще апостольской проповеди непросвещенным татарам. Глубокое знание слова Божия и серьезное знакомство с Магометовым учением послужили тому, что его проповеди были неопровержимы и вели к несомненному успеху. Искусством врачевания больных немздоимно, он приобрел полное доверие и уважение не только больных, но и здоровых татар. По смерти Тверского епископа Акакия, св. Филипп рукоположил Варсонофия во епископа Тверского. И в сане епископа Варсонофий вел жизнь подвижническую и по-прежнему продолжал врачевать больных, а еще усерднее старался врачевать болезни души — страсти. Достиг-

¹¹ *Калайдович К. Ф.* Историческое и топографическое описание Пешношского монастыря. 1837. С. 38, 39 и 92.

нув глубокой старости, Варсонофий отказался от управления паствой и возвратился в свой Казанский монастырь. Когда от дряхлости не мог он ходить в церковь, по его просьбе ученики возили его на тележке к богослужению. Так любил он молитву и славословие храма! Св. Варсонофий скончался на 86 году жизни в 1576 году.

СИМОНОВ

На юг от Москвы, в 10 верстах от Кремля¹² стоит другой блюститель Православия древней Москвы — монастырь Симонов, славившийся издревле благочестием подвижников, бывший воспитателем великих иерархов Церкви Московской, который, по выражению летописцев, был неоднократно щитом Москвы против врагов. Основателем Симонова монастыря был Феодор, родной племянник преп. Сергия. Стефан, брат Сергия, пожив немного в супружестве, овдовел и принял иночество в Хотьковом монастыре, а потом удалился в Москву в Богоявленский монастырь. Младший сын его Иоанн был обучен грамоте и пожелал жить под надзором дяди своего, преп. Сергия. Ему было 12 лет, когда отец привел его в пустыню Сергия и в храме передал его на попечение игумена. Сергей тогда же 20 апреля¹³ постриг его в монашество с именем Феодора. Под надзором Сергия юный инок возрастал в чистоте и святости, недоступный для дуновений грешного мира. Он так воспитан был Сергием, что в душе его не было ничего сокровенного для его наставника: он откры-

¹² Карамзин Н. М. История государства Российского. Примечание к т. V.

¹³ Житие Сергия. 1646 и Филарет, архиеп. Черниговский. Русские святые. Ноябрь.

вал ему все помыслы и днем и ночью. Современники его дивились его равноангельскому житию, и он был удостоен сана священника. Феодор настолько возвысился в жизни духовной, что когда совершал литургию с преп. Сергием, чистые сердцем видели сослужившего им ангела. Через некоторое время в душе его явилось желание основать обитель и в ней учредить общежитие. Он открыл это желание преп. Сергию, и потом напоминал ему о не оставлявшем его помысле. Преподобный сказал ему однажды, что желал было иметь его преемником своим в обители Св. Троицы; но считая твердый помысел его делом Божиим, наконец благословил его избрать место для особой обители. Феодор с некоторыми другими, которых отпустил с ним Сергей, после продолжительных странствований остановился на возвышенном и густолесистом берегу р. Москвы и, поставив скоро хижины, стал подвизаться со своими спутниками. Приступая к построению церкви, Феодор испросил на то благословение митрополита Алексия и соизволение вел. князя Димитрия¹⁴. Между тем и преп. Сергей, узнав о месте пребывания Феодора, пришел к нему и благословил это место. Церковь построена была в 1370 г. во имя Рождества Пресв. Богородицы, и в обители учреждено общежитие. «И тако на том месте благодатию Христоваго устроен бысть монастырь славен, иже и до ныне от всех зрится и почитается»¹⁵. С самого начала существования обители привлекала в нее слава великих подвигов Феодора, который, как сосуд прекрасно устроенный зиждущим духом Сергия, сиял, по выражению летописи, добродетелью, премудростью и рассудительным смыслом и притом привлекательною

¹⁴ Историческое описание Симонова монастыря Пассек, Епар. б.

¹⁵ Никоновская летопись. XVI. С. 121 и *Карамзин*. Примечание к т. V. С. 122.

наружностью, высоким ростом и красотой лица¹⁶. Известность его выросла до того, что св. Сергей скорбел из-за нее и молился, чтобы он совершил непреткновенно служение свое. Скорбел немало и Феодор, что обитель его оказалась близ большой дороги в Москву, от которой немало прибавлялось шума для него и тревоги от посетителей. Уклоняясь от молвы людской, Феодор оставил свою обитель и поселился в другом сокровенном месте в лесу. Здесь поставил он между высоких деревьев малую и незаметную келию, в которой и стал продолжать свои неослабные подвиги: совершенное безмолвие, богомыслие, изучение Священного Писания и канонов церковных, продолжительный пост, всенощные славословия Бога, — вот в чем стала протекать жизнь подвижника в новой келии. Но ученики его не могли жить в разлуке с ним, и все пришли к нему. Тогда Феодор, видя, что не суждено ему жить в безмолвии, поставил здесь храм Успения Богоматери и келии для братии, а строгое общежитие поставлено непрменным уставом для обители: старая же Симонова осталась усыпальницею иноков, где скоро нашли вечный покой два схимника Троицкой обители — витязи, Пересвет и Осляб. Преп. Сергей и теперь желал, чтобы Феодор пребывал в безмолвной молитв и уединении; но уступил желанию вел. князя и св. Алексия: последний посвятил его в игумена, а вел. князь назначил его своим духовником.

Великий подвижник и наставник монашества, преп. Сергей любил Феодора за чистую и добродетельную жизнь и часто посещал его обитель как родственную Радонежской. Здесь останавливался он в нарочно устроенной для него келии, где свободно и пламенно предавался

¹⁶ *Филарет, архиеп. Черниговский*. Ноябрь.

молитве за преуспевание своего ученика. Он вместе с братией возделывал здесь землю для огородов, насаждал деревья, копал пруды и колодцы. И теперь еще существуют плоды его трудов: недалеко от монастыря находится довольно глубокий пруд, который и доныне называется Сергиевым.

Великий князь Димитрий, поверяя Феодору тайны души своей, имел его и лицом доверенным в важных делах церковных. Так, в 1382 г. Димитрий Иоаннович посылал его в Киев к оскорбленному митрополиту Киприану, примирить его с ним и пригласить на Московскую кафедру. В 1383 году Феодор отправлен был в Константинополь с поручением к патриарху Нилу, для упрочения власти нового митрополита Российского. Патриарх, беседуя с Феодором, весьма полюбил его за красноречие и светлый ум, посвятил его в архимандрита, а монастырь его возвел на степень ставропигиального¹⁷. В 1388 г. Феодор снова отправился в Царьград вместе с митрополитом Киприаном для обличения на соборе Пимена, возмущавшего духовенство против Киприана и хлопотавшего в Царьграде о получении власти митрополита всея России¹⁸. Поручение это было тяжелое и требовало со стороны Феодора немалых усилий и твердости духа. Обличив на соборе Пимена и укротив бурю, воздвигнутую против митрополита русского, Феодор этим стяжал такую любовь от великого князя, что тот ходатайствовал перед собором о рукоположении Феодора во епископа. И Феодор был рукоположен во епископа Ростовского. Памятником отеческого попечения о пастве Ростовского архиепископа Феодора является Рождественский девичий мо-

¹⁷ Карамзин Н. М., История государства Российского. Т. V. Прим. 122.

¹⁸ Иннокентий (Смирнов), преосв. Начертание церковной истории. С. 292; Филарет, архиеп. Черниговский. Ноябрь.

настырь в Ростове, основанный его тщанием¹⁹. Св. Феодор скончался в 1394 г. ноября 28 дня. Нетленные мощи его открыто почивают в Успенском Ростовском соборе. Духовная жизнь цвела в Симоновом монастыре под надзором и руководством св. Феодора и часто посещавшего его преп. Сергия. Князья и бояре часто бывали в этом монастыре и находили отраду и утешение в мудрых наставлениях основателя его, поучаясь смирению Кирилла и Ферапонта, учеников Феодора и Сергия.

Достойным преемником св. Феодора был преп. Кирилл, избранный против его желания настоятелем Симонова монастыря и отличавшийся таким смирением и подвижнической жизнью, что приводил нередко в смущение братию и был особенно любим преп. Сергием. Недолго, впрочем, оставался Кирилл настоятелем Симонова монастыря: предпочитая безмолвие всем почестям и молве житейской, он тайно скрылся из монастыря и поселился в лесах, окружавших Белое Озеро²⁰.

Многие затем из преемников св. Феодора, отличаясь строгой подвижнической жизнью, духовным просвещением и пользуясь всеобщим уважением, были возведены на епископские кафедры и почитаются великими иерархами Российской Церкви. Так, третий архимандрит Симонова монастыря Сергей (Азаков) в 1423 г. был рукоположен во епископа Рязанского; Иларион был епископом Коломенским; Нифонт — епископом Суздальским; Зосима Брадатый в 1490 г. был возведен на митрополию Всероссийскую. Вассиан, брат Иосифа Волоколамского, рукоположен в архиепископа Ярославского. Иов в 1589 году первый возведен на патриаршую кафедру. Иосиф по

¹⁹ Памятник веры. 1832. С. 108; *Амвросий (Орнатский)*. История российской иерархии. Т. V. С. 700.

²⁰ См. далее главу о белозерских монастырях.

жребию был избран патриархом Всероссийским. Левкий рукоположен во епископа Псковского. Мисаил был епископом Коломенским. Варсонофий Еропкин произведен в митрополита Крутицкого. Рафаил Краснопольский был архиепископом Архангелогородским. Дорофей Кроткевич — Смоленским митрополитом. Амвросий Юскевич — архиепископом Новгородским. Лука Конашевич — епископом в Казани. Павел Пономарев — архиепископом в Ярославле ²¹.

Здесь же стяжал смирение высокое и нищету богатую и послушник Иона — впоследствии митрополит Московский. Однажды послушник Иона спал на полу в пекарне, утомленный продолжительным и тяжким трудом. В это время взошел в пекарню святитель Фотий. «Виде сего блаженнаго Иону, — повествует летописец, — уснувши от великаго воздержания и от прилежнаго труда, и десную свою руку на главе своей держаше согбену, яко благословляше ею. И пророчествова о нем глаголаше: Разумейте, о чада! Яко инок сей Иона будет велик Святитель во странах Русския земли, и многи от неверных обратит к Богу, и просветит Святым крещением, и в разум истинный приведет; наипаче же и сему царствующему граду Москве и прочим градовом многим истинный пастырь и учитель будет. Еже и бысть»... ²²

Но обратимся и к событиям древней Руси, в которых Симонов монастырь принимал живое участие и был щитом для Москвы.

Находясь в ближайших окрестностях Москвы, Симонов монастырь разделял с нею и судьбы ее: вместе рато-

²¹ Список архимандритов Симонова монастыря в Истории российской иерархии — неполный. Полный хранится в монастыре, пополненный на основании дарственных грамот.

²² Степенная книга. Ч. II. С. 69—71.

вал против врагов отечества, вместе страдал и бывал убежищем для ее изгнанных жителей. «Часто прихожу, — писал Карамзин, — на то место, на котором возвышаются мрачные готические башни Симонова монастыря, и почти всегда встречаю там весну; туда же прихожу и в мрачные дни осени, горевать вместе с природою. Страшно воют ветры в стенах опустевшего монастыря²³, между гробов, заросших высокою травою и в темных переходах келий: там опершись на развалины надгробных камней, внимаю глухому стону времен, бездною минувшего поглощенных, стону, от которого сердце мое содрогается и трепещет. Иногда вхожу в келии и представляю себе тех, которые в них жили».

Когда крымский хан в 1591 г. вторгся со своими полчищами в пределы России и быстро приближался к Москве, то Борис Годунов обратил в крепость Симонов монастырь и окружил его бойницами. Едва показалась неприятельская конница от села Коломенского, как загремели все бойницы монастырские, и началось кровопролитное сражение. Целую ночь, с колокольни, стен и башен сыпались непрерывными потоками на неприятеля губительные снаряды, и к утру хан со стыдом бежал от Москвы²⁴.

В 1606 г. восстановитель державы уже убитого Лжедмитрия, бунтовщик Болотников, разорив многие города, приступил осенью к Симонову монастырю, надеясь овладеть им и обратить его в безопасный стан. Но был встречен убийственным огнем с монастырских стен, и,

²³ В таком печальном положении Симонов оказался после 1771 года, без настоятеля и монашествующих, когда свирепствовала в Москве моровая язва, от которой люди гибли тысячами. Настоятель и братия были переведены в Новоспасский монастырь, но там все и погибли. Симонов же обращен был в карантин для больных. Описание Новоспасского монастыря. 1821. С. 58.

²⁴ Карамзин Н. М. История. Т. X.

удивленный неустрашимостью и самоотвержением иноков и ратных людей, поспешил к своим единомышленникам — полякам²⁵.

В 1611 году жители Москвы, гонимые пламенем и поляками, прибежали в Симонов и нашли в нем безопасное убежище, где были окружены отеческим попечением иноков. В продолжение междоусобицы Симонов монастырь неослабно боролся с врагами отечества за древнюю святыню и несчастных чад Москвы²⁶.

В течение более четырех веков своего существования Симонов монастырь, прославляясь подвигами духовными обитателей своих, служа Церкви Российской воспитанием великих ее иерархов и спасая неоднократно Москву от врагов, в 1812 году сам принес себя в жертву неистовства французов. Обессиленный от борьбы с многочисленными врагами, Симонов монастырь, лишившись всех своих обитателей, которые частью погибли от меча, частью разбежались кто куда мог, был разграблен врагами, поруган и предан наконец огню. Последний пример христианского терпения и самоотвержения Симонов видел в своем наместнике — благоговейном иеромонахе Иосифе, который несколько дней претерпевал страшные мучения варваров, стоя на коленях в соборе пред царскими вратами под обнаженными мечами, готовыми спуститься на его выю, и не открыл врагам, где зарыты сокровища монастырские, исполняя повеление архимандрита Герасима²⁷.

Такова была внутренняя жизнь подвижников Симонова монастыря и таковы его заслуги перед Церковью и Отечеством.

²⁵ Карамзин Н. М. История. Т. XII.

²⁶ Там же.

²⁷ Подробное и интересное описание сих событий смотрите в историческом описании Симонова монастыря. Пассек. 1843. С. 19—25.

Устав общежительный в Симоновом монастыре. — Св. Феодор не оставил никакого устава или письменного руководства для братии. В то время он был и не нужен: братия руководствовались примером и живым словом своего наставника. С течением времени стали уже вырабатываться положительные правила для иноков, и в 1685 году 11 августа архимандритом Симоновским Гавриилом Домецким дан был для руководства и неперменного исполнения братии общежительный устав, носящий название «Киновион, или изображение евангельского иноческого общего жития, от Святых отец вкратце собранное». Киновион этот рукописный, разделен на главы — по роду должностей, весьма назидательный по духу содержания, который вкратце и помещается в сем сочинении:

1. Наместник: а) должен рачительно наблюдать, дабы ко всем церковным службам вся братия, кроме занятых отвлеченными послушаниями или не могущих ходить за болезнями, спешили приходить к началу, и с благоговейным вниманием слушали и отправляли всякую службу.

Манатейные в мантиях, рясофорные в рясах, послушники в приличном им одеянии стояли бы на своих местах, а клирошане на клиросах, во всем сохраняя благочиние. Буде же кто, долженствующий быть на службе, не пришел к оной, за таковым посылать, и самому лично узнавать причину не бытия его. Ленивым и приносящим соблазн делать увещания, и даже штрафовать таковых; а в случай неисpravления доносить о таковых настоятелю.

б) Служение молебнов соборных и простых панихид было бы во всякое время отправляемо по надлежащему, безостановочно, и с усердием, к удовольствию богомольцев, без всякого личного получения за то награды, но все получаемое за службы было бы обращено в пользу монастыря.

в) Строго наблюдать, дабы никто из священнослужителей Симонова монастыря, ни под каким видом и предлогом, не исповедывал мирских людей, ни мужского, ни женского пола, ниже монахинь и послушниц, под опасением за нарушение сего устава высылки из обители.

г) В братской трапезе, кухне, кладовых и погребах наблюдалась бы чистота, опрятность и во всем бережливость; все бы братия приходили в общую трапезу в приличном одеянии, и в оной сидели благочинно в совершенном молчании, питающе дух свой втайне молитвою, ум слушанием чтения, а тело с благодарением предлагаемыми брашнами.

д) Не позволять своевольно брать без благословной вины братскую пищу по келиям, а кольми паче не угощать оною приходящих без благословения настоятельского, в отвращение от сего могущих быть беспорядков. Никто также не должен из братии никого из посторонних вводить с собою в трапезу для вкушения без ведома Настоятеля или Наместника.

е) Как Наместник, так и другие из братий не должны без воли Настоятеля сами от себя подносить образов, или тому подобного, благотворителям обители, поелику чрез сие нарушается порядок общежительного монастыря к ущербу оного.

ж) Дабы никто из братии без благословения Настоятельского не позволял у себя в кельи никому иметь ночлега; зазорных же лиц отнюдь не принимать. Поздно вечером не сходились бы один к другому для праздных бесед; в кельях наблюдалась бы чистота и опрятность, для чего Наместник обязан часто обозревать братские кельи.

з) Советывать и воздерживать кого следует из братии, дабы без крайней нужды не отлучались из монастыря в город или ближние мирские дома; при необходимой

же надобности каждая отлучка в помянутые места должна быть с ведома и дозволения Настоятеля или Наместника.

и) Иметь бдительное смотрение за точным исполнением правил, предписанных монашествующим, дабы братия в образе жизни соответствовали званию своему; в одежде наблюдали благоприличие, сообразное общежительным, и отнюдь не носили бы подрясников шелковых или цветных; но как ряски, так и подрясники были бы черного цвета простых или суконных материй. Словом, вели бы себя мирно, честно, трезвенно, наблюдая во всем монашеское смиренномудрие; хранили бы между собою мир и любовь, оказывали, кому следует, должное повиновение и чествование и всемерно удалялись праздности, своеволия и тому подобного; в чем служить самому Наместнику примером. Нарушающих же вышесказанные обязанности вразумлять, обличать и с благословения Настоятеля штрафовать как следует, ко исправлению.

і) Наместник ежедневно должен доносить Настоятелю о благосостоянии обители, и вообще о всем нужном. За неослабное исполнение вышесказанных обязанностей Наместник может твердо надеяться получить достойную награду от Господа и справедливую признательность за понесенные труды для пользы обители от Начальника.

2. Казначей: а) Должен добрым поведением, покорностью и усердием к Настоятелю подавать пример братии.

б) Монастырскую денежную сумму хранить, как следует, за печатью в церкви или ризнице, равно и в кельи порученную ему на расход от Настоятеля; получать за монастырские угодья по контрактам с наемщиков договорную сумму и прочие денежные, монастырю следуемые, суммы, в свое время, и оные немедленно записывать

в книгу прихода, которую ежемесячно вносить для поверки к Настоятелю за общим старшей братии подписью.

в) С дозволения Настоятеля считать, по окончании каждого месяца, совокупно с старшею братиею церковные сборные кружки и свечную денежную выручку и потом с Наместником прилагать печати к кружкам.

г) По воле Настоятеля выдавать на покупку для братии и монастыря всякого рода нужных вещей, деньги посылаемым для того, или оные вещи сам Казначей покупает; раздавать также по узаконенному порядку братии и штатным служителям жалованные деньги, и положенные на платье и проч. с надлежащими расписками.

д) Располагается штатными служителями, дабы они не были праздны и исполняли рачительно свои обязанности. Смотрит со всею строгостью за поведением их; заготавливает в свое время ведомости об них и взыскивает за всякое упущение.

е) В монастырских постройках вспомоществует Настоятелю; смотрит за рабочими, дабы они работы производили прочно и с бережливостью материалов; ведет записку поденщикам и о чем нужно доносить Настоятелю.

ж) Наблюдает, чтобы как внутри монастыря, так и вне оного, была чистота, опрятность и устройство... Топление печей по всем местам монастыря было бы в утреннее или полуденное время, а не после вечерни... При всяком случае подтверждает всем и каждому из братии и служителей, чтобы всемирно предостерегались от огня и пожара.

з) Как сам Казначей без ведома Настоятеля не отлучается из монастыря и не берет экипажа, так и никому без воли его не дает лошадей и экипажа. Подтверждает кому следует о бережливости оных, во исполнение сказанного в псалме: Блажен человек и скот милующий.

и) В особенности наблюдает, дабы чередные штатно служители или дневальные сами по себе отнюдь не отлучались из монастыря; поверяет ночную стражу, запорку монастырских ворот и проч. с должною взыскательностью и о всем не опустительно ежедневно доносить Настоятелю. Смотрит, дабы ни в чем по экономической части не было злоупотреблений и соблазнов. Исполняя таким образом все послушание с любовью и усердием в разуме духовном, несомненно получит награду от Бога и признательность начальника.

3. Ризничий: а) В надлежащих местах хранит ризничные вещи, церковную утварь, книги, монастырские планы и все прочее, порученное ему по описи и сверх оной, во всей целости, чистоте и опрятности.

б) Смотрит за пономарями, которые должны оказывать ему надлежащее повиновение и послушание, чтобы они соблюдали во всех церквах обители чистоту и опрятность, обметали пыль, паутину и т. п.; подтверждает, чтобы они чистили по временам лампады, паникадила, подсвечники и другие церковные вещи.

в) Внушает пономарям о зажигании и тушении, по уставу церковному, свеч, совокупно с ними трудится о украшении в праздничные дни местных икон, св. алтаря и престола, паникадил и прочего; выкладывает для священнослужителей из ризницы одежды; распоряжается чередными служениями, по достоянию каждого к общей пользе; смотрит, чтобы готовы были к служению просфоры, вино, свечи, ладан и все благопотребное. Когда служит настоятель, тогда с вечера получает от него разрешение, кому именно с ним соборне служить, и какие именно готовить для служения облачения.

2. Твердо хранит церковные и ризничные ключи, и бдительно поверяет запорку оных, дабы от небрежного и

неполного заключения дверей или от неуборки вещей не произошло какого похищения; смотрит, дабы горели неугасимые лампы, и чтобы по неосторожности не забыта была кем-либо в церкви горящая свеча, от коей не случилось бы пожара, за что, равно и за похищение, ризничий первый делается ответчиком.

д) Ризничий не допускает неосвященными руками прикасаться к священным вещам св. жертвенника и возбраняет, кому следует, вход в алтарь. В соборных служениях, а особенно во время настоятельского, наблюдает, чтобы все было предусмотрено заблаговременно относительно привилегий и сослужителей, чинно и в порядке, во славу Божию, — и Господь правды не лишит его за усердные труды награды по достоянию.

4. Уставщик с великим усердием должен наблюдать, дабы чтение и пение производилось в святом храме по чиноположению церковному и по установленному в обители порядку, неторопливо, без малейшего опущения и остановки, и в чем нужно принимает разрешение от настоятеля.

5. Головщик: а) должен наблюдать, чтобы клирошане или певчие непременно приходили к началу пения; каждый стоял бы благочинно на своем месте по пению, и без ведома его с клироса не отлучались; праздно один с другим не разговаривали и ни в чем не подавали ни малейшего соблазна предстоящим; пели бы не леностно, скромно, сообразно монашескому смирению, один другого не опереживая, и оканчивали пение тихо и ровно. Для улучшения же пения головщик должен в неделю два или три раза назначать клирошанам часы для спевания, в чем они обязаны ему с усердием повиноваться; как о сем и св. Феодор Студийский в одном из огласительных поучений подтверждает.

б) Назначает способных и даровитых читать всedневные псалмы и седмичное чтение Псалтири по очереди. В братской трапезе, как за обедом, так и за ужином, чтение совершается по очереди, за чем имеет надзор, подтверждая всем о безостановочном отправлении каждой чреды.

в) Шестопсалмие на утрени во всякое время, а особенно в дни праздничные, если не будет читать настоятель, то непременно должен читать оное кто-либо из старшей братии в мантии, а никак не послушник, как о сем и в уставе сказано.

г) Молебны и панихиды, исключая соборной, по распоряжению головщика, должны отправлять клирошане левого клироса.

д) В значительные праздничные дни и во время многолюдных собраний богомольцев головщик имеет волю, для общей пользы, заменять чередных даровитыми чтецами и певцами; за всякое опущение делает выговоры, а в случае ослушания, доносит настоятелю. Исполняющий рачительно сии обязанности, а также поющие и чтущии со вниманием и смирением, творят дело Богоугодное. Свв. Ефрем Сирин и Феодор Студит именуют оных служащих к душевному назиданию слушателей, первым украшением церкви, за что и обнадеживают их сугубым получением милостей Господних.

б) Келарь: а) заведует всякого рода провизиею для братской трапезы.

б) Под келарским присмотром находятся трапезный, повара и хлебопекари, коим он внушает о бережливости, чистоте и опрятности по всем частям, как в трапезе, так и в кухне.

в) Келарь наблюдает, чтобы еженедельно все в кухне, трапезе и кладовых было окроплено священнослужите-

лем с благоговением, согласно монастырскому уставу, святою водою.

г) Всемерно наблюдает, дабы не только во время трапезования братского, но и во всякое время не было в кухне и трапезе ни малейшего бесчиния или праздных бесед. Если же окажутся празднословащие, то таковых с надлежющей строгостью высылать из кухни в свои кельи.

д) Отнюдь не отпускает братской пищи требующим оной в келью единственно по своим прихотям, а не по болезни, и напоминает им, чтобы они ходили в свое время за общую трапезу. Строго наблюдает, чтобы ни малейшего не было в пище и хлебе злоупотребления и никакой непозволенной растраты, служащей к соблазну братии.

7) Пономари: а) услышавши повестку, немедленно должны отпирать Святый храм, и тотчас в благопотребных местах пред Св. образами зажигать свечи.

б) Святой алтарь и всю церковь содержать в особенной чистоте и опрятности; мести оные два и три раза в неделю со всею тщательностью, стирать всюду пыль, чистить подсвечники, лампы и др.

в) Должны паче всего хранить совесть, и помнить, что находятся во святилище близ жертвенника и престола Божия; священнослужителям и богомольцам оказывать по должности своей всевозможное усердие. Св. Феодор Студийский поучает: «Ты же, о кандилонжигателю, со страхом и прилежанием многим служи во служении твоём, еже тебе дадеса, и божественно ешь; храни просвещение храма, аки очеса твоя; ибо освещение сие пред царем земным велие рассуждение имеет, да угодит ему; кольми паче ты, о чадое мое! да угодиши всех Царю и Богу, поклоняемому и славимому от всех тварей, должен еси со страхом и любовию очищать свещи, и срывать на-

горение оных, да даши им умерен свет: светильню устрой посреди кандила, да не треснет оно; церковь мети дважды в седмицу всегда, храня живопись от пыли. Внимай убо да не сокрушится что церковное. Верен пребуди во всем, а Господь воздаст ти многим воздаянием».

8) Вообще все монашествующие: а) всегдашнюю Иисусовую молитвою должны охранять ум от лукавых помыслов и сердце от злых похотей и возношения.

д) Любить келейное безмолвие; взор удалять от мирских прелестей, слух от суетных и смехотворных, а наипаче злословных бесед на ближнего.

в) Паче всего иметь послушание предпочтительно к Настоятелю и оказывать ему и вообще всей братии знаки любви в простоте сердца; хранить язык и мысли от осуждения и ропота.

г) Удаляться от праздности, сластолюбия, пьянства и обращения с женами, как пагубнейшими причинами всех лютых зол и падений монашеских.

д) Паче всего иметь смирение и кротость духа, бескорыстие и вольную нищету, совершенную трезвость и всегдашнее сожаление и раскаяние о грехах своих; хранить чистоту и незазорную совесть к Богу, людям и к вещам по употреблению их; иметь со всеми о Господе мир и братолюбие и во всем препоручать себя Богу.

е) Схимники преимущественно во всем вышеописанном должны быть примером братии; ревностнее должны прилежать к молитве и особенно безмолвно, удаляться от мира и суеты и отнюдь не отлучаться в мирские дома, оставляя келию свою к соблазну многих, слово гнило, хульно и ропотно никогда же да не исходит из уст их. Всегдашнее богомыслие, совершенная нищета, уединение, покорность к Настоятелю и безропотное терпение всех скорбей и искушений должно быть уделом их жизни.

ни и особеннейшим любомудрием, тем паче, что они при принятии сего великого монашеского образа вторичный обет дали Богу претерпевать все сие великодушно.

В братской трапезе пища поставляется по уставу, преданному Святыми Отцами. Как во время обыденной, так и во время вечерней трапезы ежедневно бывает чтение из Четии-Минеи и других душеспасительных книг. Братия в продолжение трапезы сохраняют глубокое молчание, питающее ум тайною молитвою, слух Божиим словом, а бренное тело предлагаемою пищею. По окончании трапезы бывает по чиноположению возглашение панагии, а за сим ектения о здравии и благоденствии Государя Императора и всей Августейшей Фамилии и всех благотворителей обители. После сего происходит обычное прощание и братское целование, — и за тем расходятся все по своим келиям. Свидания и беседы по вечерам решительно воспрещены ²⁸.

О монастырях «На Высоком» ²⁹ и об основателе преп. Афанасии. — Высоцкий монастырь близ г. Серпухова был основан в 1374 году при вел. князе Димитрии Донском, усердием двоюродного его брата — серпуховского князя Владимира Андреевича Храброго, с непосредственным благословением преп. Сергия, при содействии ученика его преп. Афанасия.

Преподобный Афанасий, первый настоятель сего монастыря, в мире Андрей, родом был из области Новгородской, из пятины Обонежской. Отец его, бывший там священником, назывался Авксентием, а мать была Мария.

²⁸ Сей Киновион в целости сохраняется в библиотеке монастырской.

²⁹ Карамзин Н. М. Т. V. Прим. 122.

Андрей воспитан был в правилах строгого благочестия и в детстве обучен был чтению, письму и пению. Любимым местом, где он проводил большую часть времени своего отрочества, был для него храм Божий, а любимым упражнением молитва. Внезапный порыв к иночеству произошел с Андреем в храме же Господнем. В один день, когда он стоял в церкви, во время литургии, слова Евангелия: «Аще кто хочет по мне ити, да отвержется себе, и возьмет крест свой, и по мне грядет», произвели сильное впечатление на отрока, и он почувствовал в сердце благодатное влечение ко Христу путем иночества. Сначала недоумевал он, как исполнить ему заповедь евангельскую, и встретил сильное препятствие к удалению от мира со стороны своих родителей; но сила благодати все превозмогла, — отрок ушел пешком из Обонежья в обитель великого Сергия, имя которого уже гремело тогда в России. Со слезами пал незнаемый отрок пред ногами Сергия, прося принять его в монастырь, и прозорливый старец не отказался исполнить пламенное желание отрока, и назначил ему послушание — трудиться в поварне и пекарне. Когда прошло время искуса и Андрей оказался благопокорным тружеником и строгим молитвенником, Сергий сам постриг его в монашество с именем Афанасия. Назидание, сделанное при этом Сергием новопостриженнику о том, как вести себя в жизни иноческой и уклоняться от соблазнов и искушений, крепко запали в сердце нового инока, и он «день и ночь содевал в винограде Христовом спасение свое». Отличался он добронравием, чистотою мысли и совершенным послушанием. После иноческих правил главным предметом занятия его было изучение Священного Писания и переписывание книг. Блаженный Епифаний говорит о нем: «Бе Афанасий в добродетелех муж чуден и в божественных писаниях

зело разумен и доброписания много руки его и доныне свидетельствует, и сего ради любим зело старцу».

Князья русские, посещавшие обитель преп. Сергия, знали и его любимых учеников, и из великого рассадника иночества приглашали их в свои области для основания обителей. Так и внук Калиты серпуховский и радонежский князь Владимир Андреевич пожелал украсить свой стольный город возграждением монастыря и послал своих бояр и отроков к преподобному Сергию с дарами, приглашая его прибыть к нему для совета о устройении в Серпухове обители и просил его взять с собою и ученика его и «подвижника и трудника» Афанасия, в начальника обители. Жаль было Сергию отпустить от себя своего любимого ученика: не раз уже приходилось Сергию с сожалением и грустью расставаться со своими любимыми воспитанниками. И в настоящем случае отнималось от него утешение видеть Афанасия, воспитанного им с самого раннего его детства. Не открывая своей печали Афанасию, Сергей отправился с ним в Серпухов пешком. С великою честью встретил князь святых пришельцев, и после обозрения местности избрали они красивое место на крутом и лесистом берегу реки Нары для будущей обители. Место это по самому положению своему носило название «Высокое», от которого получил название свое и монастырь и основатель его «Высоцкий».

Когда расчистили место для обители, Сергей стал на колена, и воздев руки к небу, произнес следующую молитву: «Всецарю вышний, в триех Ипостасех единый Боже, Отче, Сыне и Душе Святый! Твоя есть земля и исполнение ея, и концы земнии в Твоих руках, Господи. Призри на место сие благодатию Твоею, послы помощь свыше благослови е, и сотвори оное в прибежище любящим Тя, и обучение монашеское в нем устрои лобызающим

ангелы преданный образ: даждь служащим Тебе и работающим и живущим вседушно на месте сем Образ Твой и подобие в душе и теле, еже сотворил еси и создал руками Твоими, соблюдать непрестанно: хвалити же Тя во псалмах и песнях духовных присно, и величати Царицу Небесную, Пречистую Деву Богородицу Марию и вся святые Твоя сподоби люди Твоя живущия и приходящая семя, да имя Твое святое славится день и ночь во веки веков. Аминь».

Окончив молитву, преп. Сергей обратился к стоявшему близ него Афанасию со следующими словами: «Вселюбезный Афанасий, духовное чадо мое! Послушай меня, старца, что скажу тебе. Благодарю Господа Бога, что Он много обрадовал меня твоими богоугодными подвигами. Во все время, пока ты был при мне, ты ни разу не оказал непослушания не только мне, но и братии. Поистине я вижу в тебе мужа совершенного и монаха благоискусного. Умоляю любовь твою, останься здесь и живи на месте сем, ибо ты можешь устроить обитель и собрать постничающую братию. Дело это возлагается на тебя по всей справедливости; и благоверный князь Владимир Андреевич просит тебя о том и желает, чтобы ты потрудился здесь во имя Господне».

Теперь только понял Афанасий, для чего приказал ему учитель следовать за ним в Серпухов. С горьким плачем Афанасий говорил Сергию: «Вселюбленный мой Отче! Не прогневайся на меня, что будет говорить худой раб Твой. Кто я, недостойный? Как разлучусь я с тобою, преподобный? Кто здесь будет мне, новонаначальному, наставником и учителем? К кому прибегну я в скорбях и страстных движениях души? От кого приму утешение или облегчение? Как забыть мне обитель св. Троицы? Как расстаться с равноангельною братиею, при ногах которой

я воспитан? Как воспою песни или вознесу молитвы Господу Богу на этой земле пустынной и мне неизвестной! Если молитва твоя не поможет мне, — я никак не могу выдержать здешнего жития и быть строителем обители, ибо я не достиг такой меры совершенства!» Еще хотел говорить Афанасий своему учителю, но обильные слезы отнимали у него всякую к тому возможность. Тогда преп. Сергей успокоил своего ученика, сказав ему, чтобы он уповал на Бога и Пресвятую Богородицу, и что при этом уповании он, как гора Сион, не подвижется, когда в труде богоугодном будет помогать ему Сам Господь. И Афанасий с послушанием принял утешительное слово своего учителя. После нескольких дней, проведенных вместе, они расстались.

Ревностно затем принялся Афанасий за построение монастыря, построил малую деревянную церковь в честь Пресвятой Богородицы и возле нее келии для себя и для братии, число которой стало с каждым днем увеличиваться. Между ними Афанасий вскоре имел утешение увидеть двух ревнителей по жизни иноческой, просиявших впоследствии святостью жизни — Никона³⁰ и Афанасия. Сей Афанасий, в мире Амос, из числа первых учеников, искавших руководства в жизни иноческой у Афанасия, происходил из Ярославской области от некоего Илариона и матери Анны. Еще юношей пришел он в обитель к Афанасию, который, снисходя к неотступной просьбе чистосердечного юноши, принял его в монастырь, и затем, усмотрев, что Амос со всем усердием соблюдает уставы иноческие, через пять лет искуса постриг его в монашество и дал ему имя, которое сам носил: Афанасий. Когда

³⁰ О Никоне, втором игумене Троицкой обители, см. в 1-й части настоящего сочинения.

усердием князя Владимира Андреевича построен был в Высоцком монастыре каменный благолепный собор и теплая церковь с трапезной, то при освящении храма митрополит Киприан удостоил младшего Афанасия сана иеродиаконского, а старшего Афанасия провозгласил начальствующим игуменом.

Киприан, митрополит Московский, как хорошо был знаком с преподобным Сергием, так в особенности находился в близких отношениях с Афанасием Высоцким. В одном из своих посланий Афанасию Киприан называет его возлюбленным сыном³¹. В 1381 году Афанасий имел немало утешения неоднократно беседовать с преп. своим учителем — Сергием и митрополитом Киприаном, посещавшими Серпухов для крещения у Владимира Храброго сына Иоанна³². После нашествия Тохтамыша в 1382 году митрополит Киприан, вследствие неудовольствия на него великого князя, удалился из Москвы в Киев; преп. Афанасий сопровождал его туда и пробыл с ним некоторое время. По возвращении в Серпухов Афанасий почувствовал глубокую скорбь от разлуки с невинно страждущим архипастырем. Но вскоре он имел великое утешение, получив от архипастыря обширное послание, в котором Киприан дает ответы на все его недоумения и вопросы о жизни монашеском. В то время была в ходу мысль о скором преставлении света: эту мысль разделял и митрополит Киприан, и того же мнения был и Афанасий. Полный скорби и страха об этом, преп. Афанасий просил митрополита облечь его в великую схиму. Митрополит Киприан так отвечает скорбевшему игумену высоцкому: «Ныне есть последнее время, и летом скончание прихо-

³¹ Послание это см.: Православный собеседник. 1860. Т. II. С. 104.

³² Никоновская летопись. IV. 129.

дит и конец веку сему. Но яко желаеши от моя руки великим ангельским образом одетися, еже есть схима: и се по вере твоей буди ти; верующему бо вся возможна и по вере твоей буди ти; и егда убо сам восхощеши и поспеши, и се сотворим». Затем отвечает и на следующие вопросы Афанасия: «Вопросил еси нашего смирения, о своем спасении и пребывании, или како в келлии подвизатися, и како братию поучавати и к истинному пути приводити, или како приходящих на пользу чернцев же и мирян испрошати о пользе, но убо о твоём монастыре и о твоих братиях послежде напишем, понеже ныне время не подает, но по вопросам твоим последним и ответы дам тебе, возлюбленному сыну моему». Вот самый интересный ответ Киариана на следующий вопрос Афанасия: «Ты спрашиваешь меня о селе, которое тебе в монастырь дал князь (без сомнения Владимир Андреевич), как и что с ним делать. Выслушай от меня ответ и прими совет мой. Если ты с братиею уповаешь на Бога, и Бог тебя пропитал донныне, и без села пропитает и вперед: то зачем обязывать себя попечением мирским и поминать о селах и заботах мирских, вместо того чтобы помнить о Боге и служить Ему единому? Не забудь и того: когда чернец живет без попечений мирских, тогда в союзе он со всеми мирскими людьми, все любят и уважают его; когда же обяжется своими и мирскими попечениями, тогда нужда заставляет ходить и к князьям, и к властелинам, искать судилищ, стоять за обиженных, ссориться и мириться и, чтобы не дать своих людей в обиду, поневоле надобно принимать труды и оставлять свое правило. Если бы можно было, то вот как [лучше] поступить: быть селу за монастырем, но с тем чтобы чернецу никогда не быть в нем, а поручить его богобоязненному мирянину: он бы пусть заботился обо всем, а в монастырь доставлял бы

готовое рожью и другими вещами³³. С писатель жития Афанасия свидетельствует³⁴, что преп. Афанасий, приняв начальство над Высоцким монастырем, с ревностью заботился о спасении вверенного ему стада Христова. Поучая братию примером строгого подвижничества, Афанасий весьма часто поучал и словом, заимствуя наставления из творений Василия Великого, Исаака Сирина и др. Отцев, творения которых он неутомимо переписывал и в Высоцком монастыре.

Около 13 лет Афанасий подвизался в устроенном им монастыре, будучи украшением всего монашества, по свидетельству самого преп. Сергия. Но в 1387 году патриарх Цареградский вызвал Киприана в Константинополь, по неудовольствию на него великого князя и по проискам Пимена, не оставлявшего своих претензий на московскую митрополию. Митрополит немедленно уведомил своего духовного друга посланием. «Благословение о Святом Дусе возлюбленному сыну моему Афанасию, игумену, со всею о Христе братиею, — писал Киприан. — Да будет тебе известно, сын мой, что я еду в Царьград на лошадях чрез Волошскую землю. Мне не хотелось расставаться с своею паствою, да что делать? Господь Бог да даст ему (т. е. Димитрию Иоанновичу) опять узнать истину. А я думаю вскоре быть у вас из Царьграда, а лживого и лстивого человека (Пимена) Бог обнаружит. Ты же заботься о своей пастве, зная, что воздашь о ней отчет Богу; если же кто не будет послушен, о том больше заботься и учи. Отпиши ко мне, чтобы мне было известно, как ты поживаешь. А Господь Бог да со-

³³ Исторические Акты. Т. I. № 253.

³⁴ Житие Афанасия написано в 1697 г. чудовским монахом Карионом Истоминым и хранится в библиотеке Высоцкого монастыря.

блюдет вас невредимыми». Но вместо ответа преп. Афанасий решился сопутствовать святителю, отправлявшемуся в дальний путь. Оставив вместо себя игуменом в Высоцком монастыре своего ученика Афанасия, старший Афанасий, простившись с братией, поспешил к святителю в Москву, а оттуда отправился в Константинополь. В Константинополе Афанасий поступил в Предтечевский монастырь (Продрома) в число братии и дал в монастырь 1 андрофат³⁵ (т. е. сделал единовременный взнос для пожизненного пребывания в монастыре); с ним поселился и митрополит Киприан. Когда Киприан положил конец всем волнениям и возвращался в Москву, то убеждал и Афанасия возвратиться с ним, обещая ему почетное место: но любитель смирения, Афанасий остался в Константинополе, где в глубокой старости и скончался. Во время пребывания своего в Константинополе преп. Афанасий прилежно занимался переводом и списыванием греческих Отцов Церкви. Церковный устав, «Око Церковное», написанный Афанасием³⁶ в 1401 году по лучшим Константинопольским редакциям, был создан им собственно для употребления и руководства в Высоцком монастыре, и до сих пор хранится в монастырской библиотеке.

Преемник Афанасия на игуменстве в монастыре Высоцком, Афанасий младший, умножил число братии в обители и был примером для них в подвижнических добродетелях, имел воздержание совершенное, в посте был крепок, в молитвах не леностен, в нищете терпелив, о чем свидетельствует тот же инок Карион Истомин. Афанасий поучал братию побеждать страсти, уклоняться от нечистоты мысленной и телесной и пребывать в безмолвии.

³⁵ Душеполезное чтение. 1874. Сентябрь.

³⁶ *Архим. Сергей*. Восточная Агиология. Отдел «об уставах».

Доведя обитель до благоустройства, Афанасий после непродолжительной болезни преставился 12 сентября 1395 года, пробыв на игуменстве 8 лет. Предание повествует, что один из братии не пошел на погребение Афанасия, имея за что-то гнев на святого. За это он внезапно подвергся нападению нечистого духа; со слезами поспешил он в церковь и перед гробом испросил себе прощение у преподобного и освободился от лукавого духа. В то время как опускали в землю тело Афанасия, исцелившийся инок упал в его могилу и, когда его оттуда извлекли, он поведал братии, что преп. Афанасий из гроба протянул ему свою руку и сказал: «Тебе, брат, суждено скоро оставить жизнь, близка кончина твоя». И действительно, через три дня после этого инок скончался и погребен был недалеко от преподобного своего игумена.

В житии преп. Пафнутия Боровского находим сведения о том, что в Высоцком монастыре, в первое время его существования, жил ученик преп. Сергия, преп. Никита, который был третьим игуменом в этом монастыре и наставником в добродетелях иноческой жизни преп. Пафнутия, когда тот перешел в Покровскую Боровскую обитель на жительство. После удаления же Никиты из Боровска остальная жизнь его не известна ³⁷.

Пешношский монастырь и первый основатель оно-го преп. Мефодий. Общежительный устав Пешношского монастыря. Древняя история Пешношского монастыря, богатая, без сомнения, примерами благочестивых подвигов первых и последующих за ними его обитателей, скудна современными о том свидетельствами. Различные по-

³⁷ *Филарет, архиеп. Черниговский. Русские святые. Май.*

трясения, которые некогда испытало наше Отечество, и в особенности Москва с ее окрестностями, коснулись и Пешношского монастыря, и были причиною утраты древних письменных памятников. Сохранился до сих пор список с дарственной монастырю грамоты (№ V), из которой видно, что летом 1584 г. Пешношский монастырь сгорел до основания. Подробности этого пожара неизвестны, только — что весьма небольшое из монастырского имущества было спасено братией. Усердием благочестивого государя Феодора Иоанновича Пешношский монастырь в 1585 году приведен был в прежний вид. Но едва прошло 20 лет после пожара, как новое бедствие, гораздо ужаснее, постигло Пешношскую обитель. Неистовство ляхов оставило кровавые следы свои и в этом богоспасаемом месте. Земля, орошаемая прежде слезами подвижников, оросилась обильно их праведной кровью. Два иеромонаха, два священника, один иеродиакон, шесть схимонахов, семь монахов и тридцать семь трудников пали от меча врагов. Земля сохранила позднему потомству в недрах своих имена этих доблестных воинов Христовых, иссеченные на камнях; все они вписаны в братский синодик³⁸, для вечного поминовения. При перестройке собора в 1805 г. найдены были в земле, на глубине двух аршин, эти камни с иссеченными на них именами избиенных. Если злоба врагов не пощадила жизни безоружных иноков, то корыстолюбие их, не знавшее пресыщения, еще менее щадило церковное имущество. Из разграбленного имущества едва сохранились некоторые древние вещи (например, деревянный сосуд, в котором преп. Мефодий совершал таинство евхаристии, и посох его) и жалован-

³⁸ *Калайдович К. Ф.* Топографическое описание монастыря. 1837.

ные грамоты, на которых исключительно почти и составлена история Пешношского монастыря.

Скудны сведения о жизни и подвигах основателя монастыря, преподобного Мефодия. Сведения о житии преп. Мефодия заимствуются из трех источников: а) «Книга, глаголемая о Российских святых, где и в каком граде, или области, или монастырь, или пустыне поживе и чудеса сотвори, всякого чина святых»; книга эта относится к концу XVII века; б) опыт исторического словаря и в) служба преп. Мефодию в тетради, составленная монахом Мисаилом, хранится в монастыре: по этой тетради и совершается богослужение 4 июня, в день памяти преподобного. Преп. Мефодий, основатель Пешношского монастыря, презрев суету мира, еще в молодых летах пришел в пустыню к преп. Сергию и под руководством этого великого наставника иноческой жизни провел несколько лет. Потом, ревнуя жить в совершенном безмолвии получив благословение своего учителя, тайно удалился из монастыря и поселился в пустынном месте, за рекою Яхромою, в Дмитровском уезде, в дубовом лесу, на небольшом возвышении, окруженном в то время со всех сторон непроходимыми лесами и болотами и поставил себе келию. Место совершенно безмолвное! Там в уединенной келии благочестивый отшельник, скрывая себя от людей, беседовал с единым Богом — и очищал душу молитвою, постом и слезами. Знал преп. Сергей, где скрывался его ученик, приходил неоднократно к нему для духовных бесед и укреплял Мефодия в его подвиге. Однако жизнь Мефодия стала известна и начала привлекать к себе ревнителей подвижнической жизни; явилось к нему несколько учеников, которым Мефодий построил келии недалеко от своей. Преп. Сергей, посетив однажды своего любимого ученика, уже окруженного несколькими учениками,

дал ему совет построить обитель и храм на другом, более сухом и обширном месте, и благословил то самое, где ныне стоит обитель. И преп. Мефодий исполнил волю наставника. Он сам трудился при строении храма и келий, «пеш»нося деревья через реку. От того-то за обителью осталось навсегда имя «Пешношской» и речку, при которой она стоит, стали называть Пешношею. Обитель Мефодия, основанная в 1361 г., была обителью трудолюбия для всех. Преп. Мефодий не только был ее первым игуменом, но и по подвигам труда, поста и молитв он был первым между братиею. Примером подвижнической жизни воспитал он добрых иноков. Строгий к себе, он был милосерд к другим. По древним стихирам, составленным в честь его, каждый день при вратах обители его сидело множество нищих, и он всех их питал. По временам преподобный, любитель безмолвия, удалялся за 2 версты от обители, в глушь леса, и здесь уединенно подвизался в молитве. Сюда же приходил к нему для бесед и Сергей. На память о делах святых стоит здесь ныне одинокая часовня, и к ней бывает крестный ход; местность же эта названа «беседою».

30 лет преп. Мефодий мудро и богоугодно правил монастырем в звании игумена, служа примером кротости и милосердия многочисленным ученикам своим. Умирая, заповедал он ученикам быть милостивыми к нищим и странникам. Преподобный Мефодий скончался 4 июня 1392 года³⁹. В день преставления преподобного, как видно из стихир, составленных в честь его, стеклось множество народа — старцев, сирот и вдов — оплакивать кончину своего питателя.

³⁹ *Филарет, архиеп. Черниговский*. Русские святые, чтимые всей Церковью или местно. Июнь.

Уже лежа на смертном одре, преп. игумен Мефодий заповедывал братии соблюдать со всей строгостью общежительный устав со всеми чиноположениями его относительно отправления церковного богослужения и келейных правил, и оставил, по выражению церковной песни, в образ многочисленным ученикам своим святую и богоугодную жизнь свою. Долго потом пребывал в обители дух благочестия, оставленный ее великим основателем.

Строгая и богоугодная жизнь монашествующих в Пешношском монастыре была примером для всего православного монашества даже и в XVI веке и обращала на себя внимание царей и пастырей России. Так, в игуменство св. Варсонофия (1547—1556) обитель пользовалась особенным благоволением и милостями царя Иоанна Васильевича, который неоднократно приезжал туда со своим семейством⁴⁰ и подарил в знак своего благоволения к ней дворцовое село Суходол с 25 деревнями и со всеми к ним принадлежащими землями и удобьями⁴¹.

Заповеданное преп. Мефодием строгое исполнение церковного богослужения соблюдается и до сих пор. Вот краткое извлечение из общежительного устава, составленного св. Варсонофием, игуменом Пешношским.

Церковное служение в Николаевском Пешношском монастыре отправляется по уставу святой Афонской горы. Всенощные бдения начинаются в летнее время пополудни в 7 часов, в зимнее время, когда бдение бывает с утра, благовест начинается к 12 часов пополудни, а в некоторые праздники в 11 часов пополудни, в простые же дни в 1 час пополудни, и продолжают до утра.

⁴⁰ Книга степенная царского родословия, иже в рустей земли в благочестии просиявших Богоутвержденных скипетродержателей. Ч. II. С. 268.

⁴¹ Копия с грамоты, хранится в монастыре.

Пение употребляется только столповое.

Чтением синодика и помянников во время проскомидии, как за ранней, так и за поздней литургиею, заниматься должны все, исключая только не могущих читать.

Особенно определенные четыре монаха занимаются денно и нощно чтением за упокой Псалтири. Они чередуются по одному чрез каждые два часа, и от прочих послушаний освобождены.

Будильники, по пробуждении братии за полчаса к утреннему славословию, наблюдают, все ли пришли в церковь. Если они кого не видят, идут и пытаются разбудить снова, и когда кто откажется из-за болезни, доносят настоятелю до окончания полунощницы. После пения «Бог Господь» повар из лампы местного Образа Спасителя берет в фонарь огонь и, взяв у настоятеля благословение, этим огнем затопляет печь для варения пищи.

Расположение братских келий таково. При входе с крыльца, в сенях, по обе стороны двери в прихожие; в прихожих по две двери в кельи. Из двух братий, живущих в этих кельях, всегда бывает один старший, а другой младший. Келья старшего отличается небольшою особенною прихожею. Младший, выходя из своей кельи, должен совершить молитву и спросить благословение у старшего, куда бы ни шел — в церковь ли, в трапезу или на какое послушание, даже хотя бы за водой или за дровами для своей печи.

Приходящие в монастырь для жительства люди всякого состояния принимаются в монастырь с законными видами от своих начальств и продолжительное время искушаются разными первоначальными послушаниями, которые налагает настоятель и старшие братия. После этого имеющий решительное намерение посвятить себя на служение Богу берет законное увольнение от общества и

еще некоторое время испытывается в монастырской жизни. Потом представляют о нем епархиальному начальству для определения в число послушников и через некоторое время постригают в малый образ (рясофор), а по усмотрению способностей к духовной жизни, с дозволения начальства, постригают и в монашество (мантию). Указ о пострижении в мантию получается из консисторий с разрешения Святейшего Синода.

Монашествующие на Пешноше, все, от настоятеля до последнего послушника, руководствуются одним правилом общежития, по которому каждый обязан не иметь никакой своей собственности и получать содержание из общей монастырской казны. Дозволяется приобретать только иконы, книги, предметы рукоделия, и то с позволения настоятеля.

Богомольцы, посещающие обитель, принимаются в монастырской гостинице. Особы мужского пола приглашаются к братской трапезе, если пожелают. Особам женского пола и не желающим быть за общим столом пища приносится гостиниками. Для разночинцев, по причине многолюдства их, пища готовится в гостинице. Вообще все угощаются безденежно; но каждый имеет право, по усердию своему и возможности, класть в устроенную для того кружку сколько ему заблагорассудится. Бедные странники и нищие кормятся безденежно и, сверх того, каждому из них подается, по мере потребности, милостыня. И так милосердие к странникам и нуждающимся, заповеданное преп. Мефодием не оскудевает в Пешношской обители и по настоящее время.

Преподобный Савва и основанный им монастырь **Сторожевский**. — Преподобный Савва был одним из

первых учеников преп. Сергия⁴². Поступив еще в юности в обитель Радонежскую, преп. Савва, под руководством св. Сергия, скоро привык к порядку иноческого жития: жизнь проводил он в совершенном послушании, любил воздержание и бдение, крайне заботился о блюдении чистоты, которая есть украшение всего иноческого жития, — всем казался простым человеком ничего не знавшим, но мудростью духовной превосходил многих мнящихся быти мудрыми; прежде всех входил в церковь и после всех из нее исходил, со страхом Божиим стоял на молитве. Ему даровал Господь такое умиление, что он не мог удерживаться от сильного плача и рыдания во время божественной службы и во время трапезы: видя такое умиление и плачь, отцы обители дивились и прославляли благодателя Бога⁴³. За то преп. Сергий такую питал любовь и уважение к ученику своему, что назначил его духовником всей братии своего монастыря⁴⁴.

В 1392 году преп. Сергий преставился, оставив преемником своим Никона. Но Никон по любви к уединенному богомыслию скоро оставил управление монастырем и затворился в келии; «братия же, не терпяще без настоятеля быти, со многим молением возведоша на игуменство блаженного Савву в великую Лавру»⁴⁵. Преп. Савва вступил на игуменство в Лавру несомненно в 1392 году, ибо блаженный Епифаний свидетельствует, что Никон «абие остави паству». Здесь Савва «добре пасяше порученное ему стадо, елико можаше и елико отца его бла-

⁴² Жития святых, на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского, с дополнениями, объяснительными примечаниями и изображениями святых. Декабрь 3.

⁴³ Житие Саввы Маркелла инока. Л. 30.

⁴⁴ См. 1-ю часть настоящего сочинения, об общежитии.

⁴⁵ Житие Сергия и Никона. Изд. 1648 г. и Четьих-Миней. Ноябрь 17.

женного Сергия молитвы спомогаху ему». Древнее предание ко времени начальствования его в Лавре относит изведение молитвами его источника водного за стенами обители к северу⁴⁶. Начальствование над Лаврой Саввы продолжалось шесть лет — именно, до 1398 г. Промыслу Божию угодно было прославить угодника в другом месте. Князь звенигородский Юрий Димитриевич, брат тогдашнего великого князя Василия Димитриевича, часто посещал обитель преподобного Сергия и ущедрял ее богатыми вкладами. Преподобный Савва, всем известный тогда по святости жизни, возбудил к себе любовь и уважение и в Юрии, и князь избрал его своим духовником. В одно из посещений Троицкой обители Юрий просил преподобного Савву идти с ним в город Дмитров, подать благословение его дому. Благодетельный старец, умоленный князем, согласился исполнить его прошение и вместе с ним предпринял путь, надеясь скоро возвратиться в обитель свою; но Промысл устроил иначе. Юрий, желая навсегда иметь при себе такого святого и мудрого старца, неотступно начал умолять его, чтобы он никогда уже от него не отлучался, но «да пребудет у него, и да созиждет монастырь в отечестве его близ Звенигорода, идеже есть место, зовомо Сторожи». Преподобный Савва, видя пламенное желание князя, согласился и на это его прошение, и с полным упованием на помощь Божию, пошел на гору Сторожу: это было в 1398 году.

⁴⁶ Рукоп. Келаря Симона Азарьина: «О кладезе Саввы гл. 12, место тогда было безводно и кроме источника, его же св. Сергий молитвою изведе бысть иныя воды под его обителию. Ныне же всем зримо, многи источницы явшихся. Первее по нем ученик его преподобный Савва, иже ныне на Сторожах, молитвами св. Отца своего преподобного Сергия, изведе источник воды чистый выше конюшенного двора, из него же и до ныне почерпают, благодаря Бога».

Место, избранное для сооружения обители, на Сто-рожевской горе, близ Звенигорода, чрезвычайно полюбилось преподобному: оно показалось ему, по выражению жизнеописателя, небесным раем, насажденным благовонными цветами. И Карамзин восхищался этим местом. «Нигде, — говорит он, — не видал я такого богатства растений; цветы, травы и деревья исполнены какой-то особенной силы и свежести; липы и дубы прекрасны; дорога оттуда в Москву есть самая приятная для глаз, гориста, но какие виды!»

Остановившись на этом месте, преподобный Савва пал пред иконою Богоматери, которую он взял с собой из Лавры, долго плакал и возносил теплую молитву Богоматери, прося Ее заступления и благословения месту тому. Потом, при пособии усердного князя Юрия, святой скоро построил малую деревянную церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы и недалеко от нее малую для себя келию. Скоро слух о святой его жизни привлек к нему многих, искавших жития безмолвного, и преподобный всех принимал с любовью и был для всех образом смирения и трудов иноческих. По собрании довольно числа братии он завел в обители общежитие и был в ней первый игумен. Не многие памятники древности свидетельствуют о многотрудной подвижнической жизни преподобного. И до сих пор существует пещера на некотором расстоянии от монастыря, в лесу, в глубоком овраге, вскопанная преподобным, в которую он иногда заключался от мира для уединенного богомыслия, оставляя на это время монастырь под управлением ученика своего Саввы. Теперь над священной этой пещерой устроен весьма красивый скит усердными почитателями памяти преподобного. С умножением братий, которые приходили к святому отовсюду, преподобный умножал и труды свои и попечение

о пастве своей: «святому зело о сем прилежащу». «Никогда не изменив своего уставного правила и отвергшись однажды мира, о мирском и суетном уже более не заботился; тесный и скорбный путь предпочел пространному, возлюбил нищету и был образцом трудолюбия и смирения для братии»⁴⁷. Под горой — близ монастыря существует колодец, ископанный, как говорит предание, руками преподобного, из которого он носил воду для братии. В часы отдохновения и время, свободное от келейных правил, преподобный занимался списыванием книг: так, в каталоге книг, составленном в 1662 году, между рукописными книгами поименован «Канонник чудотворца Саввы». Книга эта утрачена⁴⁸.

Звенигородский князь Юрий Дмитриевич, упросив преп. Савву идти в его отечество, для устройства монастыря, глубоко уважал за это святого старца: всякое дело начинал он с совета и благословения его. Так в 1399 году Юрий Дмитриевич должен был, по повелению великого князя, идти на войну против болгар. Перед выступлением в поход пришел он в обитель преподобного Саввы просить у него благословения. Святый старец, помолившись о нем и благословив его крестом, в пророческом духе воскликнул: «Иди, благоверный князь, и Господь да будет с тобою, помогая тебе! Врагов своих одолеешь и благодатию Христовою здрав возвратишься в свое отечество». Приняв потом начальство над войсками, Юрий с благословением старца необязанно вышел против неприятелей, в продолжение трех месяцев разбил неприятелей наголову, завоевал несколько неприятельских городов и с богатою добычею и со славою победителя возвратился в

⁴⁷ Служба Преподобному 3 декабря.

⁴⁸ *Смирнов*. Историческое описание Саввина монастыря. 1860. Отд. IV. Ризница и библиотека. С. 54—68.

отчизну. Первым долгом его по возвращении было поспешить в обитель к преп. Савве и принести благодарение Богу, Который даровал ему победу молитвами св. старца. Преподобный отслужил благодарственный молебен и осенил князя крестом, Юрий молился со слезами, лобызал руки старца и благодарил его за молитвенное вспоможение в одолении супостатов. Преподобный со смирением говорил о своей духовной немощи, уверял, что Сам Бог, видя любовь князя к нищим и убогим, даровал ему победу и «к сим множайшая словеса учительная изрече ему от божественных писаний». Благодарный князь многое тогда принес в дар возникавшей обители. На его иждивение новая церковь значительно украшена, глава на ней обита медными позлащенными листами, устроены братские келии и обитель обнесена деревянной оградой. Но вскоре монастырь принял новый вид. Усердный князь Юрий возжелал вместо деревянной церкви создать каменный собор во имя же Рождества Богородицы: собор, построенный в 1404 году, существует в том же виде и по сие время. После торжественного освящения собора князь Юрий принял благословение от св. игумена и вручил ему грамоту следующего содержания:

«Пречистыя ради милости и честнаго Ея Рождества, се аз князь Юрий Димитриевич, что аз дал Пречистой в дом, на Сторожи, отцу своему игумену Савве с братиею, или кто по нем иной игумен будет, села свои в Звенигородском уезде, село Белгина и с деревнями, деревня Тимонина, деревня Павликова, деревня Козинская, да село Дубацынское, да деревню Гледеновскую, да деревню Еремееву, да сельцо Усть-Развадни, да к тому сельцу придал есми Патрикеевской земли, дал есми в Рузском уезде, в Замошьи, село свое у Василья святого и с деревнями и с прудом и со всем тем, что к тому селу истари потягло, а

что себе отец мой игумен Савва с братиею прикупят земель, или что им дадут земель по души в моей вотчине: и которые люди имут жити на тех землях монастырских, и тем людям ненадобе моя дань, ни ям, ни подводы, ни мыт, ни тамга, ни писчех белка, ни осмьмичьи, ни костки, ни явка, ни иная которая пошлина, ни города ни делают, ни двора моего не ставят, ни коня моего не кормят, ни сен моих не косят, також ни к сотскому, ни к дворскому, ни к десятскому с тяглыми людьми не тянут ни в которые протары, ни в размет, ни в инии которые пошлины. А наместницы мои звенигородцкии и волостели звенигородцкии, и рузский мои наместники и волостели мои рузский, и их тиуны на тех крестьянх на монастырских кормов своих не емлют, ни высылают к ним ни почто, а праветчики и доволтчики поборов не берут, ни въеживают, а въедает игумен Савва сам свои люди во всех делах и судит сам во всем, или кому игумен прикажет, оприче душегубства. А случится суд сместной городцким людям или волостным с монастырскими людьми, и наместницы мои звенигородский и рузский и их тиуны тех людей судят, а игумен с ними судит или кому прикажет в свое место. А прав ли будет или виноват монастырский человек, и он прав и виноват монастырю, игумену с братиею, а наместники мои и волостели и их тиуны в монастырского человека не вступаютца, ни в праваго ни в виноватаго: а ведает игумен в правде и в вине своего человека сам. Аз князь Юрий Дмитриевич Пречистой дал пятно и тамгу, на темиан дал игумену Савве с братиею: держит игумен в монастыре свое пятно. Которой хрестьянин монастырской купит или меняет, и он пятнит в монастыре; а которой хрестьянин монастырской продаст в торгу или в селе, и они тамгу платят игумену Савве в монастыре... Да дал аз князь Юрий Дмитриевич отцу своему игумену Савве

бортъ свою по речки по Иневе и от суходола по Покров Свѣтей Богородицы, от Покрова по Нару вверх до Ваишева, до реки Москвы, а по другую сторону по правую по Олександрова село по Шубина, да по слободки по Димитреевой, да по Нахабну к реце Москве; дал яз князь Юрий Димитриевич отцу своему игумену Савве бортника (рыболова) Ондрейка Телицына с деревнею, в которой живет на Репищи, и он те борти монастырские делает. А чрез сию мою грамоту кто их чим изобидит, быти от меня казни. А грамота писана в лета 6912 (1404), месяца мая 10 день»⁴⁹.

Молился преподобный Савва Богоматери, пришел на Сторожу, «да призрит на место сие и снабдить е от враг ненаветно», — и Владычица услышала святую молитву его и возвеличила обитель Свою. Еще при жизни самого основателя обители, которая первоначально казалась скудной на вид и бедной, она менее чем за восемь лет выдвинулась из дремучего леса в благолепном виде с сияющими золотыми главами и крестами, которые издали были заметны путешественнику. Слава же праведника, которую стяжал Савва, привлекала в обитель многих богомольцев, князей и бояр, которые ущедряли обитель дарами своими. Первым из них и самым усердным почитателем преподобного и его обители был, несомненно, князь Юрий Димитриевич, в чем нетрудно убедиться по дарственной его грамоте, помещенной выше. Между тем преп. Савва, понесший столько трудов, изнуривший плоть свою тяжкими келейными и пещерными подвигами, впал в болезнь телесную и, призвав братию, много поучал их от Божественных Писаний, убеждал блюсти чистоту телесную, иметь братолюбие, украшаться смирением и подви-

⁴⁹ Акты исторические, собранные и изданные Археографического комиссиею. Ч. I. № 15.

заться в посте и молитве. Наконец назначив преемником себе одного из учеников — Савву и преподав всем мир и целование, предал праведную душу свою Господу 1407 г. декабря 3 дня: игуменствовал в обители этой около 9 лет. Много слез пролили братья, лишившись своего «кормника и учителя»; на погребение его пришел с душевной скорбью Юрий Димитриевич, прибыли и другие многие князья, бояре и жители всего Звенигорода. Тело блаженного честно предали земле в церкви Пресвятыя Богородицы, на правой стороне. По неисповедимым судам Промысла святое тело преподобного Саввы скрывалось в земле два с половиной века; но сила Божия, еще до открытия мощей его, по временам являлась чудодействующей при гробе его, — прославила этим обитель его и привлекла в нее царей, князей, и множество благочестивых богомольцев.

Звенигородский князь Юрий Димитриевич, лишившись в преподобном Савве своего духовного отца и мудрого наставника, продолжал посещать любимую обитель, полную отрадных для него воспоминаний, продолжал и усердствовать ей от своего достояния. Преемники Юрия Димитриевича: Василий Косой, Василий Темный, Василий Ярославич Боровский, Андрей Большой, сын Темного, — князья звенигородские, по примеру благочестивого Юрия, продолжали ущедрять святую обитель богатыми вкладами и именьями. Сохраняются до сих пор до 52 княжеских и царских грамот, по которым Саввин монастырь владел многочисленными селами и деревнями в Звенигородском и Рузском уездах⁵⁰. До 1764 года за монастырем числилось 17 350 душ крестьян.

⁵⁰ Смирнов С. Историческое описание Саввина монастыря. Гл. VIII. Перечень владенных монастырских грамот. С. 107—112.

Внутренняя жизнь иноков процветала в Саввином монастыре не менее внешнего благосостояния и обращала на себя общее внимание. Митрополит московский Даниил имел духовное общение со старцами Сторожевскими и переписывался с ними письмами и посланиями. Так например, он писал к старцу Дионисию, который был из князей звенигородских: «Писал еси ко мне в послании твоём, чтобы мне к тебе отписать, како пребывать тебе...»⁵¹ Об этом старце Дионисии есть между прочим такое сведение в житии Иосифа Волоколамского: «Иного видех, постящего у отца (т. е. преп. Иосиф) в монастыре, Дионисия иже от Звенигородских князей, трудолюбна зело: в хлеботворнице бо двою братьев един страдаше; к сим же 77 псалмов пояше и по три тысячи метаний на кийждо день творяше; возлюбив же уединение и прося у отца отпущен быти к отцу Нилу, и тако получи прошение иже сияше тогда яко светило в пустыни на Беле озере». В житии преп. Саввы есть следующее сказание об этом Дионисии: некоторые из братий оклеветали Дионисия перед князем Иоанном III, который, поверив клевете, велел игумену явиться на суд. Когда возвестили Дионисию, он впал в глубокую печаль и просил заступления у преподобного Саввы, который в следующую ночь явился ему и роптавшим братиям. Игумена он утвердил в дерзновении и велел безбоязненно предстать на суд, а братиям сказал: «Для того ли вы оставили мир, чтобы с ропотом проходить подвиг иночества? Вы ропщете, а игумен о вас со слезами молится и бодрствует. Что же одолеет? Ваш ли ропот или его молитва? Знайте, что в сердцах роптивых не почиет смирение и оправдание Божие». Братия, восстав от сна, пересказали это прочим, — и когда яви-

⁵¹ Исторические Акты. Т. I. 1528. С. 534.

лись к Иоанну, не могли ничего сказать, но были пристыжены. А Дионисий с честью возвратился в монастырь и великодушно простил обвинявших его.

С умножением братии и с процветанием благочестия в монастыре, в особенности же со времени проявления чудес при гробе преподобного Саввы, жалованными грамотами царей Саввин монастырь стал называться большим, и к нему были приписаны 19 монастырей и пустынь⁵² со всеми их имениями и крестьянами. По отношению к приписным монастырям Саввин монастырь имел полное право выбирать и сменять строителей, келарей и казначеев. Архимандрит Саввинский обыкновенно собирал собор из властей и старцев монастырских, и на нем решались общим приговором различные дела по управлению приписными монастырями. Настоятель приписного монастыря должен был вести постоянные приходо-расходные записи и присылать отчеты в Саввин монастырь; о судных важных делах должен был обращаться письменно туда же; каждый год должен был высылать в Саввин оброки с крестьян или деньгами, или вещами. В случае притеснения властей или крестьян приписных монастырей со стороны светских начальств архимандрит Саввинский обращался к самому Государю, как покровитель своих подчиненных. Настоятели малых монастырей, выходя большей частью из Саввина, не избавлялись от

⁵² Воскресенский Высокий в Москве, 2; Ольговы, 3; Спасский—Зарецкий; 4—Троицкий Переницкий; 5—Воскресенский Терехов; 6—Киберганский Предтечев; 7—Николаевский Медведский; 8—Николаевский во Пскове; 9—Стефановский на Лугу; 10—Рождественский; 11—Николаевский Венев; 1—Никитский в Дмитр. уезде; 13—Арзамасский Спасский; 14—Устьехонский Троицкий; 15—Онуфриева пустынь; 16—Николаевская Мамонтова; 17—Спасская Толоконцева; 18—Дорофеева; 19—Шалотская в Угличе. В 1764 г. по новым штатам все эти монастыри обращены в приходские церкви.

строгого контроля властей саввинских. При самом поступлении на место им давались составленные собором старцев указы о монастырском управлении, которыми строго определялся образ жизни и действий приписных настоятелей.

Св. мощи преподобного Саввы открыты в 1652 году при архимандрите Гермогене.

II

Вологодские монастыри

Когда на месте уединенных подвигов преподобного Сергия возник славный и многолюдный монастырь, окруженный многими селами и цветущими полями, и та тропинка, которая знакома была лишь немногим обитателям пустыни, превратилась в суетливую большую дорогу, и, как выражается Епифаний — искажена была пустыня Сергиева, то во многих учениках Сергия, воспитанных им для уединенных подвигов, возгорелось пламенное желание обрести пустыню, которая бы соответствовала их внутреннему настроению. Вологодские и белозерские девственные леса тогда (в XIV в.) более всего могли привлечь жаждущих пустынной жизни. И вот один за другим — они, с благословения наставника, стремятся в необитаемые северные леса и там добровольно предаются всевозможным лишениям и ведут усиленную брань с плотью. Но и с ними случилось то же, что некогда с их наставником: и они сделались основателями многолюдных монастырей, — а прежде девственная природа северных лесов превратилась в оживленные местности и цветущие поля.

Вот имена и биографии основателей вологодских монастырей:

Преподобный Сильвестр Обнорский

Игумен Воскресенского монастыря, иже на Обноре реке, Сильвестр был учеником св. Сергия Радонежского. Получив духовное воспитание под руководством этого великого отца, инок Сильвестр по ревности к безмолвной жизни отправился искать пустынного места по духу своему. Он остановился в глухом лесу на берегу Обноры, поставил здесь крест и келию и стал подвизаться в посте и молитве. Долго оставался отшельник неизвестным для людей, без свидетелей совершая свои подвиги. Раз один из жителей края того сбился с дороги и неожиданно увидел келью отшельника. К изумленному путнику вышел пустынный, одетый в рубище, еще более изумленный появлением человека, нарушившего так неожиданно его безмолвие. Путник рассказал преподобному о себе, кто он и как попал сюда; сказал и то, что над местом, где жил преподобный, часто видел он то светящиеся лучи, далеко освещавшие дремучий лес, то столп облачный. В ответ преподобный изъяснил скорбь, что тайное место его стало известным. По просьбе путника он сказал ему свое имя и рассказал, что уже немалое время живет в пустыне, питаясь травами и кореньями, и умолял его никому не говорить о месте пребывания его. На вопрос пришельца: «Как мог он жить без хлеба и в такой глуши?» — преподобный отвечал, что в первое время нередко изнемогал он от голода и от изнеможения сил падал на землю, но явился ему чудный муж, который, прикоснувшись к нему рукой, укрепил его, и с тех пор он безбедно пребывает в пустыне. После того пришелец нарочно посетил отшельника и

принес ему хлеба и муки. Согласно с таким преданием о пустынной жизни преп. Сильвестра тропарь, вышитый на покрове Чудотворца, говорит: «Из млада Христа возлюбив, верою приблизился еси к Нему и изнурил много-страдальное тело твое голодом блаженне!»

Довольно было одному видеть подвижника, чтобы узнали о нем многие. Окрестные жители стали приходить к нему за духовными советами; некоторые решились жить с ним. Преподобный не препятствовал их доброму желанию, и подражатели святого поставили себе келии. Когда число желавших подвизаться под руководством Сильвестра стало увеличиваться, преподобный нашел нужным построить храм. Он отправился к св. Алексию просить благословения на создание храма в пустыне. Святитель выдал антиминс и самому Сильвестру поручил игуменство над собравшейся братией. Храм был построен и освящен во славу Воскресения Христова. Так устроился монастырь. Это был первый монастырь на Обноре, и устройство его относится к первым годам второй половины XIV века. Преподобные Павел и Сергей пришли в эти места гораздо позднее Сильвестра, и известно, что они основали обители один в 30, другой в 20 верстах от Воскресенского монастыря.

Со времени устройства обители посещения искавших у преподобного советов участились. К нему стали приходить князья и бояре за утешениями духовными, а простой народ еще усерднее стал к преподобному, и каждый день толпами нарушал уединение его. Это сильно печалило сосредоточенный дух преподобного, и он, для безмолвных подвигов, удалялся в уединенное место дремучего леса. Место это и доньше сохранило название заповедной рощи, так как преподобный строго заповедал не рубить этого леса. В середине этой рощи отшельник выкопал три

колодца и еще один на склоне горы, который и доныне источает струи чистой воды и служит на потребу местных жителей. Так как народ жаждал видеть и слушать святого старца, то по временам выходил он из своего уединения на открытое место для беседы с народом. Это место издавна отмечено часовней, к которой каждый год бывает крестный ход в день памяти преподобного.

Почувствовав близость кончины, преподобный собрал братию и преподавал им последнее наставление свое. На свитке иконы его написаны следующие слова его: «Внемлите, о братия моя возлюбленная, Бога бойтесь и страх Его в сердце своем имейте, сохраняйте заповеди Господни, святых церквей не отлучайтесь, святительский и весь освященный и монашеский чин честно соблюдайте; в нынешнем веле, братия моя, потерпите мало и причастники будете Царствию Божию и венцы получите». Преподобный Сильвестр преставился в лето 6887 (1369 г.) апреля в 25 день.

Преподобный Павел Комельский, или Обнорский

В сонме воинов Христовых дивным светилom сияет великий подвижник веры и благочестия преподобный Павел Обнорский. Он родился в Москве от благородных и очень богатых родителей и с раннего возраста являл уже добродетели зрелых богоугодных мужей. Не по летам своим юноша упражнялся в молитве и соблюдал самый строгий пост. Нищелюбие его выходило из ряда обычных явлений. Получая по просьбе своей щедрое пособие от своих благочестивых родителей, Павел не пропускал ни одного нищего без подаяния. Когда же случилось ему встретить бедного, то, не имея при себе денег, он тотчас же отдавал нуждающемуся свою одежду и воз-

вращался домой в одной сорочке. И такие даяния бывали весьма часты. Радовались родители о сыне своем и, наслаждаясь надеждой видеть в нем утешение в старости и достойного наследника своего богатства, нашли для него богатую невесту и понуждали его вступить в брак. Суетными казались благочестивому юноше все временные блага. Презирал он все человеческое на земле и лелеял в сердце своем давно запавшее в него желание удалиться от мира. Долго умолял Павел родителей своих не связывать его ненавистными для него мирскими узами, но, видя, что все сопротивление его напрасно, он в возрасте 22 лет тайно оставил дом родительский и после долгих странствований достиг Рождественского монастыря на Волге, где и принял пострижение. Непрестанное стояние его на молитве, его воздержание, безропотное повиновение и тяжелые труды хотя и возбуждали любовь и удивление к нему опытных старцев, но юный инок был недоволен собой. Он жаждал большего подвига.

В сердце России, среди радонежских дебрей, без предшественника и сверстника, претерпевая голод и жажду, страх от зверей, преодолевая и врагов невидимых, в то время основал Сергей свою обитель. В нее-то и стремился инок Павел. Много лет провел преподобный Павел в келейном послушании у великого чудотворца Радонежского и потом поселился близ монастыря в сокровенном месте, где провел пятнадцать лет в безмолвном уединении. По временам некоторые из братии Радонежского монастыря посещали отшельника. Такие посещения до того утомили преподобного, что он просил благословения у преподобного Сергия скрыться в пустыне, в месте отдаленном и безлюдном. Святой наставник благословил Павла на новое подвижничество и дал ему в дар медный литой крест. С этим надежным наследием преподобный

Павел пришел в пределы вологодские и в Комельском лесу, на реке Грязовице, поселился в дупле громадного дерева. Сергей, прозревая в своем ученике великого светильника Вологодской пустыни, «свидетельствует, яко отец и хранитель его жития (стихиря церковная, января 10) и братиям великия Лавры своя вопияше: сей, иже посреди нас меньший видится, но последи в пустыни велик светильник будет».

Три года, под защитой креста Господня, провел Павел в такой житии, которое непонятно обыкновенному разуму человеческого. По прошествии трех лет, конечно по внушению Божию, преподобный перешел к реке Нурме, в 11 верстах от Грязовца, в Обнорской волости, построил себе на небольшой горе листовную хижину, ископал колодезь и поселился там, по-прежнему избегая человеческого общества. Но Промысл Божий судил иначе. В той же Обнорской волости, на утесистом берегу р. Нурмы, в четырех поприщах от преп. Павла, уже игуменствовал преп. Сергей в основанном им монастыре, известном под именем Нуромского-Спасского.

Преподобный Сергей Нуромский

Преп. Сергей, родом грек, пришел в Россию с горы Афонской в обитель преп. Сергия Радонежского и был некоторое время учеником его. Проведав о новом пустынножителе⁵³, Сергей пошел к преп. Павлу. Он застал отшельника кормящим из рук своих множество птиц, часть которых доверчиво сидела на голове и на плечах

⁵³ Несомненно, Сергей грек пришел в Радонежскую обитель уже в то время, когда Павел в течение 15 лет предавался безмолвию вне монастыря. Поэтому они встретились в вологодских лесах как незнакомые.

угодника. Около него стоял медведь и бегали разные звери. Павел, окруженный животными и птицами, не враждовавшими между собою, напоминал первобытное, блаженное состояние Адама в раю. Долго Сергей наслаждался этим необыкновенным явлением, но наконец обнаружил себя.

Возлюбили друг друга преподобные мужи и часто проводили время в откровенных беседах. Но вот от глубокой старости и трудов изнемог преп. Сергей и почувствовал приближение смерти. Пришел к нему проститься преп. Павел и со слезами принял благословение умирающего, поведал ему о дивном явлении, которое неоднократно приводило его в смущение. «Накануне воскресных дней и праздников мне слышался колокольный звон, — говорит Павел, — и однажды увидел я яркий свет, как бы от горящих свечей и лампад на том месте, с которого доносился неведомый звон». Преподобный Сергей, усмотрев в этом чудном явлении волю Божию, повелел ему заботиться об устройстве на том чудном месте обители во имя Пресвятой Троицы. Воздав последнее целование своему другу и учителю, преподобному Сергию, преподобный Павел приступил к осуществлению завещанного ему основания обители. В 1413 году он пошел в Москву просить благословения у митрополита Фотия на сооружение церкви во имя Св. Троицы и на устройство общежительной обители. Неблагодарно принял Владыка просьбу смиренного инок, но Павел не смущаясь заметил ему, что все совершается не по желанию его, Владыки, а так угодно Пресвятой Троице. «Господь пасет мя, и ничто же мя лишит, — с упованием сказал Павел. — Скорый в заступлении и крепкий в помощи Господь благословил совершиться намеренному благу делу, и вот настало это время», — добавил смиренный Павел. Слово праведника

сбылось. В следующую ночь митрополит видел грозное видение. Он слышал неведомый глас, возвестивший ему, что, оскорбляя человека Божия, он оскорбляет Самого Христа и повелевавший, под страхом наказания, исполнить желание инок.

Наутро святитель приказал призвать к себе смиренного Павла, с честью встретил его, просил с великим смирением прощения и не только разрешил соорудить церковь и устроить общежитие, но дал ему для того щедрое пособие и заставил принять свою собственную одежду в обмен на его ветхую ризу. Это убогое одеяние пустынника было особенно дорого святителю.

В 1414 году, в долине при реке Нурме, преподобный Павел соорудил церковь и основал обитель по общежительным правилам. Когда собралось к преподобному довольное число пустыннолюбцев, он не пожелал быть игуменом, но, назначив начальником обители своего ученика Алексия, облеченного в сан пресвитера, сам остался жить в своей хижине на горе. За неопустительным исполнением братией устава Пахомия Великого и Феодосия киновиярха, который он ввел в своей обители, он зорко следил сам. От братии требовал глубочайшего безмолвия в церкви, за трапезой и даже во время общественных работ.

Преуспевала братия в добродетели, и могло ли быть иначе, когда она имела примером житие дивного основателя? Преподобный сходил с горы в обитель по праздникам и воскресным дням. Но и здесь питался только водой и хлебом. Господь благословил его даром прозорливости, чудотворения и мудрого учительства. Единым словом он исцелял болезни, узнавал тайные помыслы учеников своих и наставлял их с кротостью и любовью нежного отца. В день Богоявления, перед литургией, преподобный Па-

вел внезапно вздохнул и заплакал. Братия просили сказать им о причине слез, на что он объявил, что в этот час татары пленили город Кострому. Через некоторое время пророчество Павла подтвердилось полученным печальным известием.

Почувствовав приближение смерти, преподобный Павел призвал братию и, под страхом гнева Божия, заповедал сохранять ненарушимо устав общего жития. После поучения о смирении и братолюбии он пожелал причаститься Божественных Таин, потом благословил братию и предал дух свой в руки Господни — на 112 году жизни, января 10 дня, 1429 года.

Преподобный Димитрий Прилуцкий

Вологодский чудотворец, преподобный Димитрий родился в начале XIV века в Переяславле-Залесском от богатых родителей купеческого звания. С ранней молодости возлюбил Димитрий пост и молитву и непрестанно помышлял посвятить себя пустынножительству. По смерти родителей он и исполнил свое намерение и был пострижен в иноческий образ в Нагорном Переяславском монастыре. Славно было иноческое житие юного подвижника, глубоким уважением и любовью почтила его братия, преподобный был возведен в сан иерейский. Но любовь и уважение со стороны братии были противны нищему духом Димитрию, и он тайно скрылся из монастыря и поселился в глухом лесу на берегу Переяславского озера. В это время преподобный Сергей Радонежский трудился по основанию Лавры. К нему и отправился Димитрий, чтобы открыть ему все тайные помыслы души своей. Тесная дружба соединила преподобных Сергия и Димитрия. По совету Сергия Димитрий основал на берегу

Переяславского озера Никольский общежительный монастырь, и затем преподобные обсуждали все вопросы, касающиеся устройства иноческого общежития. Быстро росла слава о богоугодном подвижнике Димитрии и широко распространялась по градам и весям земли русской. Великий князь Димитрий Иоаннович призывал в свою столицу преподобного Димитрия и просил его быть воспитателем его детей.

Но не для славы человеческой жил угодник Божий. Димитрий решил оставить свой монастырь, поселился в безмолвной пустыне в Вологодских пределах, недалеко от селения Авнежского, там построил церковь во имя Воскресения Христова и стал подвизаться в уединении. Но не долго наслаждался и здесь пустынножительством преподобный. Окрестные жители, боясь, чтобы их не приписали к возникавшей обители, требовали, чтобы преподобный Димитрий удалился из их пределов. Тогда преподобный перешел ближе к городу Вологде и в пяти верстах от него, при луке, или колене, образуемом рекой Вологдой, нашел место, на котором и пожелал поселиться. Место это принадлежало вологодским гражданам Илье и Исидору. Они не только поспешили отвести преподобному Димитрию необходимое пространство земли для обители, но дали охотно ему и средства, на которые он 1371 году построил церковь Происхождения Честных Древ и основал монастырь, названный Спасо-Прилуцким.

Чудным даром прозорливости прославил Господь угодника Своего. Случилось однажды преподобному быть с братией на монастырском дворе. Вдруг он вздохнул глубоко, перекрестился и сказал, что отныне их благодетель великий князь Димитрий уже не будет заботиться о суетном житии. И с того времени начал поминать новопреставленного князя Димитрия. Непонятным и странным

казался братии этот поступок игумена, — но скоро иноки убедились, что великий князь скончался.

Брат преподобного Димитрия от неудачной торговли впал в нищету и был обременен долгами. Он пришел к преподобному и просил его благословения идти для торговли в землю чуди. Преподобный благословил его. Скоро брат его возвратился из стран самоедских с таким прибытком, что расплатился со всеми долгами. Вторично просит он благословения преподобного идти к язычникам, получает его и возвращается с огромным богатством. Недовольство составляет удел слабой природы человеческой. Разбогатевший брат идет в третий раз к своему брату, богатому великими дарами Духа Святого, и просит благословения на новое предприятие. Но на сей раз преподобный не только не благословил его, но запретил ему идти, предсказывая погибель от язычников. Богач не послушался, отправился в опасный путь и был убит самоедами.

Много скорбел о сиротах, о вдовах и о нищих преподобный Димитрий и щедро награждал их, по возможности втайне от братии. В одежде и в пище он служил всем примером. Зимой и летом он носил одну и ту же одежду из грубых овечьих кож и питался во все дни года, не исключая и великих праздников, теплой водой и просфорой. И при таком великом воздержании он постоянно заботился, чтобы в монастыре имелась для братии в изобилии сытная пища.

Не любил преподобный Димитрий, чтобы его видели молящимся. Он огородил досками в алтаре небольшое место и там, скрытый от взоров, молился он Невидимому Творцу и Зиждителю. О чем молился преподобный? О преуспевании братии в вере и благочестии и о неоскудении обители. И как могущественна была молитва его!

Вместе с преуспеянием братии в подвигах иноческих увеличивалось и внешнее благосостояние обители. Благочестивые христиане длинной вереницей из ближних и дальних стран спешили в Прилуцкую обитель послушать поучения игумена ее и, умиленные его мощным словом, делали посильные приношения для обители. Богатый добродетелями духовными, преп. Димитрий наделен был от природы и необыкновенной телесной красотой. Но избегая соблазна, игумен в часы, свободные от церковной службы, закрывал лицо свое иноческим куколем. Преподобный Димитрий достиг глубокой старости и, предчувствуя свою кончину, собрал братию, возвестил ей, что скоро наступит отшествие его, избрал вместо себя игуменом Пахомия, пришедшего с ним из Переяславля и, благословив братию, просил более не нарушать его молитвенного уединения. 11 февраля 1392 года по всему монастырю разлилось чрезвычайное благоухание. Братия были в недоумении. Но чем ближе приближался кто из них к келии старца — игумена, тем сильнее чувствовал неведомое благоухание. Иноки нашли уже преп. Димитрия представившимся.

Таким образом когда северо-восточное монашество, ожившее в лице преп. Сергия, уже довольно глубоко пустило свои корни в холодную северную почву, — и эти вологодские девственные леса огласились непрестанными славословиями Бога учениками Сергиевыми, тогда и в Вологодском крае стремление к отшельничеству благочестивых людей стало заметно умножаться. Ученики Сергиевы нашли подражателей, которые, в свою очередь, основали вблизи их свои монастыри. В вологодских лесах поселяются: Григорий и Кассиан Авнежские, Дионисий Глушицкий, далее — Корнилий Комельский, Феодосий Тотемский, Александр Куштский и другие, которые, ос-

новав свои монастыри в глуши лесов, произвели благотворное влияние на нравственность общества и даже на гражданственность. Поэтому коснемся жития и деяний и этих угодников вологодских. Григорий и Кассиан Авнежские первые наставления в иноческой жизни получали от преп. Стефана Махрищского. Следовательно, необходимо сделать краткое очертание жития преп. Стефана, который одновременно с преп. Сергием обрек себя на уединенные труды в непроходимых лесах Александровского уезда, Владимирской губернии, в 35 верстах от уединенных подвигов Сергия, с которым Стефан скоро познакомился, был его другом и пользовался его наставлениями, называя его великим аввою.

Преподобный Стефан, друг Сергия

Родиной преп. Стефана был Киев, где он и принял иночество в юных еще летах, в Печерской обители; там он провел несколько лет в подвигах послушания и молитвы. Но притеснения папистов заставили его перейти в Москву, где его благосклонно принял великий князь Иоанн (ок. 1353 г). По грамоте князя и по благословению святителя поставил он себе келью на местечке Махрище, недалеко от гор. Городища, в нескольких поприщах от Сергиевой пустыни, своими руками рубил лес и обрабатывал землю для умеренных нужд своих. И можно ли было сомневаться в том, что отшельник южного края избрал махрищское местечко по указанию и с ведома преп. Сергия? Сперва Стефан не принимал желавших жить с ним, дорожа безмолвием; но потом уступил просьбам приходивших. Когда собралось к нему несколько ревнителей иноческой жизни, он построил храм Св. Троицы, братские келии и общую трапезу. Святитель Алексей посвя-

тил его в иеромонаха и игумена. Это было в 1358 году. Один из местных жителей местечка, Григорий, отдал Стефану свою землю со всем имуществом, принял иночество в его обители и был самым любимым учеником его. Зато братья Юрковские, жившие также близ обители, подняли самое злостное гонение на Стефана: они нагло бранили его и грозили убить, если не уйдет из тех мест; они боялись, чтобы земля их не отошла под монастырь. Напрасно он уговаривал их одуматься. «Бог простит вас, друзья: вас смущает враг», — говорил он. Но Юрковские говорили вслух, что убьют Стефана. Тогда преподобный, всегда кроткий, поручив обитель свою заведыванию старца Илии, тайно ушел из обители, взяв с собою ученика своего Григория. Вологодские леса могли еще скрыть гонимого подвижника: он туда и удалился. Здесь в княжестве Авнежском (Тотемский уезд) при устье р. Сухоны, на возвышенном холме, остановились странники и пребывали некоторое время в уединении. Узнал между тем о новых подвижниках вологодских некий богатый и влиятельный селянин — Константин Дмитриевич, все свое состояние обратил в деньги, которые и принес к Стефану, — для устройства новой обители; отдал и себя в его руководство. Имея в распоряжении достаточный капитал, преп. Стефан скоро устроил две церкви: одну в честь Святой Троицы, другую — во имя Св. Георгия, устроил братские келии и все необходимые для обители строения, а благочестивый Константин — был первый постриженник в этой обители — с именем Кассиана. При таких-то обстоятельствах появилась Авнежская обитель. Иноческая жизнь процветала в Авнежском монастыре под руководством блаженного Стефана и привлекала к себе всеобщее внимание и уважение. Слух о подвигах Стефана и его учеников скоро донесся и до престола Московского. Ве-

ликий князь Димитрий Донской прислал богослужебные книги и богатые дары в Авнежскую обитель, но потребовал, чтобы Стефан возвратился в Махрищский монастырь, уверяя его, что он более не встретит никаких оскорблений. Исполняя волю державного князя, преп. Стефан назначил преемником своим в Авнежском монастыре Григория, а келарем Кассиана и, преподав им мир и благословение, удалился в Московское княжество.

Прошло шесть лет со времени отшествия Стефана. В 1392 году казанские татары и вятичи, опустошая вологодские пределы, напали и на Авнежский монастырь, разорили его совершенно, церкви сожгли, а преподобных Григория и Кассиана замучили. По удалении хищников поселяне обрели тела страдальцев Христовых Григория и Кассиана и погребли на месте их подвижничества. Со временем место, где стоял монастырь, заросло лесом. В 1560 году над местом, где погребены были преп. Григорий и Кассиан, явлены были многие знамения и чудеса. Мощи их были открыты 15 июня митрополитом Макарием. Возвращение преп. Стефана в Махрищскую обитель было неописанным восторгом радости для его учеников. Возвратившись в свою обитель, преп. Стефан сделал распоряжение о чине полного общежития и преподавал наставление братии строго следовать этому чину. В первой части этого сочинения было сказано, что Стефан, пользовавшийся наставлениями преп. Сергия, однажды имел величайшее удовольствие дать приют на несколько дней в своей обители великому авве — Сергию. В таком ближайшем союзе духовном состояли великие отцы Церкви Русской — Сергий и Стефан.

Сколь строгий к себе, преп. Стефан был столь же снисходителен к другим; он не гневался на проступки учеников и трудился для обители более всех; усердно на-

ставлял братию путем спасения, но говорил наставления кротко, тихо и в просительном духе. Одежда на нем была всегда самая худая, грубая и в заплатах. Обитель его по его молитве и трудам приходила в более и более цветущее состояние, — братия ревновала о благочестии, миряне приходили к преподобному для молитвы и советов; нищие и бескровные в обители находили радушный приют и гостеприимство. Достигнув глубокой старости, Стефан поручил управление монастырем благочестивому старцу Илии, а сам, приняв схиму, затворился в своей келии и перешел в загробную жизнь для вечного блаженства 14 июля 1406 года. Мощи преподобного обретены нетленными при построении каменного храма Св. Троицы в 1550 г.; на персях Стефана найден кожаный параман с изображением Господних праздников.

Преподобный Дионисий Глушицкий

Преподобный Дионисий, в миру Димитрий, родился недалеко от Вологды и пострижен в обители Спасокаменной святогорцем игуменом Дионисием; в этой обители под руководством духовного старца он прожил в великом воздержании 9 лет. Потом явилось у него непреодолимое влечение к отшельничеству. Он обошел с учеником Пахомием восточную сторону Кубенского озера, ища себе безмолвного уединения. На святой Луке, найдя запустевшую обитель, поставил хижину, возобновил храм св. Николая (не эта ли Никольская обитель, в которой первоначально подвизался Димитрий Прилуцкий?) и восстановил древний общежительный монастырь. Архиепископ Ростовский Григорий удостоил Дионисия священства, когда он хлопотал еще о восстановлении запустевшей обители. Жизнь Дионисия в возобновленной им обители

до того была сурова и изнурительна от великого воздержания и келейных подвигов, что ученик его, Пахомий, стал наконец тяготиться этой жизнью. Дионисий со своей стороны желал составить общежитие для спасения многих. «Я слышал, — сказал он Пахомию, — что на восточной стороне Кубенского озера есть пустынное место; там желал бы я, если угодно Господу, составить общежительный монастырь, ты же останься здесь — и пусть остается с тобою недавно пришедший к нам брат» — и удалился.

На реке Глушице, в глухом лесу, подвижник Божий поставил себе хижину под черемухой и стал подвизаться. Спустя некоторое время пришел к нему старец, и он обрадовался ему, как ангелу. Затем начали приходить по два и по три и селились вблизи кельи Дионисия. В 1403 году построен был, при содействии князя кубенского Димитрия, храм Покрова Пресв. Богородицы. Григорий, архиеп. Ростовский, преподавая благословение на устроение обители и создание храма, советовал Димитрию учредить общежитие, чтобы ничего не называть своим, а все иметь общим, как было при апостолах. Преподобный исполнил совет архипастыря — и прежде всего в отношении себя: он то плотничал, то шил обувь для своих учеников. Для храма, построенного в 1412 году, преподобный сам писал иконы. Он назначил послушания братьям по церкви и по монастырским работам и строго наблюдал за соблюдением порядка. «Дети, — говорил он братьям, — не смущайтесь трудами пустыни. Многими скорбями надобно достигать небесного царствия. Наш удел — пост и лишения всякого рода. Молитва наша должна быть непрестанная — и от чистого сердца. О милостыни к нищим будем помнить слова Спасителя: блаженны милостивые». Он строго требовал, чтобы у инока не было никакой собственности и чтобы без благослове-

ния настоятеля ничего не делали. Один инок вопреки уставу общежития держал у себя в келии 10 ногат (монеты кожаные). Это обнаружилось после его смерти. Преподобный велел выбросить ногаты вместе с телом послушника: послушание, говорил он, погибель. По усердной лишь просьбе иноков — разрешил виновного. Такая строгость Дионисия обнаруживалась и в других, по-видимому, не важных поступках братии. Например, один старец Антуфий без благословения Дионисия пошел ловить рыбу, и наловил очень много. Дионисий велел выбросить всю рыбу.

Поучительно было нищелюбие Дионисия. Случился голод в стране, и преподобный щедрой рукой раздавал хлеб страдавшим от голода. Щедрость его дошла до того, что экононом монастырский объявил в один день настоятелю, что хлебных запасов осталось только на несколько дней для братии, и просил настоятеля прекратить эту излишнюю щедрость. Тогда Дионисий отвечал: «Верен сказавший нам: не пекитесь о завтрашнем дне; знает Отец Небесный, в чем имеете нужду. Он же говорит: суд без милости не сотворшим милости» — и приказал выдать весь запас хлеба нуждающимся.

Когда Глушицу стали посещать многие, любитель безмолвия, Дионисий удалился за 4 версты в непроходимую дебрь и у огромной сосны, оставившей и месту название Сосновца, построил себе келию, а потом небольшой храм во имя ангела пустыни Предтечи. Но и сюда перешли некоторые из Глушицы: преподобный положил, чтобы Сосновец был под управлением одного настоятеля глушицкого и самое содержание получал из Глушицы. Для Сосновецкого храма преп. Дионисий написал все иконы. Заботясь о распространении славы Имени Божия, Дионисий в 18 верстах от своей Лавры — на р. Сухоне

построил храм во славу Воскресения Христова с тем, чтобы окрестные жители могли в нем слушать слово Божие и учиться страху Божию. Другой храм построен им в селе Двинице по просьбе его жителей: иконы для этих храмов он написал сам. За несколько лет до своей кончины преп. Дионисий своими руками ископал для себя могилу в пустыне. Ежедневно отшельник приходил на свою могилу и, несмотря ни на какую погоду, оставался перед нею нередко всю ночь в созерцательном размышлении о загробной жизни.

Открыто было преподобному о дне кончины; сказав братии поучительное слово, он предался совершенному безмолвию, и скончался на 75 году труженической жизни 1 июня 1437 г.

Под руководством преп. Дионисия воспитались многие благоугодившие Богу мужи; таковые были Амфилохий, преемник Дионисия, мощи которого почивают рядом с наставником; Филипп, который потом основал пустынную обитель на р. Рабанге, где и почил в 1448 году; Макарий, келейник Дионисия и Амфилохия, мощи которого почивают в Глушице; память его 13 мая; и Григорий, основавший при р. Пельгеме обитель в 1426 г.

Преп. Александр Куштский и Евфимий Сянжемский

На пустынный остров Кубенского озера в Спасокаменную обитель⁵⁴ является неизвестный молодой странник, робко подходит к инокам, стоящим перед воротами обители, и смиренно кланяется. «Бог благословит тебя,

⁵⁴ Спасокаменный монастырь построен в 1278 г. князем Глебом Васильевичем, с 1418 г., со времени Дионисия, он получил всеобщую известность, имел приписные монастыри. См. Ратшин А. Описание монастырей.

чадо; что нужно тебе?» — сказали иноки. Пришедший отвечал, что желает видеть их игумена. Игуменом этой обители был в то время постриженник афонских ски-тов Дионисий, который ввел в Каменном монастыре строгий афонский устав; примером строгой жизни привлек к себе многих ревнителей подвижнической жизни и был между прочим наставником преподобного Глушицкого и Сосновского отшельника Дионисия. Пав к ногам настоятеля, молодой странник со слезами просил облечь его в иноческий образ. «Чадо! — сказал ему игумен. — Пони-маешь ли, что это место есть место скорбей и не-ослабных подвигов? Ты же очень юн — и не можешь пе-ренести всего того, что ожидает тебя здесь». Юноша от-вечал: «Бог желает всем спасения. Он привел меня сюда, и все, что повелишь, готов я исполнять, только не отвер-гай меня». Игумен велел ему служить братии. Этот моло-дой странник был родом из Вологды и прозывался Алек-сием. Вскоре Дионисий заметил в Алексии истинное при-звание к иночеству и облек его в иноческую одежду с именем Александра. Новый инок предался всецело Богу, выполнял все монастырские послушания, соблюдая стро-гий пост, не ослабевая пребывать в молитве, и сонливую лень прогонял рукоделием, пребывая без сна нередко целые ночи. Братия дивились подвигам инока. Блажен-ный возрастал в жизни духовной, и уважение братии к его духовной жизни возросло до того, что они смотрели на него, как на ангела Божия.

Тяготясь известностью в обители, которую посещали многие, и стремясь к подвигам, незримым людьми, бла-женный Александр помышлял, как бы найти ему пусты-ню по сердцу своему. Тайно оставив монастырь, отпра-вился он искать безмолвное место и, обойдя много пус-тынь, пришел на реку Сянжему, где были густой лес и

озера. Здесь поставил он себе кельицу и проводил жизнь в молитвах и крайних лишениях. Мало-помалу стали приходить к нему люди и изумлялись жизни пустынника. Любитель безмолвия и смирения удалился и отсюда. Он пришел на берег Кубенского озера, в устье реки Кушты. Здесь нашел он преп. Евфимия, о котором слышал прежде, и провел с ним некоторое время. Потом просил он Евфимия уступить ему свою келью, предлагая взамен оставленную им на Сянжеме. Евфимий согласился, и на прощанье оставил ему в благословение свой крест. Тихая пустыня очень понравилась Александру. Подойдя ближе к озеру, водрузил он крест и пред ним пролил молитву, чтобы Господь благословил собрать здесь ревнителей крестного пути. Построил он себе келью, одиноко копал лопатою землю и сеял рожь для своего пропитания. Долго оставался пустынник незнаем людьми, изнуряя плоть подвигами поста и трудов и очищая душу молитвой. Когда же пришли к нему два брата с просьбой принять их под свое водительство, то преподобный сказал: «Братия, душевно желал я давно построить на этом пустынном месте, если угодно Господу, храм в честь Успения Богоматери, в котором бы непрестанно прославлялось великое имя Бога. Ныне настало время исполниться сему». «Воля Господня да будет», — отвечали они, радуясь желанию старца. Преподобный отправился в Ростов к епископу Дионисию, бывшему своему игумену, просить его благословения на сооружение церкви и обители. Обрадовался святитель, увидев своего возлюбленного ученика, и не только дал ему просимое благословение, но и достаточные средства. Заозерские князья Димитрий и Симеон Васильевичи Ярославские весьма обрадовались тому, что появляются новые молитвенники в их вотчине, и усердно помогали Александру в благоустройстве обители. Особенно

княгиня Мария, супруга Димитрия, часто присылала жизненные припасы для обители. Спустя некоторое время кн. Димитрий отправился на войну; а татары напали на его владения, опустошили села и деревни. Несколько татар прискакали в пустыню Александра. Преподобный спокойно встретил их, осенил крестом — враги креста Христова пали мертвы. Они пролежали несколько часов без всяких признаков жизни, пока преподобный не пробудил их от омертвления именем Живоначальной Троицы.

Раз княгиня Мария пришла в обитель и вошла в храм, где преп. Александр читал Псалтирь в простоте пустынной с обнаженною грудью, которую терзали насекомые. Преподобный огорчился таким посещением ее и сказал: «Не следует тебе, княгиня, надзирать за нашим убожеством». Когда княгиня испросила у преподобного прощение, то он прибавил: «Корми свою нищету дома». Возвратясь домой, она скоро занемогла и прислала к игумену с просьбою помолиться о ней; но преподобный сказал посланным, чтобы она готовилась к той жизни. Княгиня скончалась через 20 дней.

Некий поселянин захотел воспользоваться чужим добром. На монастырском гумне стояла пшеница, плод трудов преподобного, а рабочие все спали. Поселянин насыпал в мешок пшеницы, но никак не мог поднять. Преподобный застал его за этой работой и сказал: «Напрасно, сын мой, ты поднимаешь не по силам». Обличенный тать бросился к ногам блаженного: но он велел ему еще прибавить пшеницы и тогда идти. Легко подняв затем мешок с пшеницей, поселянин благословлял великодушного старца.

Предчувствуя близость кончины, преподобный Александр призвал учеников своих и сказал им: «Слабею я, а вы терпите на этом месте, храните смирение и любовь

взаимную». Совершив литургию в воскресный день, со слезами за себя и за обитель, он вскоре после литургии скончался. Это было 9 июня 1439 года.

Преподобный Евфимий, как и Александр — уроженец вологодский. Он совершал первые иноческие подвиги в той же Спасокаменной обители. Уступив великодушно Александру свою хижину на Куште, он перешел на место подвигов Александра, на реку Сянжему: сюда пришел к нему делить подвиги пустыни Харитон. Евфимий поставил церковь Вознесения и основал Сянжемскую Вознесенскую обитель. Преподобный Евфимий после изнурительной, многотрудной жизни преставился в 1465 году, а ученик его Харитон в 1509 года, апреля 11 дня. Мощи их почивают в Вознесенском (ныне приходском) храме.

Мир иноческий в вологодских пределах продолжал обогащаться высокими идеалами христианского совершенства даже и в XVI веке. И в этом веке появлялись ревнители подвижничества первых отшельников вологодских лесов — Павла, Сергия и Селивестра Обнорских, непосредственных учеников великого Сергия, которых Вологодская церковь причислила к лику святых угодников Божиих и чтит как первоначальных насадителей благочестия на святой Руси. В XVI веке в глухих тогда еще вологодских лесах они основали монастыри и имели многих последователей, среди которых Феодосий Тотемский и Стефан Озерский.

Преподобный Феодосий Тотемский

Преподобный Феодосий родился в царствование или княжение великого князя Василия Иоанновича в Вологде, от бояр Сумориных. По воле родителей Феодосий по до-

стижении им совершеннолетия должен был вступить в брак, и имел дочь Марину. После женитьбы Феодосия недолго жили его родители, а за ними скоро скончалась и жена его. Тогда Феодосий поспешил исполнить таившееся в нем от юности желание посвятить себя иночеству. Он немедленно удалился в Спасо-Прилуцкий монастырь, где был пострижен в иноки. Замечательны были и постничество инока Феодосия, и его безропотное послушание. Он был назначен надзирателем за солеварней в Тотме. В Тотме Феодосий приобрел такую всеобщую любовь и уважение, что посадские жители просили царя Иоанна Васильевича позволить преп. Феодосию построить монастырь на горе, близ города. В 1554 году царь дал на то свое согласие и освободил обитель несудимой грамотой от всяких податей. Окрестные жители охотно приносили пожертвования имуществом и деньгами, и скоро Феодосий соорудил церковь во имя Преображения Господня и, по общежительному чину, келии и трапезу. Число братии умножалось, и обитель исполнилась великим обилием. Царь Иоанн в 1555 году даровал обители, за преуспевание в ней благочестия, грамоту на монастырские солеварни и на беспошлинную продажу соли, а преп. Феодосия назначил игуменом в устроенную им обитель. Для всех были заметны и поучительны кротость и смирение игумена. Не скрывалось и чрезвычайное пощение, и его непомерные труды, но никто не видел, что под суровой власяницей подвижник скрывал много лет железные вериги, и столь тяжкие, что железо вросло в тело, и тем причиняло веригоносцу нестерпимую боль. Так истощал тело свое преподобный. 28 января 1568 года преподобный Феодосий в час смерти, которую провидел, приобщился Св. Таин и вскоре, с миром и незаметно для окружавших, отошел ко Господу.

Теплым молитвенником и врачом безмездным Вологодская церковь величает угодника Божия Феодосия. Не прошло и сорока лет со дня преставления преп. Феодосия, как начались знамения и исцеления от его гробницы. Вот первое чудо, совершившееся над жительницей Тотмы, девицей Ириной. Несколько лет она лежала расслабленной. Однажды в сонном видении ей явился инок с иконой Богоматери и повелел идти в Спасо-Суморин (Тотемский) монастырь и отслужить там молебен. Ирина просила отнести себя в монастырь. После молебного пения она внезапно получила исцеление и совершенно здоровой возвратилась к родителям.

Второе чудо совершилось над тотемской же поселянкой Иустиною. Она вследствие болезни потеряла зрение и 11 лет была слепа. Когда разнеслась весть об исцелении Ирины, то бедная мать привела слепую дочь ко гробу Феодосия. После молебного пения мать попросила позволение у настоятеля остаться на всю ночь в церкви. Ночью внезапно слышат они шум вне храма. Мать взглянула в окно и увидела двух монахов, разговаривавших между собой. На вопрос одного из них: «Куда он идет»? — тот отвечал: «Иду омыть освященною водою очи Иустине». В великом страхе мать и дочь припали к раке преподобного. Тогда им послышалось пение незримых ликов и Иустина почувствовала, что ее окропляют водой и оттирают глаза покровом от гробницы. Какова была радость женщин! Какова была радость и братии, когда на утро они увидели прозревшую Иустину и услышали о дивном знамении! Отсюда потекли неоскудные токи исцелений, не оскудевающих и доныне, от мощей преп. Феодосия, почивающих открыто в Тотемской обители.

Преподобный Стефан Озерский

Отец преподобного Стефана служил при дворе князей Бородатых; в доме благочестивых родителей сын получил приличное званию воспитание. В ранней молодости Стефан, слушая рассказы о подвижниках, увлекся их жизнью и удалился из родительского дома к глушицким подвижникам, где и провел несколько лет. Потом странствовал по дальним северным пустыням и, увлекаемый стремлением к безмолвию, возвратился в родные вологодские пределы и на восточном берегу Комельского озера, при истоке р. Комелы, поставил себе келью и часовню, а в ней иконы Богоматери и св. Николая, и стал подвизаться, незнаемый людьми и знаемый единым Богом. Много вытерпел он нужд и огорчений в своей пустыне: грубый рыболов, опасаясь, что преподобный овладеет ловлей рыбы в озере, то осыпал его жестокой бранью, то возмущал неприличными песнями. Запас хлеба принесен был Стефаном небольшой, и ему, казалось, грозил страшный голод. Но проходит год, проходит другой, а запас хлеба был почти не тронут им, и он, не беспокоясь о завтрашнем дне, разделил хлеб с голодными звероловами, нечаянно подошедшими к его хижине. После этого звероловы стали часто посещать гостеприимного отшельника, а от них узнали о нем и другие. Спустя три года одинокого пребывания в пустыне пришли к Стефану два брата делить труды пустыни, потом явилось еще несколько с подобными же желаниями. Молился прежде преподобный в своей часовне, дабы Матерь Божия благословила место его для обители молитв; тогда в видении он извещен был, что обитель должна устроиться в честь св. Николая. Ревнители пустынной жизни просили старца устроить храм для общественных молитв. И вот с одним из

них отправился Стефан в Москву испросить благословение у митрополита на построение храма и обители. Митрополит Даниил с любовью принял старца, о котором уже услышали многие в столице, поместил его в своей келье, потом представил его великому князю Василию Иоанновичу. Посвященный в сан иерея и игумена, Стефан получил от митрополита вместе с грамотой книги, сосуды, одежды для храма, а великий князь даровал ему угодья. Храм и обитель были устроены руками пустынников в 1534 году. Так истинные рабы Божии считали нужным совершение бескровной жертвы в пустыне и приобщение Св. Таин. И преп. Кассиан пишет: «Мы не должны воздерживаться от приобщения Таин Господних потому, что признаем себя грешными. Напротив того, чаще и чаще должны прибегать к ним с жаждой для уврачевания и очищения духа. Гораздо справедливее с тем смирением сердца, по которому веруем и ясно сознаем, что достойно прикасаться к Св. Тайнам мы никогда не можем, приобщаться их каждый воскресный день, нежели вознесшись суемудрием думать, что мы чрез год бываем достойны приобщения их». Преподобный Стефан во время уединенного пребывания в пустыне следовал древним пустынникам: что все иночествующие в пустыне, хотя бы и не облеченные в сан священства, держат причащение при себе и причащаются сами. Преп. Стефан достиг глубокой старости; накануне своей кончины он оделся в приготовленное им погребальное одеяние и, приведенный в церковь, приобщился Св. Таин, потом возвратился на одр свой и блаженно почил 12 июня 1542 г. Вскоре после кончины преп. Стефана Господь даровал ему силу чудотворений. Вологодский купец Гавриил глубоко уважал преп. Стефана и благотворил его обители; преподобный отплатил ему вскоре по своей кончине. Гавриил плыл во-

дой по своим торговым делам. Поднялась страшная буря, и волны грозили поглотить лодку. Объятый ужасом пловец призывал на помощь угодников Божиих и между ними блаженного Стефана. И внезапно увидел он стоящего на руле лодки благолепного старца, который говорил ему: «Не бойся, сын смирения, я послан избавить тебя от опасности». «Кто же ты?», — спросил Гавриил. «Ты много милости подавал в обитель св. Николая и мне, смиренному строителю ее Стефану», — отвечал явившийся и исчез, а вслед за тем буря утихла. Итак, сеющий доброе доброе и пожнет: но суд без милости тем, кто не сотворил милости.

Монастыри в Костромской губернии и Ростовском уезде

Преподобный Авраамий Чухломский

Преподобный Авраамий был один из первых учеников преп. Сергия. Еще с молодых лет Авраамий всей душой возлюбил Господа и был пострижен в иночество преп. Сергием. В его обители он сперва выполнял послушания в хлебне и поварне, потом носил дрова и воду для братии. После долгого послушания, окрепнув в духовной жизни, он удостоен был сана священства, но испросил у наставника благословение провести некоторое время в совершенном безмолвии. Потом, стремясь к высшему духовному совершенству и увлекаясь примером других, по благословению Сергия, удалился в дикую тогда галицкую страну и здесь стал подвизаться.

Как-то молился он под горой и услышал голос: «Авраамий! Взойди на гору, там икона Богоматери». Поспешно взойшел Авраамий на гору и увидел сияющую ярким светом икону, стоявшую на дереве. Обрадованный этим явлением, Авраамий поставил близ дерева келью и поселился в ней. Полусгнившие сухари, взятые им из пустыни Сергиевой на дорогу, утоляли его голод, а чистая вода ближнего источника прохлаждала жажду. Пустынник был счастлив, пользуясь видимым покровительством Царицы Небесной. Никакие ночные страхи и козни врагов невидимых не могли поколебать душу мужественного воина. Однажды поселянин подошел к той горе и неожиданно нашел пустытника, черпавшего воду из источника. По

дозволению преподобного он обещался тайно приносить ему по одному хлебцу в неделю, ибо запас сухарей у него уже истощился. Но и это обнаружило убежище дивного пустынника. О нем и его чудной иконе услышал и галичский князь Димитрий Федорович и едва упросил преподобного посетить Галич. Преп. Авраамий достиг Галича озером на небольшом корабле, который прислал ему князь, и встречен был духовенством и народом при входе в город; набожный князь встретил святую икону в Спасском соборе. Здесь преподобный отпел молебен Богоматери с водоосвящением, и многие больные получили исцеление. Благочестивый князь решил устроить обитель в честь Успения Богоматери на месте явления чудотворной иконы и дал Аврамию на то и средства. Давно князь чувствовал нужду в устройении обители в пределах своих владений, и как обрадовался он, что Господь послал в эту страну подвижника Аврамия! Озеро, на берегу которого поселился Авраамий, называлось Чудским. Это уже показывает, с какими людьми пришлось иметь дело преп. Аврамию. Чудь галичской страны уже знакома была с христианством, но поверхностно и слабо; обычаи и нравы были грубы, язычество еще жило в сердцах и открывалось в делах, волхвы давней старины для многих более значили, чем чистая святая вера. Поэтому была нужда явить славу христианства грубой чуди и особнным чудом, и человеком великого духа. Авраамий боролся в чудской стране и с нуждами обители, и с грубостью поселян. Он часто собирал к себе суеверов и убеждал их расстаться с суевериями, указывая на величайшие чудеса, совершавшиеся в христианстве, и на те, которые во множестве совершились от св. иконы, принесенной им. А еще чаще молился он за них перед иконою Богоматери. И не бесплодны были труды его! Получавшие исцеление от иконы

Богоматери и сами искренно убеждались в превосходстве св. веры, и других убеждали в том же. Успенская обитель процветала и стала многолюдной. Ревнители подвигов Авраамия являлись каждый день. Устроив совершенно обитель, преподобный учредил в ней строгое общежитие и назначил игуменом ученика своего Порфирия. Усматривая готовность и усердие братии в выполнении всех требований общежительного устава, Авраамий однажды тайно скрылся из монастыря, любя уединение. За 30 верст от Успенской обители, на берегу небольшого озера, он нашел живописную местность и стал здесь подвизаться отшельнически. Спустя некоторое время ученики узнали о месте, где скрылся их учитель, и пришли умолять его, чтобы возвратился к ним в обитель. Но Авраамий согласился только на то, чтобы остались при нем некоторые из них. По просьбе их он устроил им храм в честь Положения Пояса Богоматери, а с помощью набожных людей устроил вскоре и общежительную обитель, которая стала называться великой пустынью Авраамиевою. Опять преподобный удалился из обители на р. Вочу, убегая от многолюдства. Ученики нашли его и здесь и стали около его хижины ставить кельи. Как любящий отец, Авраамий благословил их построить храм в честь Собора Богоматери. Итак, образовалась и на р. Воче обитель, для которой Авраамий назначил игуменом ученика своего иеромонаха Пафнутия. Еще раз преп. Авраамий скрылся от учеников своих. В 13 верстах от Вочской обители он избрал такое место, где пребывание его более, чем где-либо, имело благодетельные последствия. Он поселился под горой, на вершине которой стоял чудский город. Это было гнездо старого чудского суеверия, до которого еще не достиг луч света Святого Евангелия. Здесь нужно было много света и силы небесной, чтобы рассеять оставшийся мрак языче-

ства. Преподобный решил посвятить себя на величайший подвиг апостольский. Когда собрались сюда ревнители духовной жизни, Авраамий со всей ревностью подвижника основал на чудской горе храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы, испросив на то и разрешение, и содействие князя Димитрия. Он сам на старческих плечах своих носил землю для укрепления крутого берега и вместе с учениками трудился при устроении монастырских зданий. Скоро в новой Покровской обители оказалось до 100 братий. Авраамий с сильным оружием духовным выступил на борьбу с закоренелым язычеством. Чудное действие производит на сердца посетителей община подвижников благочестия! «Бедный, посетив обитель иноков, — говорит св. Иоанн Златоуст, — идет из монастыря с утешением для бедности; посещает иноков богатый и возвращается от них лучшим с здоровыми понятиями о вещах; когда приходит к ним облеченный саном, пропадает здесь вся надменность; здесь и волков обращают в агнцев; если загорелось в ком желание вести подобную прекрасную жизнь, пока горячо в тебе это желание, спеши к ангелам и разгоришься еще более»⁵⁵. Таково именно было значение Авраамия в чудской стране! Он сам жил уединенно под горой, но сюда приходили к нему ученики для исповедания своих помыслов; сюда же приходили и окрестные жители и получали полезные наставления. Чудский город стал христианским. Чухломская страна по всей справедливости чтит преп. Авраамия своим просветителем. Городецкий свой монастырь Авраамий передал под начальство ученику Иннокентию и мирно почил 20 июля 1375 года.

⁵⁵ 8-я беседа св. Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея.

Преподобный Иаков Железноборский

В 1392 г. преподобный Сергей, уже приближаясь к закату дней своей жизни, благословил еще одного из учеников своих — Иакова — на отшельничество. Иаков долго странствовал по лесам и пустынным местам, наконец достиг Галича и в 30 верстах от города — своей родины, в глухом лесу, у железных рудников, поставил крест и хижину. Окруженный непроглядной чащей леса и болотами пустынник, казалось, был совершенно сокрыт от мира. Уединенные подвиги свои Иаков совершал несколько лет. Но Господу угодно было открыть его убежище, для поучения мира. Первыми нашли чудного подвижника возделыватели и изыскатели железной руды. Преп. Иаков был в разодранном рубище, а в его хижине, кроме иконы и двух—трех книг, не было ничего, и ни куска хлеба. На вопрос рудокопов, чем он утолял голод, Иаков отвечал: кореньями и травами. Редко ходил он за хлебом к некоему христоробицу, жившему в той местности. Преп. Иаков, родом из галичских дворян Амосовых, так долго скрывавший себя от людей, сделался усердным насадителем иноческой жизни на своей же родине. Вскоре после открытия уединенного пребывания Иакова собрались к нему ревнители уединения. Слава о необыкновенных подвигах его достигла и до столицы. Он устроил строгое общежитие: в обители никто ничего не называл своим; его пример одушевлял учеников к строгой жизни. По примеру наставника ученики благодушно терпели нужду и скорби; Иаков учил их чистоте душевной и телесной, посту, взаимной любви, терпению и смирению. Учение свое он подтверждал и примерами: будучи игуменом обители, он старался быть ниже всех и, вопреки желанию учеников, он был всем слугой. Предтечевская Железноборская

обитель первоначально была весьма бедна: братия претерпевала страшную нужду; но никогда никто из них не возроптал на игумена, все переносили благодушно всякую нужду. Наконец Господь облегчил терпение и нужды железноборских подвижников. Около 1415 года преп. Иаков отправился по делам монастырским в Москву и остановился на время в Предтеченском монастыре, под Бором. В доме великого князя Василия Димитриевича происходили в это время печальные семейные события. Супруга его София Витовтовна страдала родами и была при смерти. Все средства были употреблены для облегчения страданий княгини; но все было напрасно. Великий князь был совершенно убит горем. Но узнав о прибытии в Москву преп. Иакова, он послал просить преподобного помолиться за умирающую княгиню. Иаков велел сказать князю: «Молись Богу и Пречистой Матери Его; о княгине не скорби, будет здрава и в этот же вечер родит тебе сына, наследника престола». София благополучно родила сына Василия. Признательный великий князь сделал богатые вклады в обитель преп. Иакова и определил земли и угодья для безбедного существования братии. Железноборская обитель пришла скоро в цветущее состояние: зацвели тучные поля и луга, преп. Иаков выкопал своими руками обширные пруды и построил многие монастырские здания.

В 1429 году сильное искушение испытали обитель Иакова и ее окрестности. Многочисленные шайки казанских татар опустошили окрестности Галича и Костромы, взяли множество пленных, но преследуемые воеводой Федором Добрынским, все погибли, не воспользовавшись награбленным имуществом. Преп. Иаков ушел с учениками своими от страшной бури в глубь лесов. По возвращении на место подвигов он должен был поднимать оби-

тель из развалин. Но при содействии великого князя обитель скоро приведена была в прежнее цветущее состояние. Для окрестных жителей преп. Иаков был истинным отцом и благодетелем. После татарского погрома появилось множество бедных и голодных: преподобный кормил всех приходивших и помогал всем, сколько мог. Преподобный Иаков дожил до глубокой старости и упокоился от трудов своих 11 апреля 1442 г.⁵⁶ Мощи его почитают в Предтеченском храме.

Преподобные Феодор и Павел Ростовские

Около 1363 года Феодор, из новгородских граждан, пленившись высоким идеалом иноческой жизни и стремясь к уединению, тайно покинул дом родителей и остановился в нескольких верстах от родины наставника иноков преп. Сергия, в Черном лесу при р. Устье. Устроив себе шалаш в чаще леса, Феодор около трех лет совершал свои подвиги, незнаемый людьми. Через три года пришел к нему из новгородской же страны Павел и устроил себе так же хижину из ветвей древесных. Чтобы утолять голод, отшельники вывешивали при дороге кузов, куда пешеходы и клали куски хлеба. Скрывая себя от людей, они в глубокую ночь выходили из своих хижин и брали куски из кузова. В 1363 году преп. Сергей отправился с поручением от великого князя Дмитрия Иоанновича к ростовскому князю Константину, чтобы убедить его признать власть великого князя. При дороге заметил он висевший кузов, по которому узнал о пребывании в Черном лесу

⁵⁶ Так говорит книга о монастыре св. Иакова, изданная в Москве в 1852 г. В некоторых календарях отмечается, что преп. Иаков преставился в 1382 г. Это неверно. Едва ли он находился в Лавре у преп. Сергия в этом году; он пришел к Сергию позднее.

отшельников. Исполнив с успехом данное ему княжеское поручение, на обратном пути из Ростова преп. Сергей отыскал Феодора и Павла. С великой радостью приняли пустыnnики отца иноков и открыли ему все желания и намерения. Сергей ободрил отшельников, преподавал им благословение на устройство обители, на избранном им месте сам заложил храм в честь благоверных страстотерпцев Бориса и Глеба, утвердил в старейшенстве Феодора и предсказал пророческим духом известность обители и невидимую помощь от св. князей. Пророчество Сергия не замедлило подтвердиться на самом деле. После тяжких трудов по устройению храма Феодор и Павел однажды лежали на земле. Вот подходят к ним два воина в княжеских блестящих одеждах и панцырях. «Держайте! — говорят они отшельникам. — Мы будем помогать вам для пользы». «Кто же вы, доблестные воины?» — спросили отшельники, но воины уже скрылись, и они слышали только слова: «Я Роман» и «Я Давид». Укрепившись этим небесным явлением, отшельники с великим усердием стали продолжать начатое дело. Ростовский князь Константин, узнав, что преп. Сергей положил начало устройства обители в его владениях, помог отшельникам своими средствами в ее устройении, и вот в Черном лесу вскоре возникла благоустроенная Борисоглебская обитель. К дню памяти страстотерпцев стали стекаться множество богомольцев, которые усердно жертвовали свои лепты на нужды монастырские. Ростовский князь учредил около монастыря ярмарку, и пошлины за право торговли приказал собирать в пользу монастыря. Число иноков постепенно увеличивалось. Преп. Сергей, путешествовавший неоднократно в северные города, всегда заходил в Борисоглебскую обитель и укреплял братию. Между тем преп. Феодор, будучи уже в преклонных летах, поручив пер-

венство в Борисоглебской обители Павлу, удалился для уединения в вологодские леса и там на берегу Кубенского озера поставил себе хижину. Но грубая чужь разметала хижину преподобного, и он едва избежал насильственной смерти. Преп. Феодор избрал тогда для хижины иное место, на другом берегу озера при устье реки Ковны, и основал Никольскую обитель. Для обеспечения в безбедном продовольствии братии новоучрежденной обители преп. Феодор путешествовал в Москву к удельному князю Андрею Дмитриевичу и испросил у него свободную ловлю рыбы в Кубенском озере; на обратном пути Феодор заходил к сподвижнику Павлу. Недолго, впрочем, Феодор жил в Никольском монастыре: предчувствуя скорое отшествие в вечную жизнь, он сделал последние распоряжения в обители, возвратился на место первоначальных подвигов и почил 22 октября 1409 года. За ним скоро скончался и Павел, оставив братии в наследие строгую подвижническую жизнь и смирение в пример на долгое время.

IV

Белозерские монастыри

Белозерская страна была крайним пределом подвигов нашего северо-восточного монашества. На северные окраины России монашество занесено было Ферапонтом и Кириллом, воспитавшимися в строгой подвижнической жизни под руководством Феодора в Симоновом монастыре; здесь они пользовались неоднократно и наставлениями преп. Сергия. Почти одновременно поступив в Симонов, Ферапонт и Кирилл скоро познакомились между собой: монастырская пекарня так тесно сблизила подвиж-

ников, что они открывали друг другу все сокровенные желания и мысли. Первым узнал о дальнем севере Ферапонт, будучи послан туда по монастырским делам. Пленясь красотами северной природы и тишиной лесов, Ферапонт по возвращении в монастырь поспешил сообщить своему другу о чудных северных местах. С восторгом слушал Кирилл рассказы Ферапонта о тишине лесов белозерских — и они порешили удалиться на север. В свое время они исполнили это глубоко запавшее в них желание.

Преподобный Ферапонт Можайский

Ферапонт родился в Волоколамске от дворян Поскочиных и в миру назывался Феодором. С юного возраста исполненный страха Божия, он думал только о том, как бы избавиться ему мятежного мира. Он любил беседовать о благочестии и молил Господа сподобить его ангельского жития. Выбрав благоприятное время, он тайно ушел из родительского дома и в Симоновой обители упросил настоятеля постричь его в иночество. Здесь с безукоризненным послушанием выполнял он черные работы и вместе с тем всегда бывал на бдениях в храме и на молитве келейной. Тайные помыслы свои искренно открывал он старцу своему и тем соблюдал чистоту душевную и телесную. По временам слушал он наставления преп. Сергия и соблюдал все слова его в сердце своем. Настоятель, заметив его способности и усердие к выполнению послушаний, давал ему разные поручения, между прочим послал и в дальнюю белоозерскую сторону. Со странническим посохом ходил он по пустыням севера и пленился тишиной лесов. Возвратясь в Симонову обитель, он принес с собой

жажду пустынного уединения. Преп. Кирилл в это время жил на старом Симонове в уединении. Стремясь душой к более глубокой тишине, спросил он Ферапонта, есть ли на Белом озере место, где бы можно было безмолвствовать иноку? Ферапонт отвечал, что их там много — и оба согласились тайно идти в пустынную сторону. Кирилл нашел здесь место, указанное ему в видении; водрузили они крест и выкопали землянки для жилища. Однако Ферапонт не долго пробыл с Кириллом и удалился за 15 верст, на место прекрасное, между двух озер, для пребывания наедине с Господом. Здесь расчистил он землю для насаждения овощей и по преданию отцов пустынных прогонял уныние безмолвия то трудом, то молитвой и бдением; немало он испытал страха и от разбойников, которые, не терпя праведника близ себя, гнали его с угрозами из пустыни.

Но Бог хранил праведника от злых людей. К Ферапонту стали приходить люди с желанием делить пустынные подвиги его. По их просьбе построил он храм в честь Рождества Богоматери и учредил общежитие. Это было в 1398 году. Прибытие старца иеромонаха обрадовало преподобного, так как сам он не хотел принять на себя ни старейшенства, ни иеромонашества. Он по-прежнему подвизался в тяжких работах, не упуская церковной службы и правила келейного. По временам ходил он для духовных бесед к преп. Кириллу. Братство его умножилось, и пример преподобного одушевлял всех любовью к суровым подвигам. Братия просили преподобного, чтобы принял на себя управление обителью, но преподобный говорил: «Не я соградил это место, а Пречистая Богородица: Она и может наставить вас на все полезное». Видя твердое нежелание старца принять на себя настоятельство над ними, они избрали себе игумена. Для всех, впрочем,

преподобный оставался отцом и наставником. К нему в келию приходили за советами в смущениях душевных. По его мыслям располагалось все в обители. Никто не смел держать в келии что-нибудь, кроме икон, назидательных книг и орудий рукоделья. Братия занимались то списыванием книг, то плетением мрежей для ловли рыбы. В храме и трапезе наблюдалась глубокая тишина. Князь Андрей Дмитриевич Можайский, которому принадлежала и Белоозерская страна, услышав о новой обители в его пустынных владениях, пожаловал обители землю и озера, прислал утвари для храма и просил молиться за него.

Наместник княжеский, возвратясь с Белоозера в Можайск, рассказал князю о великих подвигах преп. Ферапонта. Андрей Дмитриевич, давно желавший построить обитель близ Можайска, послал боярина своего пригласить старца в Можайск для беседы с князем о нужном деле. Этот вызов сильно смутил Ферапонта, но он сказал: «Да будет воля Господня» — и по совету братии отправился в путь. «Господь воздаст тебе награду за труд твой, я же навсегда останусь твоим должником», — сказал обрадованный князь при встрече с преподобным. Потом, открыв ему давнее желание, просил его принять на себя устройство новой обители. На первый раз преподобный отвечал только слезами, потом помолился Господу и решился исполнить волю князя. При богатых средствах князя монастырь в честь Рождества Богородицы в Лужках в версте от города устроился скоро. Это было в 1408 г. Под надзором опытного аввы в новой обители процвела жизнь иноческая; число братии быстро возрастало. Ферапонт повторял братии, жившей недалеко от города, близ мирской суеты, наставление апостольское: «Ночь прошла, а день приблизился. Итак, отвергнем дела тьмы. Как днем станем ходить, не предаваясь пиროваниям и пьянст-

ву, сладострастию и распутству, распрям и зависти. Но облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа и попечение о плоти не простирайте до похотей». Ферапонт пользовался уважением первосвященника Фотия, который с любовью беседовал с ним о духовной жизни. Уважение свое к преп. Фотий ясно выразил тем, что возвел его в сан архимандрита. Преп. Ферапонт преставился в глубокой старости 27 мая 1426 г. От нетленных мощей его источаются обильные чудотворения всем, прибегающим к ним с верою.

Преподобный Кирилл Белозерский

Преп. Кирилл, в миру Козьма, родился в Москве от благородных родителей и в детстве получил приличное воспитание. Оставшись в юных годах сиротой, он, по желанию родителей, жил у родственника своего, боярина Тимофея Васильевича Вельяминова, окольного при дворе вел. князя Дмитрия Донского. За кротость и незлобие Вельяминов любил Козьму и поручил ему надзор за слугами своего дома. Но Козьма не чувствовал влечения к светской жизни: он желал душою служить единому Господу. Он до времени скрывал это от родственника, потому что уверен был в несогласии Тимофея с его желаниями. Юноша тайно молился Господу. Пришел однажды к боярину преп. Стефан Махрицкий. Козьма открыл ему душу свою, и преп. Стефан смог убедить боярина согласиться с желаниями Козьмы. Стефан привел Козьму в Симоновскую обитель к архимандриту Феодору. По настоятельной просьбе Стефана Феодор облек юношу в иноческие одежды с именем Кирилла и поручил его подвижнику Михаилу. Под руководством опытного наставника юный инок со всей ревностью вступил на подвиж-

нический путь. Ночью старец читал Псалтирь, а Кирилл, по его приказанию, клал поклоны; но по первому удару колокола шел к утрени. Он просил у наставника дозволения вкушать пищу через три дня: но старец не нашел удобным дозволить ему этот подвиг, а сказал, чтобы разделял он трапезу вместе с братьями каждый день, только никогда не ел бы до сытости. Кирилл последовал заповеди старца, но так мало вкушал пищи, что едва ходил. Настоятель назначил ему послушание в хлебне, и он усердно носил воду, рубил дрова, раздавал хлеб. По временам приходил в Симоновскую обитель преп. Сергей и прежде прочих посещал Кирилла в хлебне и беседовал с ним о спасении души. Преп. Сергей видел, каков Кирилл и что с ним будет впоследствии. Из хлебни перевели Кирилла в поварню, и он, смотря здесь на пылающий огонь, говорил себе: «Смотри, Кирилл, не попасть бы тебе в вечный огонь». Девять лет трудился он в поварне и стяжал здесь такое умиление, что не мог без слез вкушать хлеба. Братия, видя подвижническую жизнь Кирилла, стали оказывать ему уважение. Но он, боясь опасных обаяний славы человеческой, стал по временам юродствовать, за что снискал от настоятеля наказание, сорокадневный пост, и должен был есть хлеб и воду. С радостью выполнял Кирилл это наказание. Как, однако, не закрывал себя Кирилл, опытные понимали его, и, против его желания, он был посвящен в иеромонаха. Выполняя чреду священнослужения с благоговением, он в свободное от служения время добровольно ставил себя на чреду послушника и занимался работами. Когда Феодор возведен был на архиепископскую кафедру, братия избрали Кирилла архимандритом обители. Это было в 1390 г. Кирилл — архимандрит не изменил образа своей жизни. Князья и вельможи стали посещать его, чтобы слышать наставления его.

Это смущало смиренный дух его, и он передал настоятельство Сергию Азакову и затворился в прежней келии своей. Так как к Кириллу не переставали приходить за наставлениями и в иноческую келию, то Кирилл перешел на Старое Симоново — и здесь стал подвигаться. Но и это убежище не удовлетворяло его стремления к совершенному безмолвию. Он молил Богоматерь указать ему место для спасения его. Раз по обычаю читал он акафист Богоматери, и услышал голос: «Иди на Белоозеро, — там тебе место». В то же время в темноте ночи заблистал свет, и из оконца Кирилл увидел озаренное огромное пространство к северу с живописными местностями. Узнав от друга своего Ферапонта, какова страна белозерская, он с той же иконой Богоматери отправился на Белоозеро в сопровождении Ферапонта.

Долго ходили странники по белозерской стране и взошли наконец на гору Мяуру. Это самая высокая гора в окрестности белозерской. Подошву ее омывают волны озера Сиверского. Леса, луга, озера соединились здесь на огромном пространстве и образовали одно из прекраснейших мест России. Преп. Кирилл увидел здесь то место, которое в видении назначено было для его пребывания, и пал со слезами благодарности пред иконой Пречистые Богоматери. Сойдя с горы на площадь, окруженную лесом, поставил он крест, а вблизи его пустынники выкопали землянку.

Ферапонт скоро удалился в другое место⁵⁷. В подземной келии Кирилл не один год подвизался один, изредка посещали его Ферапонт и крестьяне Авксентий и Матвей. Последний был потом пономарем в обители его. Раз осмат-

⁵⁷ См. о преп. Ферапонте Можайском.

ривал он с крестьянами лесную сторону и, томимый странным сном, лег под сосной и уснул. Но едва закрыл он глаза, как услышал голос: «Беги, Кирилл!» Он вскочил и отскочил от места — вдруг рухнула огромная сосна, под которой лежал. До сих пор цел крест, сделанный Кириллом из этой сосны, в память чудесного спасения. Кирилл молился после того, чтобы Господь отнял от него тяжкий сон; и с того времени он мог по нескольку суток оставаться без сна. В другое время рубил он лес, очищая место для огорода, как загорелись сухие сучья, и гонимый ветром дым окружил его так, что он стал задыхаться и не знал, куда бежать. Но появился некто, взял его за руку и вывел за собою из огня. Живший неподалеку от Кирилла крестьянин из корыстолюбивых побуждений хотел сжечь келью Кирилла. Не раз он подходил к келье, чтобы воплотить свой умысел, но поражаемый внезапным ужасом, удалялся; раз успел он подложить и огонь; но огонь погас. Тогда со слезами раскаяния исповедал он грех свой Кириллу и по его просьбе пострижен был в монашество. Итак, враждовавший на Кирилла человек был обращен на путь истинный и стал первым его и ближайшим учеником.

Узнали в Симоновой обители, куда удалился преп. игумен ее. Иноки Зеведей и Дионисий, глубоко уважавшие Кирилла, пришли на Белоозеро. Кирилл обрадовался им. Потом пришел оттуда же Нафанаил, и его принял Кирилл и сделал келарем. После того пришел к нему молчальник Игнатий, муж высокой добродетели: он никогда не ложился для сна и засыпал стоя, прислонясь к стене; бескорыстие же его было изумительное. Затем многие из окрестных жителей стали приходить к Кириллу и просили удостоить их иночества. Тогда Кирилл увидел, что время безмолвия его кончилось. В

1397 г. построил он храм в честь Успения Богоматери⁵⁸ и завел строгое общежитие, которое освящал примером своей жизни.

«В церкви никто не смел беседовать, и никто не должен был выходить из нее прежде окончания службы; к Св. Евангелию подходили по старшинству. За трапезу садились, также каждый на своем месте, и в трапезе была тишина; в пищу предлагались только три кушанья. Весьма строго заповедал преподобный, чтобы ни при нем, ни после него хмельных напитков не только не пили, но и не держали в обители. Из трапезы каждый молча шел в свою келью, не заходя к другому. Никто не смел получать ни писем, ни подарков без ведома преподобного, — к нему приносили нераспечатанные письма; без его благословения и не писали писем. Деньги хранились в монастырской казне — и ни у кого не было никакой собственности. Даже пить воду ходили в трапезу; в келье же ничего не держали, кроме икон и книг — и она никогда не запиралась, по примеру афонских общежительных монастырей. Иноки старались один пред другим являться как можно раньше к службе и на монастырские работы, подвизаясь не для людей, а для Господа.

Когда случался недостаток в хлебе, и братия понуждали настоятеля послать за хлебом к христолюбцам, преподобный отвечал: «Бог и Пречистая Богоматерь не забудут нас, — иначе зачем и жить нам на земле?» Поэтому правило общежития Кириллова решительно воспрещало докучать мирянам просьбами о подаении. Ученик Антоний раз в год отправлялся закупать все нужное для обители: иначе никто не мог ходить из обители в мир. Боярин

⁵⁸ Чтение Общей истории 1859 г. кн. 3; 41 и 42. Древности Кириллова монастыря. Читано в Румянцевской библиотеке.

Роман, каждый год присылавший к Кириллу по 50 мер ржи, решил обеспечить обитель селом и прислал грамоту. Кирилл, получив грамоту боярина, рассуждал: «Если станем иметь села, из того выйдут заботы для братий о земле; явятся поселенцы и рядники, безмолвие иноческое нарушится»; и послал благотворителю такой ответ: «Тебе угодно, человек Божий, дать село в дом Богоматери на пропитание братии: но вместо 50 мер ржи, которые ты давал каждый год, отпуская нам сто, если можешь, — мы будем довольны тем; а селами владей сам, — для братии они не полезны». Такая нестяжательность Кирилла отразилась и в уставе его: он запрещал монастырю приобретать села»⁵⁹.

Преп. Кирилл до того проникнут был любовью к Богу, что при служении литургии и во время чтений церковных слезы благоговения лились у него неудержимым потоком; он плакал и во время келейных правил. За такое религиозное умиление Господь даровал угоднику своему дар прозорливости и дар исцелений.

Инок Феодор, поступив в обитель по уважению к преподобному, начал потом ненавидеть его до того, что не хотел смотреть на него и порывался выйти из обители. Игнатий Молчальник отверз уста свои собственно для того, чтобы уговорить неразумного Феодора, но ненависть не угасала. В порыве гнева на преподобного он пошел даже в келью к игумену, чтобы нанести ему окончательно оскорбление и уйти из обители: но взглянув на седины его, не мог от стыда выговорить ни слова. Преподобный сказал ему: «Не скорби, брат мой: все ошибаются

⁵⁹ Самым ревностным последователем этого предания преп. Кирилла был преп. Нил Сорский, а потом и его ученик Вассиан, открыто обличавшие Иосифа Санина за заботу о приобретении сел, называя его отступником от преданий отеческих.

во мне, ты один знаешь правду и все мое недостойнство: я — точно грешник непотребный». Отпуская его с миром, прибавил, что более не будет он смущаться, и Феодор пребывал покойно в обители.

Крестьянин из соседнего села, просил Кирилла помолиться за больного товарища, у которого шла кровь из гортани и ноздрей. Преподобный отвечал: «Эта болезнь не случайная, — он наказан за прелюбодеяние; если исправится, верую Господу, будет здоров, — иначе еще более будет страдать». Услышав о том, больной пришел в ужас, исповедал преподобному грех свой, и по молитве его немедленно выздоровел. Один больной просил преподобного о том только, чтобы пред смертью удостоил его иночества. Преп. Кирилл постриг его. Новый постриженник Далмат приблизился к смерти и просил приобщить его Св. Таин. Чередной иеромонах несколько замедлил, и больной скончался. Испуганный иеромонах объявил об этом игумену. Огорченный Кирилл затворился на молитву. Немного спустя послушник, ходивший за больным Далматом, уведомил игумена, что умерший ожил. Тогда Далмат был приобщен Христовых Таин и вскоре скончался.

В одно время недостало вина для литургии, о чем и донес пономарь преподобному. Тогда Кирилл велел принести к нему сосуды, и пустой сосуд оказался полным вина. Постиг страну голод. Преподобный велел раздавать хлеб из обители всем нуждающимся. Запасы, какие были в обители, были не очень велики: их доставало для братии только на один год. Во время же голода, при всем том, что никому не отказывали в помощи, оскудения не было в обители, так что хлебные торговцы говорили: «Кирилл, умножавший вино для литургии, умножает и хлеб в обители». В другое время преп. Кирилл, с крестом в руке, утишил бурю на озере и спас утопавших учеников, ловивших рыбу. Молитвами преп. Кирилла белевская княгиня Мария исцелилась от бесчадия.

Близкий к кончине, преп. Кирилл призвал к себе братию, назначил ученика Иннокентия игуменом и строго заповедал не нарушать устава его. В духовном своем завещании писал он: «Вот я, грешный игумен Кирилл, вижу, что постигла меня старость, часто подвергаюсь разным болезням; Бог наказует меня человеколюбно умножением болезней: Он возвещает мне о смерти и грозном суде Спасителя. Смутилось во мне сердце ради исхода, страх смерти напал на меня, и покрыла меня тьма недоумения, — не знаю, что делать? Но, по слову пророка, возлагаю печаль мою на Господа: пусть творит, как хочет; Он же желает, чтобы все спаслись. Не скорбите о моем отшествии; если получу дерзновение, и труд мой угоден будет Господу; то не только не оскудеет обитель моя, но еще больше распространится по отшествии моем; только любовь имейте между собою». К князю же Андрею Белозерскому писал: «Если кто не захочет жить по моему преданию и не станет слушать игумена: вели, государь, выслать тех из монастыря». Обитель же поручил его покровительству. Преподобный мирно почил на 90 году своей жизни 9 июня 1427 года, через год после кончины преп. Ферапонта.

Преп. Кирилл за благочестивую и строгую подвижническую жизнь стяжал всеобщую любовь народа и имел огромное влияние и на князей русских, как это можно видеть из некоторых его посланий к ним. Вот, например, что он пишет в послании к вел. кн. Василию Димитриевичу:

«Чем более святые приближаются к Богу любовью, тем более видят себя грешными. Ты, государь, приобретаешь себе великую пользу душевную смирением своим, тем, что посылаешь ко мне, грешному, нищему, страстному и недостойному, с просьбою о молитвах. Я, греш-

ный, с братиею своею рад, сколько силы будет, молить Бога о тебе, нашем государе. Но ради Бога, будь и сам внимателен к себе и ко всему княжению, на котором Дух Святой поставил тебя пасти людей, искупленных кровию Христовою. Чем больше удостоен ты власти, тем более строгому подлежишь ответу. Воздай благодетелю долг твой хранением святых заповедей Его и уклонением от путей, ведущих к погибели. Как на корабле, если ошибется наемный гребец, вред от того бывает неважный, если же ошибется кормчий, то губит весь корабль: так, государь, бывает и с князьями. Если согрешит боярин, наносит пакость себе, а не всем; но если согрешит сам князь, причиняет вред всем подчиненным ему. Не надмевайся же временною славою по шатанию суеты. Слышал я, что у тебя, великий князь, великое несогласие с твоими сродниками, князьями суздальскими; тыставляешь свою правду, а они свою; кровь христиан льется. Осмотрись, государь. Если они правы в чем-либо, уступи им смиренно; если в чем правда на твоей стороне, стой за правду. Если они будут кланяться тебе: Бога ради, государь, окажи им милость, сколько можно. Я слышал, что они у тебя в услугах и от того-то поднялись на брань. Бога ради, государь, покажи к ним любовь и сострадание, дабы не погибли, блуждая в татарских странах. Никакая власть, ни царская, ни княжеская, не может избавить нас от нелицемерного суда Божия: а если будешь любить ближнего, как себя, если утетиши души скорбные и огорченные: это много поможет тебе на страшном и праведном суде Христовом. Ап. Павел, ученик Христов, пишет: «Аще имам веру горы престаляти и аще имам раздати все имение свое, любве же не имам, ничтоже польза ми есть. Люби же братию твою и всех христиан, и твоя вера в Бога и милостыня нищим угодны будут Господу».

Послание к Можайскому князю Андрею Дмитриевичу отличается такой же простотой изложения, убедительностью и искренним благочестием. Послание писано вскоре после чудесного избавления России от грозного нашествия Тохтамыша. «Ты владелец, — пишет Кирилл, — в твоей отчине поставленный Богом удерживать людей от лихого обычая; смотри же, государь, чтобы судили суд праведно, как пред Богом, не кривя; чтобы не было подлогов и клепов; судьи не брали бы подарков, а довольствовались своим урочным даянием. Наблюдай, государь, чтобы не было в твоей области корчм, — от них великая пагуба людям, — крестьяне пропиваются, а души их гибнут. Также пусть не будет у тебя и таможенных сборов, — это деньги несправедные; где есть перевоз, государь, следует давать за труд. Пусть не будет в твоей вотчине ни разбоя, ни воровства. Если ни уймутся от злого дела, вели наказывать, кто чего стоит. Унимай подчиненных твоих от скверных слов брани — все это гневит Бога. Если и не потщишься управить всем тем, взыщется на тебе, потому что ты властелин над своими людьми, поставленный Богом. Не ленись сам давать управу крестьянам: это вменится тебе выше поста и молитвы. Удерживайтесь от пьянства. Подавайте по силе милостыню. Вы не можете поститься и молиться ленитесь. Пусть же милостыня восполнит недостатки ваши. Приказывайте петь молебны по церквам Спасителю и Матери Божией, заступнице христиан, и сами не ленитесь ходить в церковь. В церкви стойте со страхом и трепетом, представляя себе, что стоите вы как на небе. Церковь — земное небо, в ней совершаются таинства Христовы. Береги себя, государь, стоя в церкви, не твори бесед и не говори праздных слов; если увидишь, что беседует в церкви кто-

нибудь из бояр или простых людей, — запрещай им то, — ибо все это гневит Бога⁶⁰.

Библиотека Кириллова монастыря, богатейшая из всех библиотек⁶¹, известных в России, стала умножаться еще при основателе монастыря. Из многих рукописей 17 сочинений принадлежат «Чудотворцу Кириллу». Объяснения его разных явлений природы: грома, молнии, падающих звезд, писанные преп. Кириллом с целью рассеять предрассудки людские, замечательные произведения. О падающих звездах он рассуждает так: «О падающих звездах одни говорят, что это падают звезды, а другие, что это — мытарства. Но это и ни звезды, и ни мытарства, а отделения небесного огня; на сколько нисходят они вниз, расплавляются и опять сливаются в воздухе. Потому никто не видал их на земле, но всегда рассыпаются они в воздухе. Они спадут в пришествие Христово».

V

Преподобный Пафнутий Боровский и ученик его Иосиф Волоколамский

Ближайшую отрасль основанного преп. Сергием монашества составляют и преподобные Пафнутий Боровский и Иосиф Волоколамский. Пафнутий был учеником преп. Никиты, ученика Сергия Радонежского. Никита пришел в Высоцкий монастырь к Афанасию еще в первое время существования этого монастыря. По смерти второго высокоцкого игумена — Афанасия младшего Никита был

⁶⁰ Оба послания помещены в Исторических Актах. Т. I. №№ 12 и 16.

⁶¹ По описи XVII в., в ней хранилось до 2092 рукописей. Обозрение их помещено в: Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете за 1860 год.

избран игуменом и управлял монастырем от 1395 по 1414 год⁶². Но состарившись и лишившись зрения, Никита оставил свою паству и перешел на жительство в Боровскую обитель Покрова Богородицы⁶³. В то время начальником Боровской обители был Маркелл, который и постриг юношу Парфения, из татарских баскаков, в монашество с именем Пафнутия. Видя желание Пафнутия научиться строгому подвижничеству, Маркелл дает ему послушание служить престарелому священноиноку Никите. Пафнутий в течение семи лет со всяким прилежанием служил старцу Никите и научился от него всякой добродетели. Эта духовная связь с преп. Сергием и придавала Пафнутию особое значение в глазах учеников его. Скоро Пафнутий стяжал всеобщую любовь братии и сделался известен боровскому князю Симеону Владимировичу. По смерти Маркелла князь и братия едва могли упросить Пафнутия принять начальство над Покровским монастырем. Посвященный в игумена в 1431 г., он присоединил к подвигам инока подвиги пастыря вверенных ему душ и был искусным пастырем. Замечательная простота и мягкость, общительность, нежная любовь к подчиненным, практичность в хозяйстве, дальнозоркая наблюдательность характера и даже прозорливость — были отличительными чертами его великой души. Сам Пафнутий говаривал своим ученикам, что по лицу он может безошибочно отгадать внутреннее настроение человека. Дни проводил он в тяжелых монастырских трудах, а ночь в молитвах, и был живым образцом для подвижнической жизни. О пастве своей он имел особенную заботливость нежного отца. Раз послан был по нуждам обители в село один брат и впал

⁶² Душеполезное чтение. 1874. Сентябрь. С. 45—46.

⁶³ Покровский Боровский монастырь построен князьями боровскими Ярославичами во второй половине XIV в.

там в грех плотской нечистоты. Преп. Пафнутий, совершив обычное правило, почил и видит прекрасный сад с красивыми деревьями; одно дерево вдруг упало. Опечаленный тем Пафнутий, подняв дерево, опять посадил его. Оно шаталось и наклонялось к земле, но святой авва поддерживал его, утоптал около корня землю и утвердил. Проснулся преподобный и опечалился уверенностью, что один из его духовных детей требует уврачевания. Когда возвратился из села брат, Пафнутий сказал: «Очень жаль, что с тобою случилась неприятность». Брат подумал, что игумену о нем уже донесено, и от стыда не мог смотреть прямо в лицо отцу своему. Увещаниями, растворенными любовью, Пафнутий довел брата до чистосердечного раскаяния.

На тринадцатом году игуменства Пафнутий тяжело занемог и болел долго. Тогда посол за послом являлись в его обитель от вел. князя Иоанна Васильевича, от супруги его Софии, от митрополита Геронтия, чтобы осведомиться о здоровье любимого игумена. Посланный от матери великого князя Марии Ярославны привез преподобному сосуд с сытой. Выздоровев от болезни, Пафнутий отказался от игуменства, принял схиму и в двух верстах от Боровской обители, в густом лесу, между двух речек, Протвы и Истервы, стал жить с одним братом. Это было около 1444 г. Мало-помалу начали приходить сюда братья; по благословению старца они ставили себе келии. Когда умножилось число учеников и место расширилось, то по благословению наставника устроен был храм в честь Рождества Богородицы. Так возникла обитель. Боровскому князю Василию Ярославичу весьма не нравилось, что оставленный Пафнутием Высоцкий монастырь приходит в упадок, а новая обитель во владениях князя суходольского Василия Шемяки процветает; не раз посы-

лал он слуг сжечь новую обитель, но те каждый раз попадались Пафнутию. Один из крещеных татар, отличавшийся дерзостью и удалством, вызвался, несмотря ни на что, выполнить волю князя. Преподобный встретил его и ласково спросил: «Зачем ты, друг мой, пришел к нам?» — и этой лаской совершенно обезоружил удалца, который чистосердечно признался ему в злом умысле. Преподобный простил ему и князю.

Преп. Пафнутий не только был незлобив, когда оскорбляли его, но был терпелив в нуждах, и это терпение, одушевленное упованием на Господа, низводило благодать на обитель. Подошел праздник Пасхи, а в обители, кроме хлеба, не было ничего. Братия скорбели о том, что к празднику нет рыбы. «Не скорбите, братия, — сказал Пафнутий, — Господь милосердный не оставит рабов своих без утешения». Вечером в великую субботу пономарь пошел на источник взять воды для литургии, и видит множество рыбы — сига, которой в том краю ни прежде, ни после сего не было так много. По приказанию Пафнутия рыболовы поймали рыбы столько, что ее достало на всю Святую неделю.

С того времени, как Пафнутий стал иноком, жизнь его шла так: в понедельник и пятницу не ел он ничего; в среду — сухой хлеб; в прочие дни был в трапезе. В часы свободные от богослужения — всегда был в трудах, сек дрова, поливал гряды, копал в саду землю, занимался другими тяжелыми работами, и никто прежде его не являлся ни на работу, ни на общее правило молитвы. В зимнее время занимался чтением и рукоделием, плел мрежи для ловли рыбы. К телу своему не позволял касаться никому, а женскому полу не дозволен был и вход в обитель его: чистота девства сохранена им небесною. С того времени, как принял он схиму, не литургисал, как

обрекший себя на уединенную молитву. Только однажды по нужде совершил он литургию. При наступлении праздника Пасхи послали из монастыря отыскать священника на службу, но не нашли. В такой необходимости преподобный сам с глубоким умилением совершил таинство. После литургии он сказал ученикам: «Ныне душа моя едва не разлучилась от тела». — Дома любил он отдыхать у открытого окна своей кельи, откуда был виден весь монастырь. Будучи общителен, он часто собирал к себе в келью иноков и поучал их; на беседах его присутствовали и миряне. Из рассказов преп. Пафнутия видно, что он держал в памяти летопись и хронологию событий XIV века и что он преимущественно интересовался преданиями о князьях московских. Рассказы преп. Пафнутия о минувшем имели характер таинственно-религиозный, и тем еще более увлекали слушателей. К тому же он пересказывал иногда ученикам свои сновидения, — и о нем распространился слух, как о прозорливце.

Два брата хотели тайно уйти из обители и уже собрали вещи в путь. После утреннего пения преподобный заснул и видит: эфиоп бросает уголья на кельи тех братьев; отец погрозил ему и запретил бросать, чтобы не зажечь здания. Тот отвечал, что для того и бросает, чтобы зажечь. Проснувшись, преподобный тотчас послал за теми братьями и рассказал им свое видение; они сознались в своем намерении и принесли свои узлы с платьями, готовые для дороги. Другой брат бранил всех в обители и роптал на отца. В одно время видит он себя в храме с прочими, подходит к нему отец и бросает на него строгий взгляд — и говорит: «Этот человек хульник, выведите его из церкви». Мгновенно пробудясь, инок прибежал в ужасе к преподобному и умолял простить его.

Один новоначальный, не отучивший очей своих от мирской дерзости, за нуждой отлучась из обители, при встрече с женщинами устремил на них очи и пленился похотью от долгого взора. Возвратясь в келию отца, застал он его за книгой. Отец, взглянув на него и отвратясь, сказал: «Этот человек — не прежний». Старцы, узнав, об этом, советовали брату раскаяться в грехопадении. Пафнутий после нравоучения простил его. В другое время преподобный сидел и читал книгу. Какой-то человек, сотворив молитву, вызвал келейника игумена, называясь знакомым ему. Преподобный, не выдавший никогда этого человека, сказал келейнику: «Ступай, тебя спрашивает человек с злым взором». Оказалось, что тот узнал келейника и желал быть монахом: но преподобный велел накормить его и отпустить. После отец сказал, что приходивший — был убийца.

Далеко разносилась слава о подвижнике Пафнутии. При такой известности многие приходили к Пафнутию, чтобы жить с ним. В том числе — благородный молодой человек Иоанн Санин. Он был пострижен руками его, наречен Иосифом и весь остался в его воле. Потом явился и младший брат Иосифа — Вассиан; за ними: дивный муж Иннокентий, Герасим Черный, Кассиан Босой, Левкий, основавший Левкиев монастырь, Даниил, основатель переяславского монастыря, и многие другие. Было у кого учиться добру. Когда число учеников в обители умножилось, преподобный приступил к постройке каменного храма в честь Богоматери. При постройке его он сам носил кирпич, воду, помогал растворять известь, таскал песок и исполнял другие работы. Из иконописцев, украсивших храм, начальный Дионисий сильно занемог ногами и перестал работать. Пафнутий, понуждая его к работе, говорил ему: «Бог простит тебе, Мать Божия по-

даст здравие ногам твоим». Старец провидел грех его и заповедал ему и товарищам его — не есть мясного в обители и не носить в обитель, а пусть ходят в ближнее село. По отзыву современников, храм, расписанный Митрофаном и Дионисием, украшенный иконами, богатой утварью и книгами, приводил в удивление властелинов земли русской, бояр и народ.

Преп. Пафнутий для себя во всем любил нищету и бедность, худость ризную и о телесных нуждах вовсе не заботился. Но насколько был он сострадателен к бедным и неимущим, это видно из того, что во время голода, постигшего окрестности, он каждый день питал до 1000 человек и ничего не оставил из запасов. Пафнутий был весьма рассудителен. Потому ученики его и миряне настолько доверяли ему, что имели его духовником своим. Он хорошо знал церковные правила и умел, как искусный врач, давать лекарства, сообразные с болезнью души. При приеме духовных детей не разбирал он лиц, не боялся сильных людей и не презирал бедняков; гордым не совсем был доступен, но со смиренными был ласков и обходителен. Относительно догматов веры наблюдал такую строгость, что если кто начинал говорить несогласно с Св. Писанием, сразу же выгонял того из обители. Преп. Иосиф свидетельствует о своем наставнике: «И ним жили мы несколько годов, видели его труды и скорби, подвиги ревнования, худость одеяния, твердую любовь к Богу, надежду на Пречистую Богородицу, надежду, постоянно хранимую в уме и устах. Потому-то сподобился он и благодати Божией, по которой провидел сердечные помыслы и открывал их братии, исцелял болезни, получал все, чего просил у Бога и Пречистой Богородицы».

Шестьдесят три года преп. Пафнутий провел в иночестве, из них тридцать три года был игуменом в устроен-

ной им обители ⁶⁴. Преп. Пафнутий преставился мая 1 дня 1478 года. Мощи его почивают открыто, в храме его имени ⁶⁵.

По смерти боровского игумена остались четверо старейших учеников его: Иннокентий, Герасим, по прозванию Черный, Кассиан и Иосиф. Они все четверо имели перед другими иноками преимущество. Каждый из них заслужил это и собственным подвигом, и доверием, которым пользовался со стороны покойного основателя. Из их среды одному надлежало быть избранным в игумены.

Иннокентий уже одной близостью к Пафнутию, с которым делил молитвенные подвиги, стяжал себе название дивного старца. Строгий подвижник Кассиан удручал плоть свою с юных лет и достиг того, что стал нечувствителен к холоду и жару. Одежда его была всегда одна и та же: свитка, власяница да мантия. Обувь он никогда не носил, кроме лаптей, да и то на босую ногу, от чего и получил название Кассиана Босого. Герасим, по прозванию Черный, не уступал другим в благочестии. К нему был полон уважения, как к отцу духовному, четвертый из старейших иноков обители, Иосиф. Он был некоторое время келейником у Пафнутия. Этому-то келейнику Иосифу и пришлось стать преемником святого старца-основателя: старец не по годам, а по благочестивой жизни Иосиф не достиг еще тогда и сорока лет. Он был весьма красив собою, «уподобися древнему Иосифу», говорил о нем Кассиан. Он был доброго рода, сын богатого вотчинника в Волоколамском уезде Санина, внук некоего Сани-Александра, литовского подданного. Родина его — село Язвище, в 20 верстах от Волоколамска.

⁶⁴ Хрущев И. Исследование о сочинениях Иосифа, Волоколамского игумена. СПб., 1868. С. 20.

⁶⁵ Филарет, архиеп. Черниговский. Русские святые. Май.

В детстве Иосиф (Иоанн) был отдан в Воздвиженский монастырь к старцу Арсению Леженке, для обучения грамоте. С годами отрок научился читать и петь так, что люди дивились. Он прежде всех приходил в церковь, которая заменяла ему все удовольствия. Под влиянием книг, которых прочитал он очень много, он стал рассуждать с ранних лет о скоротечности жизни. Сильное желание спастись победило в нем потребность жить для удовольствий; он стал бояться своей молодости и грехов, стал усердно молить Бога о наставнике. В семействе Саниных была склонность к монастырской жизни: дед Иосифа умер иноком: его изречения о рае хранились в памяти родственников; Иван и жена его Марина, родители Иосифа, в иночестве Иоанникий и Мария, постриглись у св. Власия в Волоколамске.

С возрастом у Иосифа появилось решительное желание быть иноком и он стал расспрашивать кого только мог об обителях и о подвизавшихся в них старцах. Услышав о святом старце Варсонофии, юноша покинул родину для обители св. Саввы, в тверской земле, где подвизался сей Варсонофий. Юноша искал в монастыре не земной — ангельской жизни: но едва пришел в обитель, услышал ругательства, неподобные слова в самой монастырской трапезе. Иоанн бежал из трапезы. Преп. Варсонофий понял юношу и сказал ему: «Не удобно ти, чадо, в здешних монастырех жити, но иди к преподобному Пафнутию в Боровск». Иоанн последовал совету человека Божия. Он застал престарелого игумена за делом: Пафнутий рубил дрова и складывал их в клетки. Пришелец со смирением дождался окончания работы. Когда же Пафнутий подзвал его к себе, юноша бросился к ногам старца с крепкой мольбой о пострижении. Иосифу в то время было не более 20 лет. Он отличался физической силой, и его, тотчас

по пострижении, определили в поварню, откуда вскоре перевели в пекарню: он мог поднять тяжесть и такой работы. А много нужно силы и неутомимого труда для этой работы, ибо едоков было множество. Кроме иноков и монастырских рабочих, в трапезу допускались все странные и богомольцы. Многие брали хлеб на дорогу. Во время же голода монастырь прокармливал до тысячи человек в день.

Родители Иосифа ⁶⁶ вскоре узнали о его местопребывании и известили его, что они неутешно плачут о разлуке с сыном, и что отец лишился владения рук и ног, пораженный тяжелой болезнью. Но ничто не могло поколебать твердой решимости Иосифа не принадлежать более миру. Пафнутий, видя твердость своего постриженника, дозволил ему взять в келью больного, и Иосиф в продолжение пятнадцати лет ходил за недвижным отцом, что, впрочем, нисколько не отвлекало его от других монастырских обязанностей и молитвенного подвига. Но не один физический труд и молитвенный подвиг были уделом Иосифа. Пафнутий, заметив в нем необыкновенные способности, поручил ему наблюдение за монастырским хозяйством. Подвиги Иосифа доставили ему почетное положение среди братии; но еще более сделал его твердый, крепкий ум, ясный практический смысл и начитанность. Недаром он упражнялся в чтении божественных книг и изучал их. Обладая обширной памятью, он редко справлялся с книгою, когда говорил от Писания, а держал Св. Писание «памятью на край языка».

Такие качества, при счастливой наружности, при благозвучном органе голоса, при необыкновенном умении

⁶⁶ Житие преп. Иосифа: Саввы Черного и Досифея Топоркова; оба жития находятся в М. Е. библиотеке, где мы и руководствовались для своего сочинения.

петь и читать в церкви, сделали то, что Иосиф понравился и в Москве. Там он после смерти преп. Пафнутия и принял иерейское и игуменское достоинство от рук митрополита Геронтия, по воле державного. Воротившись из Москвы, Иосиф сказал братии поучение. Вскоре братия почувствовала крепкую руку нового игумена. Иосиф захотел ввести преобразования, изменить монастырский устав. Желая найти идеал монашеский в монастыре, он решил ввести строгое общежитие, по образу монастырей востока и Афона, о подвижниках которых знал Иосиф лишь по житиям св. отцов, по повестям и рассказам; ему нужно было ограничить и даже частную жизнь инока в келии. Но появились несогласия, ропот; иноки не захотели исполнять строгих требований нового игумена. Иосиф не мог было сладить с братиею, в глазах которой он не имел такого авторитета, как Пафнутий. Пафнутий привлек к себе монахов своею благочестивою жизнью, в которой усматривалась во всем совершенная простота, и действовал на братию примером, и только примером возбуждал к подвигу: они все поступили в монастырь при нем, основателе и игумене, он принял каждого из них на свое попечение, как отец детей, и возрастил и возлелеял их по-своему. Иосиф же был поставлен к ним в игумены, они его приняли в начальника, а не он их в братию.

Целый год Иосиф боролся с препятствиями при воплощении своих возвышенных идей, но недовольство братии все возрастало. Тогда он решил, что при таких обстоятельствах ему нечего быть игуменом. Тайно от других монахов он созвал совет старцев, который составил из Герасима, Кассиана, Акакия и Вассиана, сочувствовавших ему. Он поведал братии свое недо-

вольство на монашествующих и вместе с тем свой замысел ознакомиться с благочестием других монастырей, чтобы потом по лучшим образцам устроить новую обитель. Старцы одобрили желания игумена. После такого решения Иосиф тайно покинул свой монастырь и взял на себя вид ученика Герасима, отдавшись ему на время в полное послушание.

Путешествие свое преп. Иосиф начал с Саввинского Тверского монастыря, где еще жив был его давнишний знакомец Варсонофий, который сложив с себя игуменское достоинство, жил в пустыне; «и ничтоже иное дело бысть ему, но точию еже молиться и пети и книги прочитати, взимание бо книги от христолюбивых и прочтет отдаваше, и паки инде взимаше». Во время своих путешествий Иосиф знакомился не только с жившими в то время старцами, но через них изучал жизнь и отшедших к Богу праведников, осуществивших в себе идеал, которому взялись подражать. От Варсонофия он узнал о житии строгого подвижника Саввы, первого игумена этого монастыря, за время до удаления его на св. Афонскую гору. Иосиф с сочувствием отзывался о строгости Саввы: он за бесчинство наказывал жезлом и непокорных сажал в затвор, свою же обиду всегда прощал. В Макариевом Калязинском монастыре Иосиф нашел такое благочестие, которого он не заметил ни в одном из посещенных им монастырей, кроме Кириллова и Симоновского. В Кирилло-Белозерском монастыре еще жив был дух преп. Кирилла, и соблюдение строгого общежительного устава, завещанного Кириллом, было безукоризненное. В Симоновском монастыре было еще такое благочестие, что в келиях братия не вкушали хлеба и не держали никаких предметов, противных уставу общежития. В Сергиевой

обители была такая простота и скудость, что и «самые книги не на хартиях писаху, но на берестех»⁶⁷.

Менее чем через год Иосиф возвратился к Боровскую обитель, но пробыл там недолго, ибо обычаи в Боровской обители после смерти преп. Пафнутия и в его отсутствие стали изменяться к худшему.

Тогда настала для него пора исполнить давно задуманный и уже созревший в голове план основать новый монастырь, по собственному замыслу и уставу. Простившись навсегда с Боровской обителью, он решает удалиться в пустыню, в леса, чтобы основать монастырь там, где никакое старое предание не мешало бы вести его по-своему. Место для нового монастыря он избирает в знакомых ему с детства волоколамских лесах. С Иосифом удаляются старцы: Герасим Черный, Кассиан Босой, братья его Вассиан и Акакий — разделять с ним вместе пустынные подвиги. С такими благонамеренными и преданными Иосифу иноками нетрудно было ему осуществить задуманный план; со стороны игумена требовалось только умение привлечь братию и поселить в ней к себе доверие.

Возникновение Иосифова монастыря

Иосиф, по прибытии в Волоколамск, начал с того, что явился к волоцкому князю Борису Васильевичу, с которым делил детство, и рекомендовался ему как игумен Пафнутиевский и преемник святого основателя. Князь

⁶⁷ Сведения о девяти монастырях: Печерском, Сергиевом, Кирилло-Белозерском, Симоновом, Саввинском, Савватиевом, Андрониковом, Макариевом, Пафнутиевом, посещенных Иосифом, помещены в 10 гл. Устава «о святых отцах, в монастырех, иже в рустей земли сущих».

Борис рад был, что в его пределах желает поселиться такой человек, который и в Москве пользовался любовью державного князя. Охотно позволил князь Иосифу поселиться в избранной им местности и дал ему в провозачные своего ловчего, с которым Иосиф дошел до того места, где ныне стоит монастырь. Небесное знамение указало очевидным образом, где именно следует заложить монастырь. Среди бела дня, при безоблачном небе молния осветила стоянку путешественников. Местность эта, несколько возвышенная, с одной стороны примыкает к небольшому озеру, с другой к болотистой и лесной низменности, хотя и не совсем привлекательная, но открытая и в то же время самая счастливая для уединения. Иные св. подвижники, покидая монастырь, в котором получали первые уроки иночества, устремлялись в глушь лесов, ища уединения и подвигов. Безлюдная пустыня была для них обетованной землей, где они надеялись вдали от греха и людей победить диавола. Враг искушал их в одиночестве, являясь им не только в страшных неестественных образах, но и в виде зверей. Борьба с искушениями иногда продолжалась довольно долгое время, потом уже начинала понемногу сходитьсЯ братия, алкавшая спасения, хотя отшельники и неохотно принимали их под свое руководство: они сожалели всегда, что места их неослабных подвигов были наконец открыты. Не для такого созерцательного пустынножительства пошел в пустыню Иосиф. Он не скрывал себя от людей. Напротив, еще до поселения в пустыню он представляется князю и открывает ему свое намерение; в пустыню сопровождают его четыре ученика, готовые выполнять все его требования и разделять все трудности пустыни. Не следует, впрочем, из этого заключить, что Иосиф один боялся жить в пустыне: в пустыне ему нужно было одно — найти удобное место

для будущей обители, где он введет строгое общежитие по своим убеждениям. Туда сойдутся к нему те, которые более склонны к общежитию, а он, как священник, будет иметь возможность узнать на исповеди, насколько каждому из них нравится этот образ монастырского устройства. Поэтому основание Иосифова монастыря, в сравнении с другими монастырями, имело характер более практический, чем созерцательный.

Иосиф и его спутники с энергией принялись за работу: начали чистить место, указанное провидением, и тут же стали строить келии и ограду. Сам князь со свитой приехал ко времени закладки церкви, и в его присутствии начали деревянный первоначальный храм в честь Успения Богоматери. Князь, его бояре и отроки сами таскали бревна. Прибывшие по его приказанию плотники и другие работники охотно исполняли все работы под присмотром игумена. Князь Борис Васильевич с детства, по примеру отца, любил благочестие. Он обещал Иосифу кормить братию будущего монастыря. Работы по возведению зданий монастырских, при содействии княжеских плотников, быстро приблизились к окончанию. Но, несмотря на такое содействие со стороны князя, трудна была жизнь братии в самое первое время, когда еще за монастырем не было сел. Поспешно шли работы, а с тем вместе и обычные молитвенные подвиги, и необычайные подвиги по общежительному уставу. Иосиф, привыкший к упорному труду всякого рода, олицетворял в себе всякий труд и подвиг. Ученики его безропотно соревновали учителю. Своей мельницы в монастыре еще не было, — мололи ручными жерновами, и усиленнее других молот сам игумен. Один инок, пришедший в новую обитель из другого монастыря, со страхом сказал Иосифу, мелющему жито: «Что делаешь, отче, оставь мне», — и сменил

его, но не мог так работать, как Иосиф. «Не перемолоть мне игумена», — сказал он, дивясь и подвигу, и телесной его силе.

Все шесть лет строительства обители Иосифу и братии суждено было бороться со страшной нуждой и лишениями, соединенными с неутомимыми трудами — келейными и монастырскими. Но в 1479 году — в год основания обители — князь Борис Васильевич дал вновь основанному монастырю деревню Спировскую⁶⁸ в Волоцкой своей волости, со всеми льготами, — с освобождением от различных податей, от постоя людей и коней княжеских, от суда волоцких наместников. Конечно, эта дача была незначительная в сравнении с тем, чем впоследствии обладал монастырь; но монастырь только что зачинался. С этого времени средства монастыря стали быстро увеличиваться: волоцкий князь, глубоко почитая благочестие Иосифа и его сподвижников, стал деревню за деревней приписывать к возникшему монастырю; — его примеру последовала и его супруга Ульяна Михайловна, — она подарила в монастырь село Успенское⁶⁹ и при нем двадцать деревень. С умножением монастырских вотчин умножались и труды игумена: в вотчины он назначал особых приказчиков — иноков и зорко наблюдал за исполнением последними своих обязанностей в отношении к подчиненным, строго требуя от них милостивого обращения с рабами и бедняками. По донесению приказчиков о бедности крестьян, Иосиф всегда спешил на помощь к последним, — покупал им скот и улучшал, на средства монастыря, их быт. К тому же побуждал Иосиф и господ в своих посланиях; говоря: «Как обнищавший пахарь даст

⁶⁸ Ныне село Спирово.

⁶⁹ Село Козино, где главный престол во имя Успения.

дань? Как сокрушенный нищетою будет кормить семью свою?»

Преп. Иосиф был изумительно неутомим в благоустройении монастыря. Через 6 лет на месте деревянной красовалась уже большая каменная церковь, а за церковью возвышалась колокольня, изумлявшая зрителей красотой фасада, а высота ее стала господствовать над местностью на далекое пространство. Каменная церковь в 1486 году была совершенно окончена, покрыта внутри и снаружи живописью искусной кисти Дионисия, того самого, который расписывал церковь в Пафнутиевской обители. Ему помогали его два сына Владимир и Феодосий, старец Паисий и два племянника Иосифа — Досифей и Вассиан Топорковы. Благолепно украшенная церковь эта, снабженная богатыми иконами, ризами, сосудами и книгами, стоила Иосифу более тысячи рублей⁷⁰.

Окончив внешнее благоустройство монастыря, Иосиф приступил и к внутреннему улучшению строя монашеской жизни. На первый раз он написал отдельный наказ братии, помещенный впоследствии в его уставе, «О недержании хмельных напитков по келиям». «Кто к кому принесет в келию мед или вино горячее, или пиво, или квас медвяный, или брагу, и вы бы того не имали ни у кого, ни пили, да сказали бы есте мне: кто что к вам при-

⁷⁰ Цифра эта в свое время была весьма значительная. В XV в. при строении церкви в Кирилло-Белозерском монастыре было 20 каменщиков: вся постройка и благолепие — стоило 250 руб. Большая волость с деревнями стоила 150 руб. Двенадцать деревень со всеми угодьями в Звенигородском уезде — стоили только 200 руб.; шесть деревень, несколько пустошей с лесами и с ножнями — в Волоцком княжестве — 80 руб.; лучший колокол церковный, при дорогизне материала и новизне литейного дела — стоил 100 руб.; лучший княжеский конь в великолепном седле — 6 руб. (Чтения в Обществе истории и древностей российских за 1850 год. Кн. 8. Румянц. биб-ка.)

несет, или келарю, или казначею; а кто пойдет в деревню, или в лес пити, или к кому принесут и он возьмет или учнет пити, а мне не скажет, и он с монастыря будет сослан с бесчестьем. Если князь или боярин вместе с кормом на братию привезет питание, от него же пьянство бывает, то и тогда не ввозить напитка в монастырь, а объяснить при этом знатному лицу со смирением, что оный запрещен уставом». Далее идет целое рассуждение о вреде монашеского тайноядения. Хваля обычаи Симонова монастыря, в котором братия в кельях не ели и не пили и из монастыря никто не отлучался без благословения настоятеля, преп. Иосиф предписал братии ни пить, ни есть в келии. Братия сходятся у погребца пить квас, только настоятель может разрешить питание и ядение в келии, и то в праздник. За трапезой нельзя говорить ни одного праздного слова. Если естество не принимает кушанья, монах имеет право заменить его другим подобным первому, рыбного нельзя подавать два раза.

Сообразно с нравственным совершенством иноков Иосиф разделил монахов своих на три класса. Одни едят только хлеб, соль и воду, кроме больших праздников; одежду носят — рубище ветхое, и того не имеют двух пар, на ногах носят берестовые лапти. Без сомнения, представителем такого поразительного нищелюбия был Кассиан Босой, его излюбленный друг и соратник. Монахи второго чина едят варево, имеют каждый по одной мантии, ряске, шубе; на ногах носят кожаные сандалии. Третьи, не утвердившиеся еще в подвижнической жизни, едят калачи, рыбное, имеют по две одежды всякого рода. По три запрещается. Все без исключения носят на теле власяницы.

Без благословения келаря нельзя взять доски, гвоздя, ни другой какой вещи; без благословения пономаря ни

одной церковной вещи; без благословения уставщика ни одной буквы нельзя вписать в книги.

Чины монастырские следовали в такой постепенности: келарь, казначей, большой чашник, подкеларник, большой хлебник, уставщик.

В церкви и на молитве строго запрещалось «ноги о ноги переставляти, переходить от места и осланяться спиною». Строгость обычаев и благочиние в церкви поддерживали поставленные Иосифом надзиратели из опытных старцев. Они становились у дверей во время богослужения, наблюдали, чтобы монахи без особенной, крайней нужды не выходили из церкви, и будили дремавших от утомления. За трапезой они сидели в середине стола и по концам, следили за точным исполнением устава, чтобы кто-либо из братий не съел того, чего не доел сосед, ибо остатки обыкновенно относились в богаделенный дом, где проживали убогие; чтобы глубокое молчание соблюдалось во время обычного за обедом чтения.

Ворота монастырские крепко запирались на ночь. Сторожа должны были смотреть за тем, чтобы кто-либо посторонний не заночевал в стенах обители.

Женщинам строжайше был запрещен вход в монастырь. Преп. Иосиф не согласился видиться с матерью своей, инокиней, которая незадолго перед смертью пришла проститься с сыном.

Мальчиков не дозволено было пускать в монастырь ни по каким делам: «Робята голоусые злейши бо суть жен на иноки».

Сам Иосиф строго смотрел за братиею; в глубокий вечер тайно ходил по кельям и около келий и, когда слышал беседу, которая была запрещена после вечерни, то ударял по окну, обозначая приход свой. Инокам запрещалось ходить по монастырю без клобука и мантии. Коню-

ший монах, которому поручены были «дворы служний и детский», должен был строго смотреть, чтобы иноки туда не ходили. Казначей, наблюдавший за швейными дворами, где жили швецы взрослые и дети, наблюдал, чтобы и туда не заглядывали иноки. Прогуливаться за монастырской оградой монахи могли только раз в неделю, в воскресный день, и не иначе как с настоятелем. Для общих мирских дел был назначен один день — суббота. Строгость наказа Иосифова касалась и самого устройства келии: запрещалось иметь при кельях погреба и задние воротца; не дозволялось устраивать больших окон, чтобы монах не мог через них тайно уйти из келии. На дворе около кельи не дозволялось сажать вишневых деревьев, яблонь, овощей, — что противно духу общежития.

Всякое нечестие следует смирять жезлом. В подтверждение такого положения он приводит в пример св. Венедикта, который бил жезлом брата, беседовавшего во время пения. За неисполнение предписания Иосиф повелевает налагать на иноков наказание: 100 поклонов; сухоядение два, три дня или неделю; за большие грехи отлучать их на время от причастия, при повторении преступления связывать юзами железными.

Чего же достиг Иосиф по введению общежития? Из многочисленной братии, вскоре собравшейся к Иосифу, не все, конечно, стояли на одинаковой высоте нравственного совершенства с начальником монастыря и его первыми сподвижниками Кассианом, Герасимом, Вассианом и Акакием. Разделение иноков на три класса совершенно убеждает к том. Сам Иосиф говорит, что вначале ему было трудно, при множестве дел по строительству и обширности домоводства, вводить общежитие и требовать, чтобы многочисленная братия его, подобно небольшому числу подвижников, предавалась всецело созерцательной

жизни. Но все же, по свидетельству Саввы Черного, при жизни Иосифа братия так жили, что замков у келий не было, а когда они мыли белье свое, так на реке и оставляли для просушки, и никто не смел прикоснуться к нему. Впоследствии, введя строгую дисциплину, Иосиф достиг своей цели, насколько это было возможно. Строгость общежития Иосиф освящал примером своей жизни. Описатель жития его упоминает о том, как он заботился о больных, покоил их, побуждал и братию назидательным словом следовать его примеру, сам устраивал им постели и хорошо кормил их. Возводя большие церковные постройки, Иосиф особенно заботился о порядке и благолепии богослужения. Владея даром отлично читать и петь, он всегда читал и пел в церкви; грамотных обучал петь церковные песни по нотам. Ризы священнические украшал жемчугом, а церковь — лучшею утварью. За всенощной в монастыре, в праздники, не только монахам, но и мирянам раздавались свечи. Крестные ходы совершались в монастыре с особенным благоговением и торжеством. Многочисленные слушатели, не вмещавшиеся иногда в церкви, поучались его назидательными проповедями.

Преп. Иосиф особенно заботился о распространении грамотности, устроив для этого училища для детей. Устройство домов призрения для престарелых, странных и убогих, попечение об улучшении быта приписанных к монастырю крестьян, ходатайство перед господами о милостивом обращении с рабами — все это доставило Иосифу по всей справедливости название отца и благодетеля в стране волоцкой. Но особенно было велико значение Иосифа для окрестных жителей во время голода. Неурожай продолжался несколько лет; хлеб весьма поднялся в цене, четверть земская стоила 48 сребрениц. Люди ели одну пищу со скотом: листья, кору и сено; под конец же

употребляли в пищу и то, чего не ест и скот: толченые глинушки и горький корень ужомник. Иные умирали от голода, другие от сильной боли в желудке. Тогда-то Иосиф отворил житницы свои, как в древности Иосиф Патриарх в Египте. Монастырь окружили толпы голодных крестьян и нищих. Савва Черный свидетельствует, что к монастырю стеклось до семи тысяч народа, кроме малых детей. Многие из земледельцев приводили голодных детей своих к стенам монастыря и там оставляли их, изнемогающих от голода. Родители не хотели видеть ужасную смерть детей своих. Узнав об этом, Иосиф повелел разыскивать родителей, но когда ни один из них не явился, Иосиф собрал всех детей и построил для них особый дом, где и содержал их до определенного возраста. Наконец истощился весь хлебный запас в монастыре. Иосиф стал продавать скот и одежду, так что и монастырь обнищал. Пришел наконец к Иосифу келарь и доложил ему о той прискорбной истине, что нечем кормить братию. Когда в казнохранилище монастырском не оказалось ни одной копейки, игумен «повеле заимовати денег и рукописание давати». Некоторые из братии стали роптать: им в праздничные дни уже не давали на трапезе калачей и медового квасу. Иосиф отвечал роптавшим, что они обещали терпеть всякую скорбь ради Небесного Царства, поэтому и не должны лишать помощи тех, которые с женами и голодными малютками скитаются по чужим местам из-за куска хлеба.

Слух о том, что Иосиф прокормил столько народу, распространился; и богатые, и бедные, и князья поспешили помочь монастырю. Великий князь Василий Иоаннович сам приехал в обитель и, узнав об оскудении монастыря, велел выдать из своих сел тысячу четвертей ржи, тысячу овса и сто рублей. Братья вел. князя Юрий и Семен, также оказали

богатое вспомоществование монастырю. Одним из первых благодетелей монастыря в это время был преданный Иосифу вельможа Андрей, из рода ростовских князей, по прозвищу — Голенин. Андрей Голенин часто приходил к Иосифу слушать слово спасения, и вот запала ему в душу мысль о будущей жизни: он цепенел от ужаса при мысли о страшном суде и бесконечных муках. Он уже вел праведную жизнь, помогал бедным, прощал обиды и милостив был к княжеской прислуге, но ему этого всего было мало. Раз приехал он к Иосифу с множеством слуг и с отроками в дорогих одеждах, на лучших конях; при нем было множество серебра и золота. Князь проехал прямо в монастырь, слуг же оставил за оградой. Игумен и братия находились в церкви. Князь входит в церковь, припадает к игумену с мольбою — сменить его блистательную одежду на ту, которою облечены отец и вся братия, и тут же отдает Богоматери все свое имение: серебро, золото, одежды и сосуды, весь скот свой и села — Бели, Скирманово⁷¹ и Момошино. Иосиф тут же в церкви и постриг князя с именем Арсения: «и вместо брачных черными его облече и мних за князя именовася».

Отроки княжеские, в ожидании князя, веселились между собой. Никто и не помышлял об его отречении. Но вот вышел из церкви один из братии. Он подозвал к себе всю княжескую свиту и объявил всем свободу: пусть идет кто куда хочет, каждый пусть воспользуется тем, что ранее того получил от князя, князя же пусть не ищут. Он не князь больше, а монах Арсений. Отрокам показалось, что стрелы пронзили сердца их: они проклинали день этот, подняли плач и ропот. Многие любившие князя последовали его примеру.

⁷¹ Первые две деревни Бели и Скирманово (Чубарово) составляют часть прихода с. Козина.

Новый инок отдан был в послушание и обучение строгому подвижнику Ионе — Голове, бывшему воспитателю и дядьке Феодора и Ивана — сыновей Бориса Васильевича. Однажды Феодор в гневе, преследуя кого-то, запнулся и повредил язык. Иона, боясь гнева князя, убежал в монастырь Иосифа, куда, впрочем, давно уже влекло его. Он был примером смирения и трудолюбия. До старости он находился в пекарне. Иона, как некогда Феофил Печерский, прославился даром слезливости. Он постоянно плакал, и не осушалось лицо его и во время печения хлебов. Вкушавшие хлебов его получали исцеление от водяной и лихорадки. Воины, отправляясь в поход, заходили в монастырь просить у Ионы на благословление его хлеба. У Ионы был другой ученик, тоже знатного рода. Епифаний, так назывался этот последний, состоял отроком при князе Борисе. Раз как-то князю среди веселья бросилась в глаза красота юного Епифания. Епифаний устрасился последствий и скрылся в монастырь Иосифа, где и умер через шесть лет, в продолжение которых безукоризненно исполнял все требования своего старца.

Из других знатного рода постриженников Иосифова монастыря нужно упомянуть о Дионисии Трудолюбце, Ниле Полеве и Андрее Квашнине. Первый был князь звенигородский, работал в пекарне за двоих и, кроме того, каждый день клал по три тысячи поклонов. Некоторое время он жил на Сторожеве.

Нил Полев был от рода князей смоленских, светлейший в синклите державного владыки Волоцкого. Андрей Квашнин — боярин тверской, подвизался в затворе. Правило общежития и устав не нарушался, как мы уже видели, ни для кого, и знатные постриженники проходили через самые трудные послушания, как некогда сам Иосиф в Пафнутиевом: они носили худые одежды из самой грубой

ткани и, кроме того, отличались каждый особым подвигом, а не только строгим исполнением одного устава.

Пример Голенина и других князей показывает, насколько люди, имевшие довольно хорошее положение в миру, чувствовали влечение к жизни монашеской и вместе с тем ощущали потребность питаться духовно от трапезы — Божественного Писания, — предлагаемой преп. Иосифом. Савва Черный говорит, что многие бояре от палат княжеских, воеводы и честные воины приходили к Иосифу слушать его беседы по Священному Писанию. Раз пришел к Иосифу какой-то философ и, побеседовав с ним, сказал, что Иосиф подобен древним риторам и великому Златоусту. Многие из сановников, часто беседуя с ним, принимали слово его близко к сердцу и изменяли порочную жизнь на благочестивую. Для всякого слушателя у Иосифа находилось теплое, назидательное слово. В одном из своих посланий Иосиф поучает мирянина, как ему следует молиться; в другом советует вельможе милостиво обходиться с рабами; в третьем беседует духовно с начитанным мирянином; в четвертом убеждает княгиню-вдову в несправедливости ее требований. В своих посланиях Иосиф всегда с уважением относится к духовным детям своим, что, впрочем, не мешает ему быть строгим обличителем, как в послании к княгине-вдове и к вельможе о миловании рабов. Как велико было значение Иосифа в глазах семьи областного князя, видно из того, что Иосиф был восприемником сына Бориса Васильевича, Ивана, который, в двадцатилетнем возрасте скончался в обители своего крестного отца. И в глазах вел. князя московского Иосиф имел огромное значение, что видно из неоднократных пожертвований его в монастырь: но вполне обнаружилось это влияние Иосифа на князя в борьбе его с ересью жидовствующих.

Преп. Иосиф написал устав устроенного им монастыря. Почувствовав приближение смерти, он изложил на бумаге то, что уже при жизни его вошло в обычай и освящено примером собственной его жизни. Устав этот озаглавлен так: «Духовная грамота многогрешного и недостойного и худого игумена Иосифа о монастырском и иноческом устроении подлинно же и пространно и по свидетельству божественных писаний». Духовное завещание это имеет предисловие и состоит из 14-ти глав. В предисловии автор говорит, что, предчувствуя близость кончины, написал он грамоту, «еще жив сый, изложих сия написана, яко да и сушу ми с вами и по моем отшествии хранить сия. Лета приближаются к старости и уготовляется смертная чаша: ибо я впал во многие и различные болезни, которые возвещают мне не иное что, как смерть и страшный суд Владыки Христа Бога». Сознывая всю тяжесть ответственности перед престолом Божиим за души своих иноков, он решился написать им духовную грамоту, которая поэтому не есть только устав в тесном смысле, но и целое поучительное сочинение на пользу братии. Предисловие начинается умоляющим тоном смиренного инока: «Молю вас, отцы мои; и братия, и чада возлюбленная, аз недостойный брат и раб, попечитесь о душах ваших». Что может быть печальнее того, когда мы видим, что люди, жившие с женами и детьми, заботившиеся о мирском сподобились царствия небесного, а те, которые оставили отца и мать, жену и детей, друзей любезных и весь мир, и все, что в нем есть прекрасного и сладкого, которые жизнь провели в скорбях, боролись день и ночь с страстями, как бы со львом и змеем, за малое небрежение, за слабость и преслушание осуждены наряду с блудниками, мытарями и грешниками. Мы, страстные и окаянные, как избегнем страшных тех истя-

заний — мы, которые живем во всякой отраде и покое, имеем все готовое, пищу и питье, одежду и обувь и все то, что нам потребно, и о собственной душе не хотим попечаться. Мы забываем, как и для чего отrekliсь от мира и что обещали Христу. Самое обеспеченное положение монаха дает ему полную возможность строго выполнять монашеские обязанности.

1-я глава обнимает собою довольно обширное рассуждение и наставление о соблюдении всей братией церковного благочиния и о соборной молитве, и какое бдительное наблюдение должен иметь игумен над иноками в церкви. Здесь Иосиф говорит, как нужно спешить на соборную молитву, и предостерегает, что диавол в это время располагает ко сну, как он вторгается в помыслы, как в пустую храмину, когда они не направлены к Богу. Иосиф подкрепляет свои наставления примерами, заимствованными из священных книг, и эти примеры отличаются грозным, карательным характером. Св. Венедикт, например, бил жезлом брата, любившего ходить по церкви во время пения. Ему виделось, что с этим монахом ходит бес в образе мурина. Еще рассказывает Иосиф об иерусалимских церковниках, от которых шел смрад, когда они нарушали церковное благочиние, и о них сказал один св. старец, что очистить их можно не иначе как огнем; нашли персы и сожгли церковников.

Во 2-й главе увещевает братию о соблюдении благоговения в трапезе. Положительно запрещая беседу за трапезой, Иосиф сравнивает разговаривающих за трапезой со свиньей, которая ест хрюкая. Напротив, он приводит рассказ из жития Нифонта Цареградского об ангелах, служащих за христианской трапезой. Запрещая пить и есть в келье, в особенности же втайне от настоятеля, Иосиф предлагает братии рассуждение о бесполезности насыще-

ния и о вреде чревообъядения, и в угрозу тем, которые тайно в келье насыщаются, приводит в пример смерть одного монаха, которого ужасный змей связал по рукам и по ногам, а голову вложил в уста.

В 3-й главе говорится об одежде и обуви иноков.

В 4-й и 5-й главах о келейном благочестии, «о еже како не подобает беседовати по навечерницы и не входить из келии в келию»; равно как нельзя инокам выходить за монастырскую ограду без благословения настоятеля. В назидание приводится несколько примеров из жизни подвижников. Послушник Павел Простой, по приказанию своего старца, беспрекословно сшивал мантию, которую старец по окончании работы разрывал и вновь ему приказывал сшивать. Неделью продержал его старец на солнечном припеке, без пищи и питья. Когда наконец он возвратился, старец велел ему плести финиковые ветви и снова расплести, потом посадил его за стол с яствами и не велел ни до чего дотрагиваться, а вслед за тем выслал его в пустыню на 3 дня и дал ему сосуд с медом. Иосиф восхваляет послушание Павла.

В 6-й главе говорится о чине соборных служб.

В 7-й главе увещает братию не держать хмельных напитков в келии и даже вообще в монастыре, «от них же пьянство бывает», а от пьянства все пороки.

В 8-й главе о запрещении ходить в монастырь женщинам, которые губят нравственность инока и возмущают покой души.

В 9-й главе рассуждает о том, как вредны отроки для монаха: «злейши бо суть жен отрочата на иноки»; посему и им, так же как и женам, вход в монастырь должен быть воспрещен.

В 10-й главе помещается полемика Иосифа с теми иноками, которым не нравились все нововведения его и

которые с неуважением относились ко всякому новому писанному учению Иосифа: по их мнению, для верующих достаточно того, что написано древними отцами и что теперь надо учить словом, а не писанием. В ответ на это Иосиф свидетельствуется Христом, что пишет не для славы, а для душевной пользы читающих его сочинения. Затем доказывает словами древних церковных писателей Иоанна Златоуста, Иоанна Лествичника, Никона Черногорца, что настоятелю и пастырю следует не только словом, но и писанием поучать братию. После того помещено сказание «вкратце о святых отцах в монастырях, иже в рустей земли сущих». О благочестии в русских монастырях мы упоминали выше.

В 11-й главе заключается руководство для настоятелей: как подобает настоятелю учить и наказывать братию.

Три последние главы посвящаются старейшей братии монастыря, их обязанностям по монастырскому управлению; об отношении меньшей братии к начальствующим и наставление об эпитимиях за нарушение устава. Иосиф приказывает, чтобы игумен, его преемник, советовался со старейшею братией о всех важных делах. Перед каждым собором должно быть совершено молебствие в церкви. Он поучает, как надо вести и само соборное дело: сперва говорит старший, т. е. игумен, потом второй по нем и так далее до самого младшего; нельзя перебивать речей друг-го, нужно выслушивать других и со смирением ожидать своей очереди.

Здесь же следует упомянуть о двух его посланиях, относящихся к благоповедению братии. Первое послание некоему о Христе брату, о соблюдении монастырских правил, «еже сохранить сия заповеди царствия ради небеснаго». В нем Иосиф передает старцу правила послушания, как надо вести себя монаху по правилам общежи-

тия. Но в нем есть некоторые подробности, обрисовавшие монашеский быт, например, как надо поступать с книгой: из церкви и из трапезы нельзя взять книги без согласия пономаря, заведующего библиотекой; чтобы в книгу не вкрались погрешности, приписки и поправки по своему домыслению, и чтобы не вырезали из книги листов. После трапезы не оставаться в трапезной, за последнюю трапезу есть не ходить и в баню (щогнушу) не лазить и не пить в щогнуше. После повечерия не останавливаться на монастырской площади для праздных бесед и не заходить в кельи соседей; паче же по вечерам на деревню не ходить ни по какому делу. Не пить, не приобретать пищи от деревенских жителей; без мантии по монастырю не ходить. Без себя кельи не топить; святые иконы, книги и вещи серебряные и одежды по благословению настоятеля держать. Когда до слуха монаха дойдет, что кто-нибудь из братии намеревается нарушить обычай или действительно его нарушит, то не должно его осуждать или обличать, но со смирением сообщить настоятелю наедине, в тот же день, «или на мефимоне». В конце послания Иосиф снимает с себя ответственность, если брат его духовный не исполнит советов. «Аще не восхощеши сих содержати, аз не повинен есмь пред владыкою Христом, но сам о себе слово дам на страшном судищи Христове».

Второе послание Иосифа к архимандриту Макарию, протопопу Ивану, игумену троицкому Иоакиму и игумену Иоакиманского монастыря Иоакиму о расстригшемся чернце.

Бежал из монастыря Иосифова новопостриженный инок. Иосиф преследует его и отца его, принявшего в дом беглеца, церковным отлучением, и по этому поводу пишет послание к означенным духовным особам города Волоколамска. «Приехал к нам зимою сын Неровного (вла-

дельца), — сообщает Иосиф, — и бил челом мне и братии, чтобы мы его постригли в чернецы, и просил нас со многим смирением и слезами: ибо по божественным правилам сына от отца постригать в чернецы, без его согласия было неосновательно. И вот он, пожив у нас немного времени, убежал из монастыря и теперь живет у отца как простой мирянин». Ссылаясь затем на Никифора, патриарха Цареградского, который беглых монахов велел проклинать на том основании, что иночество есть второе крещение, Иосиф просит, чтобы ни самого Неровного, ни сына его не пускали в церковь, и чтобы поп к ним на дом не ходил. «У меня, — говорит Иосиф, — в монастыре был Неровный, но я его не пустил в трапезу, потому что с такими есть и пить недостойно: он одного сына расстриг, другому возбраняет в церковь ходить. Для большего же убеждения ссылается на правила Халкидонского Собора, прибавляя от себя, что видел сам, как три брата, покинувшие монастырь, окончили жизнь злой смертью. «Горе [человеку тому,] имже соблазн приходит», и с этими словами Писания оканчивает послание.

Одной из главных забот Иосифа было приобретение книг, нужных для богослужения и назидания. Он положил начало знаменитой в России библиотеке, которой обладал долгое время основанный им монастырь. Многие книги приобретались за деньги, многие подарены монастырю митрополитом Даниилом и другими знаменитыми вкладчиками. Не зная никогда устали, при достижении главной цели, направленной им к благоустройству монастыря своего, Иосиф, при множестве дел, находил еще время для переписки многих богослужебных книг. Сохранились до наших времен писанные самим Иосифом книги: Евангелие, Синодик, Богородичник, Триодь постная, Книги ветхозаветные: Паралипоменон, Иудифь, Ес-

фирь и пророка Иеремии. В настоящее время библиотека эта разделилась на три части: лучшая и самая богатая по числу книг досталась Московской духовной академии; вторая часть вошла в состав книг Московской Епархиальной библиотеки и третья — самая незначительная — осталась в монастыре.

Таков был основатель общежительного монастыря преподобный Иосиф Волоколамский.

Борьба Иосифа с ересью жидовствующих

Опаснейшая для Христовой Церкви в России ересь жидовствующих свила гнездо себе первоначально в Новгороде, а затем занесена была и в Москву. Начало — вожди этой ереси были люди образованные, пользовавшиеся высоким положением в обществе: их красноречие и убеждения, поощрявшие необузданную безнравственность и невыразимое бесстыдство, легко увлекали народ; они скоро нашли последователей и в высшем обществе духовенства и мирян. Сам Иоанн III первоначально был увлечен еретиками. Не легко ли было поколебаться всему Православию в России, когда один за другим — два митрополита Московские были на стороне еретиков? Но зато не легко было и бороться с такими сильными врагами. Духовную брань с еретиками начали Геннадий, архиепископ Новгородский, и игумен волоколамский Иосиф, от которых еретики и потерпели окончательное поражение. Между Геннадием и Иосифом была тесная связь через Кутузовых, вотчинников волоколамских. Сам Геннадий, но прозванию Гонзов, происходил от московских бояр, которые были в родстве с Кутузовыми; а как был близок Иосиф с Кутузовыми — об этом было говорено выше. Когда митрополит Геронтий посадил Геннадия,

еще чудовского архимандрита, в ледник за самовольное разрешение пищи накануне Богоявления, защитниками последнего были Борис Васильевич и брат его Юрий, по просьбе Иосифа. Приближенные к великому князю Борис и Юрий, ободряемые Иосифом в справедливости их хлопот, сделали так, что Геннадий был отпущен на волю. Получив архиепископство Новгородское, от которого зависело духовенство в Волоколамске и монастыри в той стране, Геннадий поспешил отплатить своему другу — Иосифу, за оказанную им услугу. Он подарил в монастырь Иосифов село Мочевское и две деревни, сельцо Чемсово в Рузе да колокол во сто рублей, а Иосифа назначил благочинным над всеми монастырями в Волоколамской области.

В 1479 г. новгородцы сами избрали себе архиепископа — Феофила: но Феофил нисколько не обращал внимания на нравственное состояние своей паствы, напротив, был снисходителен к распущенности духовенства, не подозревая, что ересь жидовствующих уже глубоко пустила свои корни среди новгородского духовенства; он принимал даже деятельное участие в возмущениях новгородцев против власти великого князя московского и в попытках восстановить уничтоженное Вече и древние права независимости. Иоанн III счел необходимым предпринять поход против непокорных новгородцев, разгромил Новгород и пленил главных зачинщиков возмущения. Между ними был владыка новгородский. В Москве Феофила принудили дать отреченную грамоту. После низложения Феофила (что весьма возмутило новгородцев) в Москве, по новгородскому обычаю, метали жребий, кому из троих кандидатов должно быть архиепископом Великого Новгорода. Жребий пал на архимандрита троицкого Сергия. Новгородцы неблагосклонно приняли нового владыку, и

Сергий менее чем через год, расстроенный физически и нравственно, оставил архиепископство. Потрясенному Новгороду нужен был архиепископ — человек стойкий и деятельный. На этот раз был назначен чудовской архимандрит Геннадий. Неизвестно, как приняли новгородцы владыку, назначенного московскими духовными властями, без участия в выборе новгородцев. Впрочем, нелюбовь к московской митрополии в новгородском духовенстве коренилась в низложении Феофила и вполне выразилась в том, что Сергий был не принят им. Но Геннадия ничем нельзя было испугать. Он был крепок разумом и деятельно принялся за паству.

И Геннадий первоначально не знал о существовании ереси жидовствующих. Первое сведение о ереси дошло до архиепископа случайно: четверо еретиков, в нетрезвом виде поссорившись, упрекали друг друга в нечестивых делах и тем обнаружили ересь. Еще за 15 лет до назначения Геннадия архиепископом прибыл в Новгород еврей Схария, очень образованный, знавший многие науки, в том числе астрологию и астрономию. Со Схарией прибыли и другие евреи, занесшие в Новгород новое учение. Учение⁷² Схарии состояло в том, что закон Моисеев есть единый Божественный, что история Христа выдумана Его немногими последователями, что Он еще не родился, что не должно поклоняться ни иконам, ни мощам, что умершие не воскреснут, и жизнь человеческая совершенно оканчивается смертью; ответственности за жизнь никакой не бывает. Еретики наши прикрывали свое нечестие ложным благочестием. Некоторые из духовных лиц поддались новому учению и, в свою очередь, втайне увлекали

⁷² *Иннокентий (Смирнов), преосв.* Начертание церковной истории от библейских времен до XVIII века. СПб., 1817. С. 391.

других. Таковы были наши ересиархи-протопопы Алексей и Дионисий, наружным благочестием которых пленился Иоанн Васильевич в бытность свою в Новгороде, взял их в Москву и сделал первого протоиереем Успенского Собора, а последнего определил в Архангельский. Ересь вызвала накипевшую издавна ненависть к поборам местных архиерейских десятильников. Ненависть эта слилась воедино с ненавистью к самой религии, на которую еретики наталкивали попов, диаконов и клириков. Ненависть еретиков к церкви выразилась самым грубым образом. Еретики новгородские не только истребляли кресты и иконы, но и выдумывали различные способы оскорбления этих священных предметов: кусали их, бросали в скверные места, спали на иконах и мылись на них, обливали их нечистотами; изображали срамные вещи на крестах и навязывали их воронам на хвосты. Вдобавок оскорбляли иконы словами и непристойными движениями. Итак, Геннадий прежде встретился с иконоборством и бесчинством грубых последователей Схариин. Уличив еретиков, Геннадий послал их в Москву и требовал, чтобы их предали городской казни. С ними послал Геннадий послания к великому князю и митрополиту Геронтию, в которых указывал и на московских еретиков, требуя строгого суда и над ними. Иоанн III, не зная сущности ереси, из-за того что привезенные им из Новгорода еретики отклоняли от себя всякое подозрение своим наружным благочестием, был весьма снисходителен к ним. Митрополит же Геронтий, в котором не остыл еще гнев на Геннадия, по случаю освобождения его из ледника и за спор о хождении «посолонь», в котором Геннадий одержал победу над владыкою, — повел себя двусмысленно: Геронтий боялся гнева державного, который смотрел на ересь сквозь пальцы. Время тянулось в бесполезных проволоч-

ках, и Геннадий не получал никакого ответа из Москвы. Между тем в Москве составилась довольно значительный кружок еретиков: ересиархи — Алексей и Денис вели свое дело искусно; к ним примкнули: дьяк великого князя Федор Курицын, который, по свидетельству Иосифа, был человек «ученый, прилежал звездозаконию и многим баснотворениям, чародейству и чернокнижию»; дьяк Курицын привлек на свою сторону крестовых дьяков великого князя Истому и Сверчка и купца Семена Кленова, — этот последний письменно излагал свои убеждения, оскорбительные для Сына Божия и Пречистой Его Матери. Между еретиками московскими находились Иван Черный и Мартынка из угорской земли. Зять протопопы Алексея — новгородский еретик — был тут же среди москвичей. В начале московские еретики, по выражению Иосифа, таились, как змеи в скважине; но в то же время тайно распространяли еретическое учение. Медленность в расследовании дела о еретиках глубоко оскорбила новгородского владыку: он страдал нравственно. Тогда Геннадий, по свидетельству Иосифа, из чащи Божественных Писаний устремился как лев, чтобы ногтями растерзать внутренности скверных еретиков, напившихся жидовского яда.

Под влиянием оскорбленного до крайности религиозного чувства Геннадий сперва написал своему другу — Иосифу подробно о еретиках, об их вероучении и бесчинствах, сообщил ему и о неудавшихся попытках его одним ударом уничтожить ересь. Надеясь на его всесторонние познания Божественного Писания и глубины истин христианской религии, Геннадий просит его постоять за истину. Затем в послании к Нифонту, епископу Суздальскому, Геннадий просит епископа печаловаться пред великим князем и митрополитом, чтобы «потщались тому делу исправление учинити, за неже ныне, как продлилось

то дело, обыск ему не крепок чинитца». В том же духе он писал и Филофею Пермскому.

Труды Геннадия наконец увенчались некоторым успехом. В Москве созван был по повелению великого князя собор, на котором призваны виновными в ереси трое: поп Григорий, поп Ересима и сын Григорьев — диакон Самсон, которые и преданы были градской казни. Некоторые еретики остались ненаказанными. Уведомляя о том Геннадия, Иоанн III и митрополит повелевали ему продолжать поиски еретиков. «Да обыскивал бы еси, сыну, то дело прилежно, чтобы христианство в возмущении не было, а церковь бы Божия безмятежна была». Продолжая свои исследования о еретиках, Геннадий выпытал от Самсонки дьякона, присланного после публичной казни в Новгород, что все еретики в Москве пользуются покровительством влиятельного Федора Курицына, у которого бывают сходбища еретиков, где они и поучаются на православных.

Между тем Геронтий, потеряв к себе любовь и уважение Иоанна Васильевича, после пожара 13 августа 1488 г., истребившего и митрополичий дом, разбитый духом, скончался весной 1489 года. Влиятельный Курицын и его соумышленники достигли того, что преемником Геронтия был избран человек из их среды; то был симоновский архимандрит Зосима. Новый митрополит прежде всего взялся за главного врага еретиков — Геннадия. Ни с того ни с сего он потребовал от Геннадия публичного исповедания веры, которое делают вновь рукоположенные епископы, и этим хотел обесчестить архиепископа Новгородского. Но Геннадий, ссылаясь на положительные правила св. соборов, отказал в этом митрополиту. Непримируемая вражда завязалась. Уверенный однако же в справедливости своих действий, Геннадий в 1490 г.

вновь потребовал собора на еретиков — и на московских, и на новгородских, что они, как иконоборцы и тайные еретики, от которых нельзя уберечься, достойны сугубого проклятия; мало того — он просил, чтобы их казнить, жечь и вешать. Зосима не мог противодействовать архиепископам и собрал собор, на котором прокляли только новгородских еретиков: протопопа Гаврилу, Дениса, диакона Макара, диакона Гридю Борисоглебского и других, покровители же еретиков опять все уцелели.

После собора Зосима перестал таиться, стал открыто брать сторону еретиков и вместе с тем, не сдерживаемый уздой страха Божия, стал предаваться ужасному пороку своего времени — пьянству. В это время на защиту Православной Церкви восстал Иосиф Волоцкий. В своих посланиях к епископу, великому князю и боярам он изливает всю горечь, накопившуюся у него против еретиков, он не щадит никого и не жалеет красок для очернения их. В посланиях своих Иосиф является великим богословом Церкви Русской. Хорошо знал своего друга Геннадий, что вызывал его на борьбу с еретиками. Иосиф прежде всего пишет свое послание к Нифонту Суздальскому, пользовавшемуся почетом у всех русских пастырей: оно написано сильно и с горячностью. Иосиф начинает с Зосимы. «Известна ли тебе, Государь мой, — пишет Иосиф, — нынешняя великая беда, постигшая Русскую землю и все православное христианство? В великой церкви Пречистой Богородицы, сияющей как второе солнце посреди Русской земли, на том святом престоле, где сидели святители и чудотворцы Петр и Алексий и другие многие великие православные святители, ныне сидит скверный и злобный волк, одетый в одежду пастыря, саном святитель, а по воле своей Иуда предатель и причастник бесам. Осквернил он святительский престол, одних уча жидов-

ству, других содомски скверня. Змий пагубный, мерзость запустения на месте святе, отступник Христов, он не только сам отступил от Христа и прилепился к диаволу, но и других учит от Христа отвергаться. Он первый из святителей нашей земли — отступник и предтеча Антихриста. Свински живя, он поджидает Антихриста. Сын погибели, он Сына Божия попра, похулил, Пречистую Богородицу и всех святых унизил. Икону Господа нашего Иисуса Христа и Пречистой Его Матери и иконы всех святых называет болванами. Отвергая евангельские предания и апостольские уставы и писания всех святых, он говорит: нет второго пришествия Христова, а святым нет царства небесного: кто умер, тот только до тех пор и существует, пока не умрет. Никогда не бывало такого злодея между древними еретиками и отступниками. Всю надежду на спасение Русской земли от ереси возлагаю на тебя: «глава бо еси всем и на тебе вси зрим». Если в мирное время мы порадовались с Христом и были его любимцами, то не будем его врагами в ратное время. Иисус распят был за нас безгрешный: неужели и мы за распятого нас ради не постраждем? Господь наш Иисус Христос рече: «Блажени есте, егда поносят вам ... и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради». И паки рече: «Не приидох воврещи мир, но меч», и ниже «Приидох бо разлучити человека на отца своего, и дочь на мать свою... а врази человеку домашнии его». Се есть рать. Ино же, егда отец или мати, их сын и дщи совратится от правой веры, подобает ненавидити их и отвращатися и бегати от них, яко да не с ними погибнем». Расположив, таким образом, епископа Нифонта к духовному подвигу, Иосиф предлагает ему и совет, как должно поступать ему в отношении к Зосиме. Он просит его научить всех православных христиан не ходить к Зосиме, не брать у него благословения,

не есть и не пить с ним, угрожая в противном случае осуждением и вечным огнем. Он не допускал в отношении этой ереси веротерпимости.

В послании к брату Вассиану, уже архимандриту симоновскому, Иосиф излагает возникновение ереси жидовствующих, их богопротивное учение и убеждает брата отбросить всякое малодушие и даже пострадать до смерти, если представится к тому случай. Видно, что и Вассиан немало потерпел от еретиков. «Подвигнись, брат, — говорит Иосиф, — пострадать за пострадавшего за нас, да твоими подвигами очистит Господь церковную и добродетельную ниву от пагубных и жидовских плевел и порежет серпом гнева Своего, и ввержет в геенскую пещь и мечем уст Своих отсечет главу сатаны и дивие вепря, пришедшего от луга, озобавшего святительский виноград его и осквернившего святительский великий престол и исторгнет тя от зубов его».

В то же время Иосиф написал «Сказание о новоявившейся ереси Новгородских еретиков Алексея протопопа, Дениса попа и Федора Курицына и инех иже такоже мудрствующих». А затем следуют его шестнадцать слов против еретиков, в которых излагается вероучение православной церкви о Святой Троице, о воплощении Сына Божия, о Св. Духе, о почитании святых, о чествовании св. икон и о других догматах христианской религии; в словах этих опровергаются все возражения еретиков против догматов Церкви; поэтому все это обширное сочинение носит одно общее название «Просветитель»⁷³. Строгий ревнитель Православия, Иосиф не мог ограничиться в борьбе с еретиками одними советами действовать против них.

⁷³ Хрущев И. Историко-литературный разбор сочинений Иосифа Волоцкого. М., 1868. См. критическое рассмотрение книги Хрущева К. И. Невоструевым.

Самому ему, как человеку образованному и пользовавшемуся доверием и уважением в высших сферах, действовать была полнейшая возможность. Еретики рассылали грамоты для распространения своего учения и, вместе с тем, для подорвания авторитета таких противников ереси, как Геннадий. То же сделал и Иосиф: он понял, что необходимо дать оружие в руки христиан, не имеющих многих книг и не знающих Божественного Писания. «Собрах воедино от различных писаний божественных, яко да ведящих божественные писания, прочетше, воспомянут себе, неведущии да разумеют. И аще кому что потребно будет противу еретическим речам и благодатию Божией обрящет готово без труда в коемждо слове».

Еретики, отвергая новозаветные писания и учение Православной Церкви о Св. Троице, учат следовать одному закону Моисеевому. В первом слове на еретиков преп. Иосиф приводит многие свидетельства из книг ветхозаветных о Св. Троице и разрушает тем ложное понятие еретиков о Боге. Второе слово состоит из учения о церкви, о лице Иисуса Христа, о Его воплощении и втором Его славном пришествии, доказывая свое учение из книг Ветхого Завета. В третьем слове опровергается учение еретиков, что должно придерживаться закона Моисеева, приносить жертвы и обрезываться. Против этого он противопоставляет 15 главу Деяний — о соборе апостолов. Четвертое слово направлено против учения, которым признается бесполезным воплощение Сына Божия, ибо если бы Бог захотел спасти Адама, то для этого у него есть в распоряжении небесные силы, пророки и праведники. Пятое и шестое слова — о почитании святых икон вообще и о иконе Св. Троицы. В седьмом слове говорится о том, как и почему подобает христианам поклоняться иконам, а затем доказывается вся несостоятельность уче-

ния еретиков о том, что нет надобности строить Богу храмы, ибо Он сказал: храм Божий есте вы и Дух Божий живет в вас. Восьмое, девятое и десятое слова писаны по поводу несбывшегося ожидания в конце 7-й тысячи (1492) второго пришествия Христова, что послужило поводом новых упреков православным со стороны еретиков: «...чего ради несть второго пришествия Христова, а уже время ему быти. Апостолы убо написаша, яко Христос родися в последняя лета. Апостольские писания ложна суть». 11-е слово написано в защиту иночества, поносимого еретиками. В 12-м слове разрешается вопрос: действительно ли на истинных христиан проклятие со стороны еретика митрополита, 13-е слово направлено против выдуманного еретиками положения, что не должно осуждать ни еретика, ни отступника. Три последние слова «Просветителя» обнимают рассуждение о соборных определениях и о безусловном повиновении соборному определению. Еретиков следует разыскивать, выпытывать от них признания в ереси, в случае же надобности прибегать к благоразумной хитрости. Иосиф вооружается против мнения о возможности допускать еретиков в церковь и к причастию. Еретиков по особому снисхождению можно допускать до причастия Св. Таин только в том случае, если они принесут истинное покаяние; но только еретиков, а никак не отступников. Жидовствующих он причисляет к отступникам. Если эти последние и принесут покаяние, то они, по Василию Великому, всю жизнь должны плакать и не приступать к Св. Таинам; они должны и молиться особо, а не с верными. Горько жаловался Иосиф державному князю, что он прислал еретиков в его монастырь на исправление. Во всех своих сочинениях, направленных против еретического учения, преп. Иосиф предстает не как спокойный апологет, защищающий ис-

тины религии от нападения врагов, но как строгий обличитель ложного учения и ревностный каратель нечестия. При каждом опровержении еретического мнения он, изложив известную догматическую истину, проклинает учение еретиков.

Духовная брань Иосифа и Геннадия с еретиками кончилась тем, что Зосима был сведен с митрополичьей кафедры и сослан в Троицкий монастырь. Многие еретики были подвергнуты публичной казни, иные отправлены в заточение, некоторые погнили в изгнании, а иные прокляты и отлучены от церкви. И вот православие через ревность Иосифа восторжествовало над злым неверием. Конечно, некоторые еретики избегли должного возмездия как, например, Федор Курицын, но они были уже бесцельны, потому что христиане были вооружены, как все оружием Божиим, сочинениями Иосифа — отца Русской Церкви.

Летом 1503 года Иосиф, еще ни разу с самого основания обители не покидавший стен ее, вызван был в Москву, по письму Иоанна Васильевича, для присутствия на соборе по следующим важным вопросам. Иноки, прошедшие на Афоне школу строгой подвижнической жизни, любители пустынной созерцательной жизни, неблагоприятно отнеслись к общежитию в монастырях: они говорили, что иноки не должны отвлекаться заботами о мирском от своих келейных подвигов; общежитие тогда только возможно, когда тот или другой монастырь обладает большими средствами. Представителями высокого иноческого идеала были преп. Нил Сорский и его ученик Вассиан: они стали осуждать Иосифа за заботы о приобретении монастырских имуществ. Поэтому и был поставлен вопрос: владеть монастырям селами или нет? Большинство светских и духовных властей держались мнения

Нила Сорского и предлагали отобрать у монастырей имущество в казну. Защитником монастырей был преп. Иосиф. Он отстаивал право пользования монастырей дарованными имуществами. С ним прежде согласился митрополит Симон и весь собор, и доказана была великому князю на основании примеров из священной, церковной и отечественной истории законность владения монастырского, — и монастырские имущества остались неприкосновенными. На этом же соборе преп. Иосиф был самым искреннейшим защитником вдовых иереев и диаконов, которых не хотели допускать до священнодействия и требовали поголовного их отрешения от мест. Вопрос был решен благоприятно в пользу вдовцов.

После собора Иосиф возвратился в монастырь. После смерти великого князя Иоанна Васильевича на русский престол сел Василий Иоаннович, строгий ревнитель Православия, который за это поборниками Православия назван новым Константином. Он уважал Иосифа за ревность Православия на Руси. Из расположения к преподобному великий князь назначил брата его — симоновского архимандрита Вассиана — Ярославским архиепископом и повелел ему быть первым архиереем после митрополита. С тех пор преп. Иосиф приобрел большое значение в Москве. Но и на Волоке его положение было уже не то, что прежде. Государь волоцкой земли, благодетель и кум Иосифа, Борис Васильевич умер. Умерла и княгиня Ульяна Михайловна, много усердствовавшая монастырю. На Волоке княжил старший сын Бориса Васильевича — Феодор, запальчивого и гневного характера. По завещанию отца половина волоцкой земли принадлежала брату Феодора — Иоанну Борисовичу. Феодору не на что было пировать и тешить своих бояр. Но в его уделе находились четыре обители, богатые церковной казной и обширными

владениями, и вот князь решил поживиться богатствами монастырей. Князь понемногу отбирал церковную казну в монастырях Возмицком, Селижаровском и Левкиеве и вскоре добрался и до монастыря Иосифа. Однажды взял он у Иосифа займы сто рублей. Несколько лет прошло с тех пор, как князь занял у Иосифа деньги, а об отдаче их и не думал. Иосиф решился напомнить ему о долге: но князь хотел бить кнутом посланного от него — старейшего из братии Герасима Черного. В другое время князь прослышал, что Иосиф приобрел на полтора ста рублей жемчуга для украшения риз и прислал просить этот жемчуг на венец к шлему. Иосиф не исполнил этого требования. Ожесточенный таким упорством игумена, князь стал угрожать Иосифу изгнанием из своих владений, а чернецов его обещал подвергнуть казни кнутом. Но и у преподающего были великие заступники в Москве. Впрочем, прежде чем обратиться к помощи великого князя Василия Иоанновича, Иосиф захотел испытать твердость подвижнической жизни братии и то, насколько крепка их любовь к нему, а вместе и преданность месту. Призвав к себе братию, он объявил им о враждебных намерениях князя Феодора и предлагал оставить обитель и уйти прочь. Иноки подняли ропот и плач. «Мы, — говорили они, — и себя и свои жизни отдали Пречистой, да и тебе, а не князю. Мы надеялись, что ты будешь нас покоить до смерти, а после смерти молиться за нас. Сколь было силы, работали мы монастырю Пречистой и тебе: теперь все силы наши истощились (говорили, конечно, старшие из братьев), и ты хочешь нас оставить. Хорошо ли будет, что под старость ты сам и мы будем “волочиться” по чужим монастырям, а обитель Пречистой запустеет?» Старцы молили игумена прибегнуть к покровительству великого князя. И Иосиф вскоре написал ему послание, прося при-

нять монастырь в свою державу. В это время (1507 г.) свирепствовала моровая язва и Иосифу, обремененному старческими недугами, трудно было ехать в Новгород к архиепископу Серапиону, чтобы испросить благословения его отойти в ведение великого князя. Старцы Герасим и Кассиан, посланные Иосифом к державному с этой просьбой, говорили, что Иосифу по причине моровой язвы нельзя было ехать в Новгород взять благословение от архиепископа, на что Василий Иоаннович дал им такой ответ: «Об этом не заботьтесь, а Иосифу скажите, что не он отошел от архиепископии Новгородской, а я взял монастырь от насилия удельного; когда же окончится земная невзгода, сам я пошлю об этом архиепископу». Так Василий Иоаннович стал покровителем и опекуном Иосифова монастыря, а князь Феодор утратил богатый монастырь из своего удела.

В негодовании на Иосифа, он вместе с возмицким архимандритом Алексием Пименовым решился действовать против Иосифа через Серапиона, оклеветав его в том, что он из корыстных целей отошел с монастырем к Москве, пренебрегая своим начальником — Новгородским архиепископом и ни во что вменяя благодеяния своих государей — волоцких князей; и Серапион стал разделять их мнения насчет Иосифа. Но немирный князь и его единомышленники, не поверив нисколько Иосифу, успели лишь в том, что погубили Серапиона: он был обвинен в Москве за неправильные действия против Иосифа и закончил дни свои в заточении — в Сергиевой Лавре.

Почувствовав приближение смерти, преп. Иосиф еще раз напомнил великому князю заботиться о монастыре Пречистыя, и предал праведный дух свой в руки Божии, на 76 году от роду, 9 сентября 1515 года. Завещание преп. Иосифа было исполнено в точности. Приехав в мона-

стырь после смерти преподобного, Василий Иоаннович сказал старцам: «Аз у вас прикащик: Аще ли не станете хранить предания, аз исправлю и вам будет не зело любо». Часто потом навещал он монастырь преданного ему Иосифа. Преемника его в игуменстве — Даниила сделал митрополитом; позвал в крестные отцы к первому сыну своему старца Кассиана Босого. Наконец, окруженный братиею Иосифова монастыря, великий князь скончался на их руках.

Заключение

Вот вкратце история православного монашества, основанного преподобным Сергием Радонежским во второй половине XIV века. Многочисленные обители быстро умножаются в Северо-Восточной России. История отечественной Церкви справедливо замечает, что Сергей был тем на севере, кем в XI веке на юге были Антоний и Феодосий Печерские. Под влиянием преподобного Сергия, его учениками основано до двадцати монастырей, из которых многие в свою очередь сделались рассадниками новых обителей. Церковь Русская преимущественно чтит память преподобных отцов — основателей монастырей, восхваляя в песнопениях своих их необыкновенные подвиги и труды. История признает за монастырями гражданское значение, как в том отношении, что возникавшие в безлюдных местах, они заселяли их, развивали земледелие, распространяли культуру и Православие среди грубой чуди и лопарей, так и в том влиянии, какое имели основатели на современное общество. Основатели иноческих обителей в XIV и XV веках отличаются необыкновенной силой воли, бесстрашием и бесстрашием в пре-

одолении всех трудностей для достижения высших целей. Преподобный разрывает с семьею и родиной все связи и идет на подвиг. Выдержав строгий, долголетний искуc в монастыре, укрепившись в борьбе со страстями и всякого рода трудностями, он удаляется в глубь лесов и там собирает воинов для борьбы с врагами.

Семья, воспитавшая будущего подвижника, отличается благочестием, а иногда в ней заметна склонность к иночеству. Родители преподобного, люди грамотные, заботятся о том, чтобы дать и ему приличное образование. В детстве будущий основатель монастыря чуждается игр и общества сверстников. Он с любовью слушает рассказы о святых, посветивших себя служению Богу. Храм Божий заменяет ему все удовольствия; он прежде всех является в церковь и с удовольствием иногда исправляет должность чтеца и певца. Способный к учению и впечатлительный отрок — вчитывается в книги и встречается в них с идеалом иноческим. Кругом себя он повсюду видит одно зло. У него созревает наконец сильное, непреодолимое желание уйти от мира и облечься в ангельский образ, чтобы победить тем влечение ко злу. Иногда родители удерживают увлекающегося юношу и советуют вступить в брак. Тут-то делает он решительный шаг: тайно уходит в отдаленный монастырь, куда влечет его слава основателя его.

Новый постриженник безропотно несет в монастыре тяжесть молитвенных подвигов, с полной охотой исполняет самые трудные работы и заслуживает любовь игумена и братии. Потом в иноке появляется желание покинуть место своего пострижения. Жизнь в многолюдном монастыре мало удовлетворяет его возвышенные стремления. И вот он тайно оставляет монастырь для пустыни, подобно тому, как в юности покинул дом родительский для монастыря. Странник направляет путь свой к север-

ным безлюдным лесам, которые всего более удовлетворяли жаждущего пустынной жизни. Место, избранное основателем будущей обители, отличается красотой природы. Река, озеро, чистый источник, быстрый незамерзающий ключ, около которых селились пустынники, имеют и теперь священное значение для окрестных жителей. Пустынник первым делом своим почитал водрузить крест, а потом устроить себе хижину или ископать пещеру. Долго остается пустынник не замеченным людьми, проходя в одиночестве трудный свой подвиг. Живя уединенно, отшельник с любовью относится к окружающей его природе. Он ласково обходится с птицами и приручает зверей, делит с ними пищу и в этом созерцает первое состояние невинного человека в раю.

Мир встречает отшельника в первый раз по большей части враждебно. Жители близлежащих сел опасались, что их земли могут отойти к монастырю, если таковой будет основан. Напомним себе здесь эти случаи враждебного отношения людей к отшельникам. Преподобный Кирилл Белозерский много терпел от лихого соседа, покушавшегося неоднократно сжечь его хижину. Рыболовы видели в Кирилле Новоезерском врага. Арсения Комельского выгнали с того места, где он поселился, и не повинный ни в чем отшельник ушел в глушь Шемгонского леса. Та же участь постигла и Стефана Махрищского. Димитрию Прилуцкому окрестные жители не позволяли селиться на реке Великой. Злые люди не раз нападали на Герасима Болдинского и били его. Неоднократно разбойники нападали на Сергия Нуромского. Александр Куштский отразил крестом татар, пришедших разорить обитель. Казанские татары обратили в груды пепла цветущую обитель Иакова Железноборского. Чудь разметала келию Феодора Ростовского. Григорий и Кассиан Авнежские,

основавшие монастырь близ Тотмы, были убиты. Авраамий Чухломской несколько лет боролся с чудью. Тогда только поняли гонители, что они заблуждались в своих взглядах на отшельников, когда увидели в них истинных ревнителей благочестия, своих молитвенников, своих покровителей, готовых помогать (и на самом деле помогавших) людям в их нуждах, напастях, скорбях и болезнях.

Слух о новом поселенце доходит до других, ищущих спасения. Пустынник принимает только тех, кто в силах нести подвиги и лишения пустынножительства, и с помощью новой братии сооружает церковь. Удельные князья дают возникшему монастырю те леса и луга, среди которых он находится. Местность оживляется. Кругом монастыря появляются целые слободы крестьян, возникают цветущие поля и тучные пастбища. Святость основателя привлекает посетителей, умножаются богатые вклады, к монастырю приписывают села с льготами для крестьян от всех государственных пошлин. Основатель ведет монастырь по-своему. Строгий подвижник делается строгим игуменом, сам подает пример братии во всем, исполняет самые трудные работы, тешет камни, рубит лес, мелет жерновом рожь, носит воду, трудится над рытьем пруда, колодца, заботится о возведении в монастыре построек, строит мельницы, праведно судит крестьян, помогает соседям чем может. Сам игумен носит худые ризы и готов унижаться перед всяким, даже самым меньшим: его смирение для всех поучительно. А чудеса, обильно текущие из рук преподобного, поселяют в народе высокое религиозное чувство и глубокое уважение к месту и игумену. Размножившиеся монастыри сдерживаются каждый сильной рукой своего основателя, человека, глубоко изучившего Божественное Писание и творения

святых Отцов. От этих-то древних монастырей и начинается эпоха книжного возрождения и русской образованности.

В стенах размножившихся во второй половине XIV века обителей игумены и деятельная братия под их руководством умножают число рукописей и тем, конечно, способствуют распространению грамотности. Кроме всех богослужебных книг, как песнопевческих, так и повествовательных — Библии, — которые списывались иноками с греческих подлинников на хартиях и пергаменте, в XIV веке появляются в рукописях монастырские жития св. Отцов греческих и латинских, обширные статьи с толкованиями Священного Писания, сочинения Дионисия Ареопagitа, сделанные на Афоне переводы толкования Иоанна Златоустого на книгу Бытия и Олимпиодора на книгу Иова⁷⁴ и занесенные в Россию нашими странствовавшими отшельниками. Это новое обогащение русской богословской литературы должно было оказать свое действие. Жития святых и различные толковательные сочинения читались в церкви во время богослужения⁷⁵. Знакомство с мудрыми христианскими писателями должно было очистить и возвысить религиозные понятия. Догматы веры должны были уясниться и окрепнуть под авторитетом Отцов Церкви. Но в среде русских книжников не было еще писателя, который бы объяснил большинству догматы веры православной и поделился бы с ними плодами своего духовного образования. Русские идут еще за другими, переписывают книги и редко переводят сами творения отеческие, так как весьма немногим были из-

⁷⁴ См. уже упомянутое нами рассмотрение К. И. Невоструевым книги Хрущева.

⁷⁵ *Ключевский В. О.* Образцовые писатели XV века // Православное обозрение. Август. 1870.

вестны греческий и латинский языки, на которых писали Отцы.

С конца XIV в. и в начале XV в. и у нас появляются таланты, которые дают первые литературные образцы нового агиографического стиля в составлении житий русских святых, похвальных слов и песнопений в честь их. Первым самостоятельным писателем этого рода сочинений был серб Киприан, митрополит Московский. Москва отнеслась с уважением к Киприану за полезную деятельность его, как пастыря, «вельми книжного и духовного, всякого благого любомудрия и божественного разума исполненного» — так говорит о нем биограф. Составленное им житие митрополита Петра стало любимым чтением древней Руси и переписывалось с большим усердием. Ко времени митрополита Киприана уже существовало житие св. Петра, написанное Прохором, ростовским епископом; но это сочинение было неудовлетворительно на взгляд образованного митрополита как в фактическом, так и в литературном отношении. Рассказ Киприана начат похвальным красноречивым словом св. Петру, «ибо, — говорит писатель, — праведнику подобает похвала, и я, привлекаемый любовью к пастырю, хочу малое некое похваление принести святителю». Ко всем сведениям о св. Петре, с которыми был знаком книжный мир, Киприан прибавляет многие интересные, новые сведения: о волынском происхождении Петра, о состоянии Волыни при Петре, о замысле волынского князя, пославшего Петра в Царьград ставиться в митрополита. И в этом житии есть сведения о том, что св. Петра многие на севере не хотели принимать, о чем умалчивают другие писатели. О соборе переяславском автор говорит, что против святителя составлялась целая партия иноков, священников, князей и бояр, шумно нападавших на Петра; помещает речь ми-

трополита к собору, утишившую смятение ⁷⁶. Предание о видении матери перед рождением Петра описывает с новыми подробностями и прибавляет сведение о чудесном даровании отроку успеха в книжном чтении; подвижничество в монастыре 12-летнего инок Петра, настоятельство в основанной им обители на Рате и др. Во всем биографическом труде бывают нередко многоречивые не фактические отступления, прерывающие рассказ, относящиеся к раскрытию новых черт характера Петра и служащие к похвале его. Похвальное слово, предшествующее жизнеописанию, красноречивая литературная отделка всего жизнеописания, написанного Киприаном, послужила уроком для других писателей.

Около того времени, когда Киприан трудился над житием митрополита Петра, в Сергиевой Лавре инок Епифаний взялся за перо, чтобы подготовить материалы для биографии своего учителя — преподобного Сергия. Через 26 лет после кончины Сергия — братия Троицкая с восторгом читала великий труд Епифания. Кажется, что за этот труд свой Епифаний остался в памяти потомства с прозванием премудрого. От Епифания история заимствовала сведения и о святителе Пермском Стефане, о котором он составил также подробное жизнеописание. За Епифанием следует Пахомий. Серб Пахомий приобрел громкое имя между древнерусскими книжниками, а по размерам и количеству своих литературных произведений он едва ли не самый плодовитый писатель всей древней России. Кроме сокращенного — Епифаниева — жития Сергия, которое Пахомий приспособил к церковному чтению, он составил службу и канон Сергию, житие Ни-

⁷⁶ Великие Минси-Четьи, собранные Всероссийским митрополитом Макарием / Изд. Археографической комиссией. СПб., 1868—1916. Декабрь.

кона, Варлаама Хутынского, Кирилла Белозерского, княгини Ольги, преп. Саввы Вишерского, архиепископа Евфимия, митрополита Петра и митрополита Ионы с похвальными словами этим святым, службами и канонами.

Сочинения Иосифа разошлись в большом количестве списков в XVI, XVII и даже в XVIII столетиях. Его строгое учение сделалось достоянием Русской Церкви. Когда на Соборе 1554 г. против еретика Башкина епископ Рязанский Кассиан, сочувствовавший обвиняемым, стал порицать книгу Иосифа Волоколамского на ересь Новгородских еретиков, то «ей тогда принесенной бывшей на собор на обличение еретиком и зело похвали ю боговенчаный царь, преосвященный Макарий митрополит и весь собор священный, светило ту нарекоша быти православию».

О Г Л А В Л Е Н И Е

Часть 1

Общий взгляд на Историю Русского монашества.....	3
Житие преп. Сергия Радонежского до основания им Троицкой обители.....	15
Начало основания Троицкой обители. Уединенные подвиги Сергия. Первые ученики Сергия. Порядки в пустыне Сергиевой до учреждения игуменства	22
Учреждение игуменства. Смирение и терпение Сергия. Слава и чудеса Сергия. Св. Алексий и преп. Сергей на служении престолу и Отечеству. Распространение монашества и устройство монастырей. Деятельность Сергия до учреждения общежития	33
Учреждение общежития. Новые порядки монастырские. Временное удаление Сергия из обители. Монастырь на Киржаче. Величие Сергия. Димитрий Донской. Преп. Сергей на служении Отечеству. Опустошительное нашествие Мамай. Последние годы жизни Сергия, необыкновенное посещение. Блаженная кончина Сергия	62
Преподобный Никон, второй игумен Троицкой обители. Нашествие Едигея. Разорение обители. Возобновление. Устройство каменного собора. Открытие мощей преп. Сергия. Новые владения обители. Кончина Никона	96

Часть 2

Предисловие

I. Монастыри в Москве и окрестностях ее, основанные учениками преп. Сергия:

Андроников.....	117
Симонов	128
Высоцкий	145
Пешношский.....	154
Саввин	160

II. Вологодские монастыри:	
Преп. Сильвестр Обнорский	172
Преп. Павел Комельский или Обнорский	174
Преп. Сергей Нуромский	176
Преп. Димитрий Прилуцкий	179
Друг преп. Сергия, Стефан Махрищский	183
Преп. Дионисий Глушицкий	186
Преп. Александр Куштский и преп. Евфимий Сянжемский	189
Преп. Феодосий Тотемский	193
Преп. Стефан Озерский	196
III. Монастыри в Костромской губернии и Ростовском уезде:	
Преп. Авраамий Чухломский	199
Преп. Иаков Железноборский	203
Преп. Феодор и Павел Ростовский	205
IV. Белозерские монастыри:	
Преп. Ферапонт Можайский	208
Преп. Кирилл Белозерский	211
V. Преподобный Пафнутий Боровской и ученик его преп. Иосиф Волоколамский	
Возникновение Иосифова монастыря	233
Борьба Иосифа с ересью жидовствующих	252
Заключение	267

ЛР № 071334 от 22.08.96 г.

Подписано в печать 22.06.99 Формат 84×108/32

Печать офсетная Бумага офс. № 1 Печ. л. 8,75

Тираж 5000 экз. Заказ 1992

Издательский Дом "Грааль"

Отпечатано в Производственно-издательском комбинате ВИНТИ,
140010, г. Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.

Тел. 554-21-86

КАТАЛОГ КНИГ

Издательства Крутицкого Патриаршего Подворья

Серия «Материалы по истории Церкви»

- Кн. 1. *Митр. Гедeon (Докукин)*. История христианства на Сев. Кавказе до и после присоединения его к России.
- Кн. 2. *Прот. Сергей Гаккель*. Мать Мария.
- Кн. 3. *Митр. Евлогий (Георгиевский)*. Путь моей жизни.
- Кн. 4. *Прот. Петр Смирнов*. История христианской православной Церкви.
- Кн. 5. Из истории христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии (сборник).
- Кн. 6. *Протопресвитер Василий Зеньковский*. Пять месяцев у власти. Воспоминания.
- Кн. 7. *Митр. Нестор (Анисимов)*. Мои воспоминания.
- Кн. 8. Российская Церковь в годы революции (сборник).
- Кн. 9. *А. Левитин-Краснов, В. Шавров*. Очерки по истории русской церковной смуты.
- Кн. 10. *П. В. Знаменский*. История Русской Церкви.
- Кн. 11, 12. *Протопресвитер Георгий Шавельский*. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота (2 тома).
- Кн. 13. *Архим. Феодосий (Алмазов)*. Мои воспоминания. Записки соловецкого узника.
- Кн. 14. Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии. 1917—1950 гг. (сборник).
- Кн. 15. *Л. Л. Регельсон*. Трагедия Русской Церкви.
- Кн. 16—19. *Е. Е. Голубинский*. История Русской Церкви (тт. 1—4).
- Кн. 20. *А. Ю. Полунов, И. В. Соловьев*. Жизнь и труды академика Е. Е. Голубинского.
- Кн. 21. *Архим. Киприан (Керн)*. Отец Антонин Капустин начальник Русской Духовной миссии в Иерусалиме.
- Кн. 22. *Архим. Сергей (Страгородский)*. По Японии. Записки миссионера.
- Кн. 23. *С. Л. Фирсов*. Очерки по истории Русской Церкви в царствование императора Николая II (*выходит из печати*).

Кн. 24. *М. В. Шкаровский*. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве.

Кн. 25. *А. П. Доброклонский*. Руководство по истории Русской Церкви (*выходит из печати*).

Кн. 26. *С. В. Римский*. Русская Церковь в эпоху великих реформ (*выходит из печати*).

Кн. 27. «Обновленческий» раскол. Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики (*выходит из печати*).

Серия «Богословская библиотека»

Игумен Иннокентий. Введение в историю русской богословской мысли.

Протопресвитер Александр Шмеман. Таинство крещения.

Протопресвитер Александр Шмеман. Введение в литургическое богословие.

Протоиерей Сергей Булгаков. Икона и иконопочитание.

Архим. Киприан (Керн). Литургика. Гимнография и эортология (учебное пособие).

Иеромонах Иларион (Алфеев). Жизнь и учение св. Григория Богослова.

Иеромонах Иларион (Алфеев). Мир Исаака Сирина.

Иеромонах Иларион (Алфеев). Преподобный Симеон Новый Богослов и православное предание.

Е. Е. Голубинский. История канонизации святых в Русской Церкви.

Книги для детей и юношества

Литургия. Альбом для раскрашивания.

Прот. Иоанн Матусяк. Наша вера.

С. С. Куломзина. Священная история в рассказах для детей.

Прот. Сергей Четвериков. Путь чистоты. Беседы с юношеством по вопросам пола.

Сочинения Святых Отцов

Св. Игнатий Брянчанинов. Письма о подвижнической жизни.

Св. Мелитон Сардийский. О Пасхе (литургическая поэма).

Сборники молитв

Православный молитвослов и Псалтирь.

Как молиться об исцелении от недуга пьянства.

Молитвы об умножении любви, искоренении всякой ненависти и злобы, умягчении злых сердец и о защите от нечистой силы.

Акафист иконе Божией Матери «Всецарица».

Художественная литература

В. А. Алфеева. Паломничество на Синай.

Проповеди и беседы

Иеромонах Иларион (Алфеев). «Ночь прошла, а день приблизился».

Нотные сборники

«Благослови душе моя Господа». Песнопения Литургии.

«Иже Херувимы». Песнопения Литургии.

«Хвалите имя Господне». Песнопения всенощного бдения.

«Избранные псалмы и молитвенные песнопения».

Песнопения Великого поста.

«Покаяния отверзи ми двери». Песнопения Великого поста.

«Тебе поем». Песнопения Литургии.

Другая литература

Прот. Сергей Четвериков. Бог в русской душе.

Прот. Сергей Четвериков. Правда христианства.

Что делать нам грешным?